К.К.Платонов

Структура и развитие личности

Академия наук СССР
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

К.К. Платонов

Структура и развитие личности

Ответственный редактор
доктор психологических наук
профессор А. Д. ГЛОТОЧКИН

Москва
«Наука»
1986

В книге обобщается ряд многолетних работ автора по одной из наиболее острых проблем современности — психологии личности. Опираясь на ленинскую теорию отражения и понимание личности как продукта коллективного труда, автор создал концепцию динамической функциональной структуры личности, а также метод обобщения независимых характеристик для ее изучения.
Для психологов, философов, социологов.

Рецензенты:
И. Ф. МЯГКОВ, Ю. В. ЮРОВ, В. И. МИХЕЕВ,
Ю. В. МАНЬКО, В. Л. МАРИЩУК,
М. П. КОРОБЕЙНИКОВ, Е. Д. САВЕЛЬЕВ

П $\frac{0304000000-255}{042(02)-86}$ 20—1986—III

ВВЕДЕНИЕ

Марксизм выделяет в качестве основных задач создание необходимой материальной базы, формирование общественных отношений и воспитание нового человека, всестороннее, гармоническое развитие его личности. Эти грандиозные задачи можно успешно решить, лишь опираясь на науку.

Сказанное объясняет, почему сейчас по широкому у нас признанию проблема личности стала одной из главнейших, если не самой главной проблемой, стоящей перед гуманитарными науками в нашей стране.

Внимание к этой проблеме сейчас усилено и за рубежом. Так, в странах, борющихся за освобождение от колониального угнетения, борьба за национальную свободу и развитие своей страны слилась воедино с борьбой за права и развитие личности. Но в империалистических государствах правящие круги, задерживая развитие человечества, гальванизируя умирающий капитализм и все более активно беря на вооружение если не открытый фашизм, то замаскированное неоницшеанство, также требуют усиления разработки проблемы личности, конечно в русле антимарксизма.

Вот почему проблема личности в настоящее время объективно стала не только ведущей научной, но и острой политической проблемой. Это не могут не учитывать все науки, объектом изучения которых является личность. А она, как уже было сказано,— объект изучения всех гуманитарных наук, ибо само название этих наук (от латинского hominus — человеческий) их к этому обязывает. Но более всех из них это положение относится к психологии, поскольку ни одна наука не обязана изучать личность так разносторонне и даже всеобъемлюще, как психология.

Но здесь необходимо сразу оговорить, что является для психологической науки ей данным, а что ей задано.

Ведь заданное психологической науке — это то, сущность чего должна быть именно ею изучена, понята, объяснена и доказана; данное же психологии — это то, что она, беря от других наук, должна учитывать.

Исходное для этой книги положение о доминирующей роли психологии в изучении личности может быть предельно кратко сформулировано и так: изучение сущности личности — задача психологии. Оно может быть уточнено более подробной формулировкой: психологии задано, используя данные всех других наук, и прежде всего философии диалектического материализма, раскрыть сущность личности на своем языке и, включив это понятие в общую систему психологических понятий, научиться управлять законами, которым подчинено и явление, отражаемое этим понятием.

Помочь решению этой задачи — основная цель книги. Но это и мотив, побудивший меня к работе над ней.

Но не единственный мотив. Дело в том, что, работая над проблемой личности с 1925 г., я с 40-х годов обобщил свои представления в концепцию динамической функциональной структуры личности и многократно ее публиковал, все более уточняя ее в отдельных фрагментах. Она находит все более широкое признание практиков, опирающихся нередко на давнишние мои публикации и не знающих более поздних, их уточняющих. В силу этого и возник второй мотив работы над этой книгой, как потребность, явившаяся отражением объективной нужды обобщить на новом уровне в одной книге различные ее фрагментарные публикации.

Эта книга — не сводка старых публикаций, а новая книга. В ее первой части дается в единстве логического и исторического поиск советской психологией сущности личности и ее связей со смежными психологическими категориями: сознанием и деятельностью. Поскольку в книге все же доминирует не исторический, а логический аспект проблемы личности, историческому аспекту учения о личности в советской психологии в основном посвящена только гл. 1.

Так как эта книга представляет собой развитие положений моей предыдущей книги, «Система психологии и теория отражения» (М.: Наука, 1982), в их применении к теории личности, гл. II определяет опору всего дальнейшего в излагаемой концепции на ленинскую теорию отражения.

Вторая часть книги посвящена теориям изучения и формирования личности. Этот порядок не случаен, так как формирование, не опирающееся на изучение, стихийно. При этом изложение во второй части ведется с позиций, определенных в первой части, не только с опорой на них, но и с их дополнением.

Такая структура книги определена тремя исходными положениями излагаемой концепции личности: во-первых, тем, что она опирается на ленинскую теорию отражения; во-вторых, связью излагаемой теории личности с ее практическим применением; в-третьих, стремлением показать, что структура личности не статическая, а динамическая.

Эта книга — теоретическая монография, но, поскольку она должна помочь практикам, важно, чтобы она была понятной и достаточно широкому кругу читателей.

В современной психологии еще нет достаточно четкой и общепризнанной системы психологических понятий, в силу этого иногда приводятся определения используемых психологических понятий, которые согласованы с моим недавно вышедшим в свет «Кратким словарем системы психологических понятий» (М.: Высшая школа, 1982).

Часть первая
О СУЩНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Глава первая
ПОИСКИ СУЩНОСТИ ЛИЧНОСТИ

1. Личность как душа

Любая создаваемая концепция личности, претендующая на новизну, должна учитывать если не все уже существовавшие (а все они необозримы), то все наиболее существенные из них, являющиеся этапами движения научной мысли, притом этапами, влияние которых еще не исчезло и поныне. Потому, ограничивая эту книгу периодом развития советской психологии, начать ее целесообразно с рассмотрения того наследства, которое она получила в учении о личности от многовекового прошлого.

Это тем более необходимо потому, что замаскированное влияние наследства, например отождествления личности с душой и ряда связанных с этим положением теорий (анимизма, гилозоизма, антропоморфизма и т. д.), казалось бы уходящих в далекое прошлое, еще имеет место.

Первый известный трактат, с которого принято начинать историю психологии (иногда говорят — предысторию), «О душе», был написан Аристотелем (384—322 гг. до н. э.). Трудно сказать, о чем в нем более говорилось,— о том, что потом стали называть «жизненной силой», или о психологии, или о личности.

Учитель Аристотеля Платон (428/427 — 348/347 гг. до н. э.), родоначальник идеализма, приписывал богу мысль: ничто неразумное никогда не может быть прекраснее того, что имеет ум, а ума не может быть ни в чем без души, потому бог вселил ум в душу, а душу — в тело. Он же развивал учение о переселении души, причем разумную душу помещал в голову, чувственную — в грудь, а низшей считал чревную душу, помещая ее в живот. Но и Вселенную он наделял душой.

Аристотель подверг критике взгляды Платона. Причем «критика Аристотелем „идей“ Платона,— как отмечал В. И. Ленин,— есть критика *идеализма* к а к и д е а л и з-

ма вообще... подрыв... *основ* идеализма»[1]. Различие понимания души Платоном и Аристотелем было понято и их последователями. И не случайно великий Рафаэль (1483–1520) в знаменитой фреске в Ватикане «Афинская школа» изобразил Платона, показывающего на небо, а Аристотеля – на землю.

Но идеалистическое понимание как души того феномена, который мы теперь называем термином «личность», существовало задолго до Платона, и о происхождении такого понимания лучше всего сказать словами Энгельса: «Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру»[2].

С идеей души связаны два понятия, влияние которых отмечается и поныне на современную психологию: понятие анимизма и гилозоизма.

Хотя термин «анимизм» (от лат. anima – дух, душа, калька; греч. psyche) введен в XVII в. немецким физиологом Г. Шаллем (1660–1734), обозначаемое им явление – одушевление либо всей природы в целом, либо отдельных ее частей – существовало со времени самых первобытных религий.

Термин «гилозоизм» (от греч. hylë – вещество, zoë – жизнь) вошел в науку также в XVII в. как обозначение вещества природы, давно существовавшего ощущением и мышлением. Этого мнения придерживались крупные философы-ученые: Аристотель, Джордано Бруно (1548–1600), Спиноза (1632–1677), Геккель (1834–1919), К. Э. Циолковский (1857–1935).

На этих мировоззренческих теориях надо было остановиться потому, что при всем их философском различии они имеют и общность, весьма существенную для правильного понимания личности[3]. Этой общностью является их психологический корень – антропоморфизм (от

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 255.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 282.
[3] *Платонов К. К., Шингаров Г. Х.* Специфика психических форм отражения // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, 1981. Т. 1. С. 99; *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 71.

греч. antropos — человек, morphe — форма) — перенос на любое явление мира человеческих свойств.

Одним из примеров антропоморфизма, имеющих непосредственное значение для теории личности, является так называемая фитопсихология — наделение психикой растений,— владевшая умами некоторых ученых в начале нашего века, и, хотя тогда же она была разгромлена К. А. Тимирязевым, эта теория имеет тенденцию возрождаться вновь, хотя и в несколько измененном виде. Но еще большее значение для теории личности имеет до сих пор широко распространенное наделение психикой беспозвоночных животных (а точнее — первичноротых), в том числе пчел и муравьев. Ошибочность этого была уже неоднократно показана. Но влияние антропоморфизма еще существует в признании так называемой «сенсорной психики» у насекомых [4].

Идея отождествления психики, души с личностью была получена в наследство и советской психологией. На этой позиции стоял Г. И. Челпанов (1862—1936), и не только в 1912 г., когда он писал, что «„душа" есть причина душевных явлений: только благодаря деятельности души мы имеем представления, чувства» [5], но и когда в первые советские годы был директором Института психологии. Борясь с этой концепцией, К. Н. Корнилов (1879—1957) понятие «личность» просто исключил из своих учебников [6].

Еще более живуче это понимание личности в современной буржуазной психологии и философии, в которых процветают различные теории, объединяемые термином «персонализм».

Персона (лат. persona) — так назывались ритуальные маски у этрусков, древнегреческих племен, населявших Италию. В Риме этим словом стали обозначать, кроме того, и роль, сначала изображаемую маской, а потом и самостоятельную: персона отца, персона вождя, персона раба и т. д. И только многим позже это слово стало пониматься и вошло во все романские языки как вообще особа, личность.

Персонализм в буржуазной психологии это не любая теория личности, а ее идеалистическое течение, признаю-

[4] Критику этого взгляда см.: Там же.
[5] *Челпанов Г. И.* Учебник психологии: (Для гимназий и самообразования). М., 1912. С. 1
[6] См.: *Корнилов К. Н.* Учебник психологии. Л., 1926; 2-е изд. М.; Л., 1928.

щее личность не только высшей ценностью, но и личной реальностью, духовным первоэлементом бытия, особой субстанцией.

Надо отметить, что персонализм в конце 19 в. зародился в русских работах И. А. Бердяева, М. О. Лоского, Андрея Белого и потом захватил умы буржуазных философов и психологов, получив многочисленные разветвления от чистого идеализма до попыток согласования его с марксизмом. Немалое влияние он, к сожалению, до сих пор оказывает и на советскую психологию, причем не только в форме широкого заимствования (в особенности психиатрами) терминологии персонализма (ядро личности, сферы), но и в понимании способностей как «самостоятельной сферы личности», о чем еще пойдет речь ниже.

Заслуживает специального и, к сожалению, еще не выполненного историко-филологического анализа сопоставление эволюции понятий: «персона — маска» и «персона — личность», с одной стороны, со старорусским понятием «личина» и «личность» — с другой.

Итак, понимание личности как особой духовной субстанции — души, возникшее как обязательный компонент любой религии, оформилось в русле идеалистической философии, в которой сохранилось и поныне. Оно оказывает хотя и незначительное, но не совместимое с марксизмом влияние на советскую психологию и смежные с ней науки.

2. Личность как сумма психических функций

Теория личности как души была не единственной, полученной в наследство от прошлого молодой советской психологией, сразу же не принявшей этого наследства. Но от второй теории личности, полученной ею от домарксистской психологии — функциональной психологии, она отказалась не так легко и быстро, в конечном счете взяв от нее то, что этого заслуживало. Но ряд отрицательных влияний функциональной психологии не изжит и поныне, что объясняется недостаточно четким пониманием ее истории.

Современное общемировое название науки, наиболее глубоко и разносторонне изучающей личность,— «психология» — содержит греческое слово psychē, входящее и в название уже упомянутого трактата Аристотеля, в котором была описана предшествующая ему история этой науки. Однако это ее название вместо термина «пневма-

тология» (от греч. pneuma — дуновение) стало общепризнанным, да и то не сразу, а только после работ немецкого философа и психолога Христиана Вольфа (1679—1754). Его учитель Лейбниц (1646—1716) этим термином еще не пользовался, а вложил в учение о монадах (от греч. monados — единица), существовавшее с времен пифагорейцев, содержание духовной единицы, отражающей весь мир. В. И. Ленин писал о «монадологии» Лейбница: «Тут своего рода диалектика и очень глубокая, несмотря на идеализм и поповщину» [7], но персоналисты взяли от Лейбница для учения о личности именно его идеализм.

До Христиана Вольфа термин «психология» применялся, насколько известно, только немецким филологом и гуманистом, сподвижником Лютера — Филиппом Мёланхтоном (1497—1560), в котором Энгельс видел прообраз «филистерского, чахлого кабинетного ученого» [8], и немецким же философом Гоклениусом, который в 1590 г. предложил этим термином обозначать книги о душе (а по существу, о личности).

Христиан Вольф, создавший «психологию способностей», заложил основу так называемой «немецкой школы». В своих двух книгах, «Эмпирическая психология» (1732) и «Рациональная психология» (1734), он, хотя и выхолостил лейбницевские элементы диалектики, сделал немало для психологии, впервые расположив все известные к тому времени психические явления в иерархическом порядке по группам и классам. Он сформулировал положение, что для каждой группы существует соответствующая «способность» как ее причина и основание. Не меньшая его заслуга для психологии личности заключается в разработке им немецкой психологической терминологии, заменившей прежнюю, латинскую.

Идеи Христиана Вольфа до сих пор не преодолены в так называемой полифакторной теории личности. И способности, по Вольфу, и факторы (тем более при их чисто математическом выведении) понимаются как причины и основания определенных групп психических явлений. При этом сущность и факторов, и способностей остается неизвестной.

Значение работ Вольфа для теории личности заключается в том, что он заложил основы того направления мировой психологии, которое теперь получило общепри-

---

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 70.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 373.

знанное название функциональной психологии. Оно особо активно стало разрабатываться после превращения психологии Вильгельмом Вундтом (1832—1920) в экспериментальную науку. Видными представителями ее стали в Германии Карл Штумпф (1848—1936), а в Австрии — Карл Бюлер (1879—1946).

Особым стимулом для функциональной психологии послужило появление и быстрое и широкое распространение тестов, ставших основным методом изучения и понимания личности. Большую роль сыграла и психотехника как прикладная психология труда, взявшая своим основным методом именно тесты. У нас функциональная психология, соединившись с тестологической психометрией, подтолкнула известного психиатра и психолога Г. И. Россолимо (1860—1928) к идее психологического профиля. Он предложил, измерив рядом методов уровень отдельных функций и переведя результаты измерения в десятибалльную систему, переносить их на график в виде «профиля личности» [9].

Если бы это был только технический прием обработки и показа результатов, о нем можно было бы здесь не говорить. Но эта идея сомкнулась с попытками истолкования личности через рядоположенность отдельных, независимых друг от друга и всегда самих себе равных функций. Такой взгляд на личность жив еще до сих пор в понимании способностей как неких самостоятельных свойств личности.

Влияние функциональной психологии на советскую психологию было очень велико. Не только вся теория психотехники строилась, опираясь на нее, но и в большинстве учебников также полностью отражался именно функционализм. Так, например, в учебнике для педагогических институтов раздел «Индивидуально-психологические особенности личности» начинался такими словами:

«В главах, посвященных различным психическим функциям, неоднократно указывалось, что у разных людей психические процессы, связанные с данной функцией, протекают по-разному. Так, например, рассматривая ощущение, мы замечаем, что величины порогов ощущений у разных людей бывают различны. Весьма существенны различия между людьми по типам представлений,

[9] См.: *Россолимо Г. И.* Психологические профили. 2-е изд. М., 1917; *Он же.* Экспериментальное исследование психомеханики по индивидуальным и массовым методам: (для врачей, педологов и психотехников). М., 1928.

т. е. по той роли, которую играют у них представления того или другого вида...

Не менее важны различия по быстроте и точности запоминания, по быстроте и силе эмоциональной возбудимости и т. п.

Все эти факты указывают на то, что в психике человека существует ряд индивидуальных особенностей, отличающих одного человека от другого»[10].

Правда, уже тогда несколько ниже было написано: «Перед психологией возникает задача изучения тех индивидуально-психологических особенностей личности, которые, включая в себя различия по отдельным функциям, являются, однако, новыми качественными образованиями, придающими специфический характер всему психическому облику каждого конкретного человека. К таким индивидуально-психологическим особенностям личности мы относим отличия по темпераменту и характеру под общим названием „свойство личности"».

По такой схеме тогда и некоторое время в дальнейшем строились почти все учебники психологии. Сначала излагались отдельные психические функции, и только потом — свойства личности: темперамент, способности и характер. Здесь уместно отметить, что впервые преодолел эту схему Т. Е. Егоров (1891—1959), который в своем учебнике «Психология» для военно-учебных заведений (М., 1952) впереди анализа функций поставил свойства личности, повторив это и во втором издании этого учебника (М., 1955). В дальнейшем такая схема построения учебников нашла широкое распространение, но вряд ли можно считать, что этот прием полностью снял еще не исключенное влияние функциональной психологии.

Итак, одностороннее понимание личности только как суммы психологических функций еще не полностью преодолено в советской психологии и поныне, хотя стремление к ее преодолению отчетливо осознано. Ошибка понимания личности как совокупности психических процессов заключается в абсолютизации результатов их применения. Ошибочность такого понимания личности хорошо иллюстрирует пословица: «За деревьями не видят леса». Но еще лучше об этом сказать словами Гете, вложенными им в уста Мефистофеля:

---

[10] Психология / Под ред. К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова, Л. М. Шварца. М., 1938. С. 306.

...Живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познанье получить,—
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, но жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась! [11]

То, что Гете здесь назвал «духовной связью», марксизм определяет положением: целое больше суммы его частей, за счет связей и взаимодействий этих частей. Правильное направление дальнейшего использования и развития теорий этого этапа будет показано в дальнейших главах.

3. Личность как опыт человека

Много вреда принесла ставшая уже к концу 30-х годов крылатая фраза: «Нет плохих учеников, есть плохие учителя». Стимулом для ее появления было не всегда правильное понимание постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» [12].

Вскоре была опубликована статья В. Н. Колбановского, бывшего незадолго до этого директором Института психологии, педологии и психотехники («Института трех П», как его коротко тогда называли). Поскольку эта статья сейчас труднодоступна, здесь уместно привести некоторые фрагменты из нее. Начиналась она так:

«История психотехники — этой сравнительно молодой „науки" — несложна, но поучительна. Ее основоположником и виднейшим теоретиком был крупный буржуазный психолог, идеалист Вильям Штерн. Исходя из глубоко реакционной установки, что между интересами капиталистов и рабочих существует „гармония", Штерн попытался создать новую науку, которая позволяла бы капиталистам возможно „рациональнее" производить профессиональный отбор рабочих, соответствующий требованиям определенной отрасли производства или нуждам отдельного предприятия...

Трудно найти еще одну такую „науку", которая с такой чрезмерной угодливостью и старанием подыскивала бы „научное" обоснование для реакционнейших проявле-

---

[11] *Гете.* Фауст. М., 1939. С. 78.
[12] См.: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпроса».

ний капиталистической практики, как это делает психотехника...

Так было с педологией. Так обстоит дело с психотехникой. История, теория, методы и практика одной лженауки поразительно совпадают с таким же существом у другой. Естественно, напрашиваются и те же выводы...».

Кончалась статья словами: «Но прежде всего нужно покончить с „психотехнической практикой". Существующие психотехнические лаборатории и станции нужно ликвидировать, а их работников вернуть к полезному труду» [13].

Эта статья была воспринята многими как установка на отождествление педологии не только с психотехникой и психологией труда (что привело к закрытию всех производственных лабораторий), но и с общей психологией, что нанесло тяжелый удар учению о личности.

Ошибочное понимание партийной установки быстро обобщилось с односторонним пониманием так называемой «культурно-исторической теории», развиваемой Л. С. Выготским (1896—1934), а потом и с ошибочными биологическими концепциями агронома Т. Д. Лысенко, подменившего не признаваемую им наследственность всемогущим влиянием среды. Широкая пропаганда идей последнего определялась директивными указаниями Министерства просвещения преподавателям биологии в средней школе и в вузах и влиянием последних на других педагогов. Это и привело к ошибочному пониманию личности и отождествлению ее только с опытом.

Однако корни этого отождествления исторически очень глубоки и идут к уже описанному пониманию персоны как роли, выполняемой маской в Древнем Риме, а еще ранее — в древнегреческом театре. Наиболее четко эти корни проявились в истории учения о характере. Аристотель для обозначения деятельной, практической стороны личности пользовался словом «этос», означающим нрав, обычай, образ мыслей. Его друг Теофраст (ок. 370—288 гг. до н. э.) ввел вместо «этоса» термин «характер», обозначавший примету, признак, черту, особенность, и описал в своем трактате [14] 31 характер людей, деля их по наиболее выраженной примете: «лесть», «болтливость», «скучный рассказчик», «хвастовство», «притворство» и т. д. Он высказал мысль, что характеры людей отражают нравственную жизнь общества. В дальнейшем Лабрюйер

---

[13] *Колбановский В. Н.* Так называемая психотехника // Известия, 1936, 23 окт.

[14] *Теофраст.* Характеристики. СПб., 1888.

описал 1120 характеров, разделив свою книгу на ряд глав о городе, дворе, о вельможах и т. д.[15]

Джон Ст. Милль (1806—1873) проектировал науку о характерах (в последующем, по существу, ставшую дифференциальной психологией), назвал ее «экологией». От Аристотеля же пошло закрепленное в дальнейшем его последователями отождествление характера (этоса) с волей: «Характер нам показывает, каков принцип и мотив говорящего, поэтому бесхарактерна та речь, из которой не видно, чего человек избегает и к чему он стремится» [16].

Дальше речь о характере пойдет в гл. VIII, но здесь надо отметить, что в течение всей истории учений о характере четкого различения между ним и понятием личности не было. Это хорошо видно из книги А. Г. Ковалева и В. Н. Мясищева [17], излагающей историю этого учения и показывающей попытки найти указанное различие.

Но отождествление личности и характера не исчерпывало подмены личности в целом, ее опыта. Здесь уместно отметить роль в этой подмене английского философа Джона Локка (1632—1704), основоположника материалистического сенсуализма, который подверг уничтожающей критике теорию врожденных идей Платона, Декарта и их последователей. «Предположим,— писал он,— что душа есть, так сказать, белая бумага без всяких знаний и идей. Но каким же образом она получает их? Откуда она приобретает тот обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение разрисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает она весь материал рассуждений и знаний? На это я отвечаю словом: из опыта» [18].

Образ «чистой доски» Локка, бесспорно, должен лежать в основе теории развития личности. Но его надо правильно понимать (о чем речь пойдет в § 2 гл. IX), а понимали его, да и до сих пор часто понимают, только как абсолютизацию опыта.

Но еще большее значение, чем в книге Локка, для отождествления личности с опытом человека имели идеи Клода Гельвеция (1715—1771), о котором К. Маркс писал: «Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промыш-

---

[15] *Лабрюйер Ж.* Характеры или нравы этого века. СПб., 1889.
[16] *Аристотель.* Поэтика. Варшава, 1885. С. 64.
[17] См.: *Ковалев А. Г., Мясищев В. Н.* Психологические особенности человека. Л., 1960. Т. 1. С. 149—155.
[18] *Локк Д.* Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 1. С. 128.

ленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы»[19].

Если идеи Локка и их формулировки не доходили до широкого круга читателей, то Гельвеций был понятен, всем. Так, одну из глав своей книги «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» (1773) он назвал словами, прозвучавшими как выстрел: «Воспитание всемогуще», а другую — словами, прозвучавшими как пощечина дворянству: «Все люди обыкновенной, нормальной организации обладают одинаковыми умственными способностями». В ее начале он выделил курсивом свою основную идею: «Квинтилиан, Локк и я утверждаем: неравенство умов есть результат известной причины; и эта причина — разница в воспитании»[20].

Эта была четко и понятно сформулированная революционная для того времени идея учения о личности. Как справедливо отмечает Х. Н. Момджян: «Ни одна из идей Гельвеция не породила такого бешеного взрыва негодования и таких саркастических выпадов реакционеров, как эта идея об умственном равенстве людей. Двор, парижский парламент, Сорбонна, папа римский, феодальная знать, духовенство, версальские куртизанки были „оскорблены“ в своих лучших чувствах»[21].

Дени Дидро (1713—1784), «вплотную подойдя к взгляду современного материализма», как считал В. И. Ленин[22], в своем «Систематическом опровержении книги Гельвеция „О человеке“» (1774), остроумно разбирая по очереди все положения Гельвеция, «грешащие обычно лишь слишком большой общностью», ограничивал их. «Он говорит,— писал Дидро,— воспитание значит все. Скажите: Воспитание значит много. Он говорит: Организация не значит ничего. Скажите: Организация значит меньше, чем это обычно думают»[23]. Дидро, как и многие в его время, под «организацией» понимал врожденные свойства психики. «Поступать так,— обращался он по адресу Гельвеция,— кажется мне, значит... писать одновременно и сатиру на воспитателей, и апологию их»[24].

«Значение воспитания,— писал Дидро,— заключается

---

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 144.
[20] *Гельвеций К. А.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938. С. 51.
[21] *Момджян Х. Н.* Философия Гельвеция. М., 1956. С. 235.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 28.
[23] *Дидро Д.* Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 215.
[24] Там же. С. 128.

вовсе не в том, чтобы сделать из любого среднеорганизованного ребенка то, что желательно сделать из него его родным, но в том, чтобы заставить его постоянно заниматься тем, к чему он способен»[25]. Положение Дидро — «человек не рождается ничем. Каждый человек рождается с известной способностью к чему-нибудь»[26] — до сих пор признается большинством советских психологов (часто забывающих, чьи это слова) как основной тезис педагогического оптимизма.

Вернувшись несколько назад в прошлое, можно прочитать следующие слова создателя механистического материализма, английского философа Томаса Гоббса (1588—1679), который писал в 1651 г.: «Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей... что же касается умственных способностей... то я нахожу в этом отношении даже больше равенства среди людей, чем в отношении физической силы... Из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение своих целей»[27].

Это была первая, наиболее четкая формулировка мнения, получившего в дальнейшем название теории эквипотенциальности личности (лат. aequus — равный, potentia — возможность). В советской психологии эта теория получила многочисленные признания в конце 30-х или 40-х годов под влиянием уже описанного неправильного понимания Постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г.

Первая статья с этих позиций была написана педагогом С. Ф. Козловым[28], хотя и назвавшим ее «Способности и одаренность», но воинствующе отождествлявшим личность в целом только с результатами обучения и воспитания. Несколько позднее А. В. Введенов в книге, вошедшей в «Педагогическую библиотеку учителя», в главе «Суеверия и предрассудки подростков как недостатки воспитания воли», с этих же позиций писал: «Всякие суждения о плохих и хороших способностях учеников средней школы должны быть прекращены как вредные, антинаучные, деморализующие как детей, так и учителей и родителей»[29].

---

[25] Там же. С. 237.
[26] Там же. С. 275.
[27] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1963. С. 113.
[28] *Козлов С. Ф.* Способности и одаренность // Сов. педагогика. 1940. № 6.
[29] *Введенов А. В.* Воспитание воли у ребенка в семье. М., 1952. С. 126.

Но эквипотенциальность личности находила защитников и многим позднее. Вот слова весьма влиятельного авиационного врача-психолога, много лет преподававшего авиационную психологию другим врачам со следующих позиций: «Является принципиально важным положение, согласно которому каждый здоровый, нормальный человек получает от родителей „полный набор" задатков всех человеческих способностей» [30].

Известный философ Э. В. Ильенков также много лет защищал эту теорию, что нашло, в частности, отражение в его статье «Психика и мозг» на страницах «Вопросов философии» (1968, № 11). Философ Б. А. Сазонтьев, принимая участие в конференции по способностям в 1970 г., говорил: «Каждый может при идеальных условиях овладеть любой деятельностью и выполнять ее по-своему, оригинально, с элементами творческой новизны» [31]. В дискуссиях это направление получило название «неогельвецианство» [32]. Постепенно выяснялась односторонность этих взглядов, и потому в 70—80-х годах они быстро стали уходить в прошлое, хотя еще полностью не ушли.

Итак, абсолютизация роли приобретенного опыта в личности, приведшая к отождествлению личности лишь с ним, не только имеет глубокие исторические корни, но и опирается на прогрессивные тенденции. В XVII в. они были связаны с борьбой за равенство представителей различных классов и за пансофию — всеобщее обучение, о необходимости которого писал чешский педагог Ян Амос Коменский (1592—1670) в «Великой дидактике», оказавший существенное влияние на прогрессивные идеи Гельвеция. Но абсолютизация идеи восстановления педагогики в ее правах в середине XX в. привела к ошибочным идеям неогельвецианства. Правильному использованию и развитию идей этого этапа будут посвящены следующие главы.

4. Биологизация личности

Извечная борьба материализма с идеализмом не могла не отразиться в борьбе взглядов на личность. При этом, пока материализм еще не поднялся до уровня диалекти-

[30] *Алякринский Б. С.* Некоторые аспекты теории летных способностей // Авиакосмическая медицина. М., 1967. С. 222.

[31] *Сазонтьев Б. А.* Модель равноценной одаренности людей // Матер. конф. по проблеме способностей. М., 1970. С. 7.

[32] Вопр. философии. 1970. № 9. С. 142.

ческого материализма и часто принимал формы вульгарного материализма и механицизма, понимание личности и психики в целом нередко было биологизаторским.

Биологизация личности, особенно в ее замаскированной форме,— наиболее ошибочное понимание личности. К сожалению, она распространена у нас и поныне, часто свойственна врачам, что определило глубокие ее корни в истории психологии. Ведь испокон века личность являлась объектом изучения не только философов, но и врачей. Педагоги и психологи как представители самостоятельных профессий появились значительно позже.

Еще Гиппократ (460—370 гг. до н. э.), который был не только философом, но и врачом, создал учение о «четырех соках» человеческого организма и, связав с ними ряд не только телесных, но и душевных проявлений, тем самым заложил основу для развития в средние века учения о темпераментах. Он защищал идею, которую в течение длительного времени не признавали многие авторы: органом мышления и ощущения является мозг. Иногда забывают, что и Аристотель был сыном крупного для того времени врача, игравшего большую роль в его воспитании. Заслуживают упоминания имена врачей, вошедших в историю психологии. Среди них — Алкмеон из Протона (VI до н. э.), впервые пытавшийся опытным путем доказать, что мозг — «седалище души и сознания»; римский врач Гален (129—199), написавший около 400 трактатов по философии и медицине, в которых он обобщал и развивал материалистические взгляды античных философов; знаменитый Ибн Сина, Абу Али Хусейн ибн Абдамах, или Авиценна (980—1037), и его современник Аль Газен, заложивший основы учения о зрении; арабский врач Ибн Зоар (Авензоар) — учитель и единомышленник Ибн Рушда, или Аверроэса (1126—1198), давший материалистическое обоснование связи разума (нуса) с телом и оказавшего наиболее значительное влияние на средневековых врачей и философов. Нельзя не напомнить об испанских врачах и философах Гоммесе Перейра (1500 — 1560) и Хуане Уарте (1530—1592); книга последнего «Исследования способности к наукам» издавалась более 70 раз на многих языках (последнее издание: М., 1960).

В более поздние времена это были Ламетри (1709 — 1751) — автор трактата «Человек-машина»; Д. Гартли (1705—1757), заложивший основы ассоцианизма; Б. Раш (1745—1813), написавший работу «О влиянии физических причин на моральные способности человека» и боровший-

ся с ассоцианизмом; Кабанис (1757–1808); Д. Раш (1786–1839), американский бихевиорист.

У нас были И. Е. Дядьковский (1784–1841); С. С. Корсаков (1854–1900), А. А. Токарский (1859–1901), В. М. Бехтерев (1857–1927); Г. И. Россолимо (1860–1928), А. Ф. Лазурский (1874—1917); В. Н. Мясищев (1893—1973); В. Н. Колбановский (1902—1970) и многие другие врачи — борцы за передовую для их времени психологию.

Необходимо особо выделить влияние на понимание психики, а следовательно и личности, ряда врачей, развивавших взгляды Пьера Кабаниса. В 1802 г. он писал: «Чтобы получить правильную идею о действиях, результатом которых является мысль, мы должны рассматривать мозг как особый орган, специально предназначенный для ее производства, так же как желудок и кишки предназначены для пищеварения, печень — для очищения от желчи, слюнные железы — для изготовления слюны. Впечатление, достигающее мозга, приводит его в деятельное состояние, подобно тому как пищевые продукты, попадая в желудок, вызывают выделение в достаточном количестве желудочного сока и движение, благоприятствующее их растворению» [33].

Некоторые авторы считают Кабаниса первым вульгарным материалистом (этот термин был введен в науку Энгельсом). Но другие к таковым причисляют, как это делал и Энгельс, только последователей Кабаниса, начиная с биолога Карла Фохта (1817–1895), который еще более заострил утверждение Кабаниса, считая, что мозг продуцирует мысль точно так, как почки выделяют мочу или печень — желчь. Сознание он отождествлял с материей. Другой врач — Яков Молешотт (1822–1893) — искал внутреннюю связь между «составом пищи и духовной жизнью народа» [34]. Третий врач, Людвиг Бюхнер (1824—1899), отождествлял психику животных и сознание человека [35].

Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «карикатурные персонажи Фогт, Бюхнер и т. д. создали получивший среди публики... широкое распространение... вульгарный материализм» [36]. Это было отмечено и В. И. Лениным:

---

[33] *Кабанис П.* Отношение между физической и нравственной природой человека. СПб., 1865. Т. 1. 1866. Т. 2.
[34] *Молешотт Я.* Физиологические эскизы. М., 1965. С. 74—86.
[35] *Бюхнер Л.* Психическая жизнь животных. М., 1902.
[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 368.

«От „вульгарных" материалистов Фогта, Бюхнера и Молешотта Энгельс отгораживался, между прочим, именно потому, что они сбивались на тот взгляд, будто мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь» [37].

О сказанном надо было напомнить потому, что в 60-х годах в советских науках, изучающих личность, отмечалась вспышка биологизаторского ее понимания. Она была вызвана проведением научной сессии АН СССР и АМН СССР, вошедшей в историю психологии как Павловская сессия.

Открыл эту сессию президент АН СССР академик С. И. Вавилов словами: «В сентябре прошлого года наша страна во всю ширь, от научных учреждений до колхозов, с необычайным подъемом праздновала 100-летие со дня рождения Ивана Петровича Павлова. Этот удивительно широкий характер юбилея ученого определяется, без сомнения, совсем особенным значением учения Павлова не только для физиологии, не только для науки, но и для всей советской культуры и жизни.

Учение Павлова не просто великая ценность, не только огромное достижение и важнейший итог науки. Павлов раскрыл очень далекие перспективы для нового роста физиологии и психологии, для биологии и естествознания в целом. Павлов нашел важнейшую в отношении как метода, так и результатов магистраль в науке, воздвиг исключительно сильную опору материалистическому мировоззрению в кардинальном вопросе... взаимоотношении материального и психического, или идеального» [38].

Первый доклад академика К. М. Быкова «Развитие идей И. П. Павлова (задачи и перспективы)» начинался словами, не потерявшими, как и слова С. И. Вавилова, значение и поныне: «Важнейшей основой современной медицины является биология. Закономерности биологии поэтому и лежат в теоретическом обосновании всех кардинальных вопросов теории и практики медицины. Но, поскольку медицинские дисциплины всесторонне изучают организм человека, медицина как в ее теоретическом, так и в практическом плане опирается и на так называемые гуманитарные дисциплины. Поэтому всякая попытка создать теоретическое обоснование медицинской науки на основе только биологии или на основе только психоло-

---

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 41—42.

[38] Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. 28 июня — 4 июля 1950 г. Стеногр. отчет. М., 1950. С. 5.

гии неизбежно приводила и приводит к грубому механистическому мировоззрению и в конце концов к беспочвенному идеализму и фидеизму»[39].

Оценку хода и результатов этой сессии лучше всего дать словами постановления специального Всесоюзного совещания, созванного в мае 1962 г. Академией наук СССР, Академией медицинских наук СССР, Академией педагогических наук РСФСР, министерствами высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР, которое имело задачу обсудить назревшие философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. В этом постановлении было отмечено, что стиль проведения сессии «сковывал творческую инициативу ученых и порождал догматизм, исказив идею научной критики, подменив товарищеский, свободный обмен мнениями декретированием теоретических положений и выводов, наклеиванием разного рода ярлыков на инакомыслящих.

Последующие за сессией годы показали, что еще до сих пор полностью не преодолены биологизаторские тенденции в науках о человеке. Биологизация же человека смыкается с вульгарно-материалистическими взглядами...

Среди некоторых ученых было распространено ложное представление о том, что стоять на позициях павловского учения — значит держать в конечном счете курс на ликвидацию психологии, а утверждать существование психологии как самостоятельной науки — значит защищать в конечном счете антипавловскую линию»[40].

Надо ли удивляться, что на этом фоне личность была сведена не только к темпераменту, но и к типу нервной системы, единственным правильным путем ее изучения был признан путь изучения типологических особенностей. На этот путь встал и Б. М. Теплов, приняв это решение еще во время Павловской сессии. Однако, и это необходимо отметить, в отличие от многих физиологов, изучавших типы нервной системы, он создал не только теорию, изложенную в пяти томах под его редакцией[41], сумев полностью избежать биологизации личности, но и школу своих последователей.

---

[39] Там же. С. 13.

[40] Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 757—758.

[41] Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М., 1956—1967. Т. 1—5.

Примером биологизации личности, типичной для 50-х годов, было выступление физиолога Н. И. Красногорского, пытавшегося объяснить не только способности беспризорника, но и саму детскую беспризорность в период гражданской войны типами нервной системы. Эта волна биологизации не так быстро спала [42].

Итак, корни биологизации личности смыкаются с корнями вульгарного материализма. Павловская сессия вызвала волну биологизации психики, затормозив и исказив развитие теории личности, но вместе с тем способствуя созданию и развитию теории типологических особенностей личности школы Б. М. Теплова, оставившей неизгладимый след в общей теории личности.

Своеобразным проявлением биологизации личности, доведенным до ее логического предела, вульгарного материализма, нужно считать следующее высказывание, принадлежащее врачу-кибернетику Н. М. Амосову: «Создание искусственного разума — вопрос только времени... Искусственный разум неизбежно превратится в личность». Конец фразы: «...как только у него будет воспроизведена саморегуляция» [43],— не меняет понимания личности, так как, по мнению автора, и это только вопрос времени.

И все же этот этап содержал и ценные идеи для теории личности, развитию которых будут посвящены следующие главы.

5. Вульгарная социологизация личности

Как известно, в процессе мышления продумывание положения как тезы заставляет задуматься и над антитезой. Эта закономерность отчетливо проявлялась и во взглядах на личность. Обращение к ее биологической стороне обязывало обратить бо́льшее внимание и на ее социальную сторону. Ведь именно это заставило и Аристотеля определить человека как общественное животное.

Поэтому и А. И. Герцен (1812—1870), который вначале большее внимание обращал на биологическую сторону человека, уже в конце 60-х годов прошлого века писал, что чисто биологический подход к человеку является крайне односторонним и потому неудовлетворительным, что нельзя механически сводить законы социальной жиз-

---

[42] См, напр.: *Первомайский Б. Я.* О типологической основе структуры личности // Проблемы личности: Материалы симпоз. М., 1969. Т. 1. С. 129—136.

[43] *Амосов Н. М.* Искусственный разум. Киев, 1969. С. 146, 152.

ни к законам природы, уже в это время он отметил, что одной физиологией нельзя объяснить поведение человека, и звал на помощь социологию: «Задача физиологии состоит в том, чтобы проследить жизнь от клеточки до мозговой деятельности. Она оканчивается началом сознания, она останавливается у порога истории. Социальный человек ускользает от физиологии, социология, напротив, овладевает им при выходе из состояния простой животности» [44],— писал он. «Социология,— писал он тогда же,— выведет человека из анатомического театра и возвратит его истории» [45].

Но любая крайность в групповом мышлении быстро приводит к появлению другой крайности. Поэтому описанная выше волна биологизации личности вызвала возникновение вульгарной социологизации, которая проявилась в трех вариантах. В первом варианте это было полное или частичное отождествление личности только с ее отношениями, что защищали крайние сторонники теории отношений, созданной В. Н. Мясищевым, или абсолютизация направленности личности. Так это делала Л. И. Божович, когда писала, что «структура личности определяется прежде всего ее направленностью» [46]; и Н. И. Рейнвальд: «Личность — это вершина психического развития человека и в то же время высшая ступень саморегуляции» [47].

Эти положения были бы правильны, если бы они не были абсолютизированы дальнейшим развитием понимания личности и тем вульгаризированы.

Во втором варианте это было связано с односторонним толкованием определения личности как совокупности общественных отношений. Так, например, на общем собрании Академии педагогических наук РСФСР в 1965 г. ее вице-президент Н. К. Гончаров в своем докладе сказал: «Личность человека К. Маркс определил как совокупность общественных отношений» [48]. Подобное же определение сущности человека как совокупности общественных отношений привела и Б. В. Зейгарник [49].

---

[44] *Герцен А. И.* Избр. филос. произв. М., 1949. Т. 2. С. 280—281.
[45] Там же. С. 279.
[46] *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 422.
[47] *Рейнвальд Н. И.* Личность как предмет психологического анализа. Харьков, 1974. С. 126.
[48] См.: Сов. педагогика. 1965. № 5. С. 31.
[49] *Зейгарник Б. В.* Личность и патология деятельности. М., 1971. С. 12.

Ошибочность этого понимания личности была уже дважды раскрыта.

Первый раз это было в книге «Личность и труд», где был приведен классический тезис Маркса: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [50], и было дальше сказано: «Однако последнее высказывание, односторонне понятое, иногда приводит к ошибочному силлогизму: сущность человека есть совокупность общественных отношений; сущность человека есть личность; значит, личность есть совокупность общественных отношений.

Следствием является игнорирование других свойств и сторон личности. Подобная односторонняя и, следовательно, метафизическая трактовка высказывания Маркса неправомерна. Родившись в прогрессивной борьбе с биологизаторским пониманием личности, такая трактовка приводит к ее социологизированию» [51].

Второй раз также после приведенного тезиса Маркса было сказано: «Этот тезис четко ориентирует на рассмотрение личности не в качестве изолированной монады, а как общественного существа. Но Маркс здесь явно имеет в виду не единичную личность, а человека как родовое понятие. Человек как род действительно совпадает с совокупностью общественных отношений, с обществом. История общества есть не что иное, как история людей, или, что одно и то же, история общественного человека. Но применимо ли это к отдельному эмпирическому индивиду? „Сущность человека" и „конкретная личность" не одно и то же. Могу ли я, не погрешив против истины, назвать себя совокупностью всех общественных отношений, когда сфера моей (и вашей, и любого конкретного индивида) деятельности заведомо включает лишь незначительную часть этих отношений?» [52] И та и другая критика, бесспорно, правильно отмечала недопустимость приписывания Марксу определения личности, которое он не давал и не мог дать.

В третьем варианте вульгарная социологизация личности проявляется в форме утверждения полного отсутствия у личности чего-либо, кроме ее социальных свойств,

---

[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 3.
[51] Личность и труд. М., 1965. С. 17—18.
[52] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967. С. 9.

как считал П. Е. Кряжев [53]. Предельно точно эту точку зрения сформулировал А. Ф. Косарев: «Личность как свойство человека быть включенным в систему общественных отношений социальна полностью; в ней нет ни грана биологического» [54]. Но на совещании 1975 г., когда это было сказано, он уже широкой поддержки не получил.

Однако этому пониманию личности суждено было еще раз получить четкую формулировку, данную А. И. Щербаковым.

«Для характеристики нормального человека как личности, как сознательного деятеля должны быть взяты только те психологические проявления, в которых выражается его отношение к окружающей действительности, и те свойства, которые проявляются в социально значимых действиях и поступках человека. Именно эти свойства, отношения и действия и должны быть предметом изучения при разработке теории психологической структуры личности» [55],— писал он, и более точно не сформулируешь этого понимания личности, к которому мы еще вернемся в дальнейшем.

Итак, в поисках сущности личности крайне односторонней, и потому неверной, точкой зрения является не только ее биологизация, но и противопоставленная ей, поныне не изжитая ее вульгарная социологизация. Как будет показано в гл. IX, ее ошибка отнюдь не в подчеркивании значения социального в личности, а в его абсолютизации. Социолог, изучая в личности ее социальную сторону, в какой-то мере будет ее социологизировать. Но психолог, педагог или философ, иногда забывая о необходимости всестороннего ее изучения и абсолютизируя только ее социальную сторону, допускает вульгарную социологизацию ее. В этом — отличие вульгарной социологизации личности от ее биологизации, всегда ошибочной и не требующей потому прилагательного «вульгарная».

Вульгарная социологизация личности легко переходит в подмену «личностью вообще», как самой различной

---

[53] *Кряжев П. Е.* Некоторые социологические вопросы формирования личности // Вопр. философии. 1966. № 7.

[54] *Косарев А. Ф.* К философскому пониманию теории человека // Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. С. 42.

[55] *Щербаков А. И.* Психологическая структура личности и закономерности ее формирования // Психология личности и педагогическая психология. М., 1977. С. 16.

(в том числе и оптимальной — как лучшей в конкретных условиях), идеальной (т. е. как лучшей из теоретически возможных). А это практически нередко приводит к смешению конкретных задач воспитания и перевоспитания с более общей и сложной задачей формирования нового человека. Поэтому к этому вопросу придется вернуться еще раз в последней главе книги.

6. Отождествление личности и человека

Эта глава о поисках психологической сущности и соответствующего ей определения личности не может быть закончена без анализа определений, даваемых личности в современных авторитетных публикациях.

На первое место надо поставить определение, даваемое Большой Советской Энциклопедией, как наиболее широко используемой публикацией: «Личность — человек как общественное существо, субъект познания и активного преобразования мира. Личностью является только человек как разумное существо, обладающее речью и способностью к трудовой деятельности» [56].

В последнем издании это определение уточнено (и усложнено): «Личность, общежитейский и научный термин, обозначающий: 1) человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо в широком смысле слова) или 2) устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности. Хотя эти два понятия — лицо как целостность человека (лат. persona) и личность как его социальный и психологический облик (лат. personalitas) — терминологически вполне различимы, они употребляются иногда как синонимы» [57].

На второе место надо поставить Философскую энциклопедию, не столь широко используемую, но являющуюся весьма авторитетной, в которой сказано: «Личность — человеческий индивид как продукт общественного развития, субъект труда, общения и познания, детерминированный конкретно-историческими условиями жизни общества» [58].

Нельзя не учесть и определения, данного Педагогической энциклопедией, рассчитанной на теоретиков и прак-

---

[56] БСЭ. 2-е изд. 1954. Т. 25. С. 304.
[57] БСЭ. 3-е изд. 1973. Т. 14. С. 578.
[58] Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 196.

тиков, для которых правильное понимание личности профессионально значимо: «Личность — человек как общественный индивидуум, субъект познания и активного преобразования мира, разумное существо, обладающее речью и способностью к трудовой деятельности» [59].

Представляют бесспорный интерес определения личности, даваемые крупными советскими философами: «Личность — это человек в совокупности его социальных качеств, формирующихся в различных видах общественной деятельности и отношений» [60],— пишет Л. П. Буева.

«Личность — это человек, обладающий исторически обусловленной степенью разумности и ответственности перед обществом, пользующийся (или способный пользоваться) в соответствии со своими внутренними качествами определенными правами и свободами, вносящий своей индивидуальной деятельностью вклад в развитие общества и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам его эпохи или класса» [61],— пишет В. П. Тугаринов.

Все приведенные определения личности близки друг другу, и все они имеют общий недостаток. Если каждый из них начать словами: «Взрослый здоровый человек — это живое существо...», то все дальнейшее в любом из этих определений будет очень точным и хорошим определением человека. Не случайно ведь Н. Ф. Феденко, дающий подобное определение, говоря о структуре личности, приводит таблицу роста, веса и объема груди [62].

Как известно, марксизм знает два требования к определениям и описаниям любого понятия. «Что значит дать „определение"?,— спрашивал В. И. Ленин и отвечал.— Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое» [63]. Но определение и даже подробное объяснение должно удовлетворять и второму требованию, сформулированному К. Марксом: «Объяснение,— писал он,— в котором нет указания на differentia specifica (специфическое различие.— *К. П.*), *не есть* объяснение» [64].

---

[59] Педагогическая энциклопедия. М., 1965. Т. 2. С. 660.
[60] *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968. С. 26—27.
[61] *Тугаринов В. П.* Личность и общество. М., 1965. С. 88.
[62] *Феденко Н. Ф.* Очерки по психологии личности советского воина. М., 1966. С. 9.
[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149.
[64] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 229.

Все приведенные определения при таком их прочтении полностью удовлетворили бы определению понятия «человек». И следовательно, опираясь на них, понятия «человек» и «личность» должны были бы пониматься как синонимы, и тогда понятие «личность» было бы не нужно. Но с этим согласиться нельзя.

Итак, приходится признать, что широко сейчас признанные определения личности также еще не удовлетворяют требованиям к определениям, предъявляемым К. Марксом и В. И. Лениным. Будучи пригодными к определению понятия «человек», они отождествляют с ним понятие «личность».

Подводя итог изложенному в этой главе, приходится признать, что многовековые поиски понимания психологической сущности личности и формулировки ее общепринятого определения марксистской психологией еще не завершены.

Теория личности в советской психологии с 1917 г. прошла шесть описанных в этой главе этапов. Каждый из них накапливал эмпирические данные, обобщенные в частные теории, опирающиеся на доминирующую на данном этапе теорию личности. Общей ошибкой каждого этапа была абсолютизация ее доминирующей теории и игнорирование всех других.

Эти этапы, пройденные советской психологией, могут быть сведены в следующую схему:

Доминирующая теория	Годы
Личность как профиль психических функций	1917–1936
Личность как опыт человека	1936–1950
Личность как темперамент и возраст	1950–1962
Личность как совокупность отношений, проявляющихся в направленности	1962–1970

Каждый из этапов, абсолютизируя одну из подструктур личности, вместе с тем доказал ее значение для личности в целом и, следовательно, ошибочность ее игнорирования.

Задачей современного этапа является создание теории личности, использующей весь огромный эмпирический материал и все проверенные практикой теории, не только опирающейся, но и подлинно пронизанной ленинской теорией отражения.

Глава вторая

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И УЧЕНИЕ О ЛИЧНОСТИ

1. Отражение как форма взаимодействия

Начиная построение теории личности, как любой другой психологической теории, полезно учесть опыт математики — этой наиболее точной науки — и прислушаться к словам Н. И. Лобачевского: «Первые понятия, с которых начинается какая-нибудь наука, должны быть ясны и приведены к самому меньшему числу. Тогда только они могут служить прочным и достаточным основанием учения» [1].

Основополагающим для любой науки, любой научной теории является фрагмент из «Диалектики природы», начинающийся словами: «*Взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами...», напоминающий, что «мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать», и заканчивающийся фундаментальным указанием: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как следствие» [2].

Производным от понятия «взаимодействие» является понятие «отражение» как всеобщее свойство материи создавать отраженное при взаимодействии отражаемого с отражающей системой. Раскрытию этого определения, опирающегося на ленинскую теорию отражения, и его значения для теории личности будет посвящена эта глава [3]. Правда, некоторое время назад С. Н. Смирновым была высказана точка зрения, в соответствии с которой взаимодействие и отражение являются различными, противоположными [4] и даже взаимоотрицающими моментами движения [5]. Но эта концепция не получила поддержки, и система психологических понятий, обобщаемых теорией

[1] *Лобачевский Н. И.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 186.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 546—547.
[3] В более широком плане эта проблема была рассмотрена в кн.: *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982.
[4] *Смирнов С. Н.* Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974. С. 25—80.
[5] Там же. С. 31—36.

личности, излагаемой в этой книге, исходит из подчинения явления и понятия отражения взаимодействию, как causa finalis, позади которой «нечего больше познавать».

Как известно, в советской психологии сейчас существует несколько направлений, взаимовлияние которых способствует ее развитию. Это теория отношений В. Н. Мясищева, теория сознания и деятельности С. Л. Рубинштейна, культурно-историческая теория Л. С. Выготского, теория основной жизненной направленности Б. Г. Ананьева, теория деятельности А. Н. Леонтьева, теория установки Д. Н. Узнадзе, теория типологических черт личности Б. М. Теплова, теория интегрального исследования индивидуальности В. С. Мерлина и т. д. Все эти теории в той или иной мере опираются на ленинскую теорию отражения и обогащают ее. Но все же еще недостаточно признано, что только ленинская теория отражения, пронизывающая каждую частную концепцию, может обеспечивать их взаимодополнение и развитие единой теории марксистско-ленинской психологии в целом.

Суть ленинской теории отражения выражена в следующих его словах: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [6]. В. И. Ленин связывал психику в различных уровнях ее проявления с организацией материи мозга: «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» [7].

В своем понимании отражения В. И. Ленин опирался на «догадку Дидро» [8] и понимание отражения Ф. Энгельсом, цитируя его слова: «Мышление и сознание,— говорит Энгельс в „Анти-Дюринге“,— суть продукты человеческого мозга» [9].

Иерархическое понимание Ф. Энгельсом форм движения материи основополагаемо для понимания личности. Хотя более подробному раскрытию понятия «иерархия», рассматриваемому как «принцип иерархии», будет посвящен специальный параграф в гл. X, уже здесь надо подчеркнуть, что без опоры на этот принцип не может быть достаточно глубоко понята ни теория отражения в целом, ни, в частности, теория личности, на нее опирающаяся.

Двумя основными понятиями теории отражения явля-

---

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 91.
[7] Там же. С. 50.
[8] Там же. С. 40.
[9] Там же. С. 85.

ются отражаемое и отраженное. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения...» [10].

К этому же пониманию взаимодействия двух диалектик пришел и В. И. Ленин, который, не читая «Диалектики природы», в своих «Философских тетрадях» записал: «Диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот» [11]. Следовательно, и Ф. Энгельс, и В. И. Ленин различали два понятия: отражаемое и отраженное как основные в теории отражения.

Отражаемое — это в понимании Ф. Энгельса «объективная диалектика», как «существующее во всей природе движение», а в понимании В. И. Ленина это «диалектика вещей»; при психическом же отражении это внешний для коры головного мозга мир.

Отраженное — это результат процесса отражения; при психическом отражении на уровне человека — это «субъективная диалектика», по формулировке Ф. Энгельса, или «диалектика идей», по формулировке В. И. Ленина.

Как будет показано ниже, теория отражения не сводится только к этим двум понятиям. Но они позволяют уточнить понимание ряда нужных терминов для психологии личности, являющихся омонимами, но далеко не всегда так понимаемыми.

Пожалуй, здесь на первое место надо поставить слово «отношение». Хотя В. Н. Мясищев и положил, вслед за своим учителем А. Ф. Лазурским, это явление в основу своей теории отношений, прочно вошедших в золотой фонд советской психологии, он не различал отношений между людьми как объективных взаимодействий, т. е. отношений, входящих в категорию объективной диалектики, и отношений как психических явлений, входящих в категорию субъективной диалектики. В результате длительных бесед с ним об этом по его просьбе в юбилейный сборник, посвященный его 70-летию, была написана специальная, им одобренная статья [12], имеющая, по его

---

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 526.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 178.

[12] *Платонов К. К.* Отношения и эмоции как формы отражения.— В кн.: Вопросы современной психоневрологии. Л., 1966. С. 102—109.

мнению, существенное значение для понимания личности в свете ленинской теории отражения.

Без четкого понимания двух значений омонима «цель» нельзя понять воли как формы отражения, о чем пойдет речь в последнем параграфе этой главы. Но иногда отражаемое и отраженное называют разными словами. И тем хуже, что и эти слова часто не различают, причем не только в обыденной речи, но и в научных статьях крупных психологов. В качестве двух, наиболее частых примеров этого смешения понятий, существенных для теории личности, можно привести две их пары: стимул—мотив и нужда—потребность. Иногда приходится слышать, что изложенное — это «спор о словах». Но с этим согласиться нельзя, так как это симптом недостаточно глубокого усвоения ленинской теории отражения.

Здесь уместно остановиться на проблеме «клеточки» личности. Это понятие как исходную единицу анализа ввел в науку К. Маркс. «У Маркса в „Капитале",— писал В. И. Ленин,— сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся... обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простом явлении (в этой „клеточке" буржуазного общества) все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества»[13].

Советские психологи давно начали искать подобную «клеточку» для анализа психики. Так М. Я. Басов (1928) видел ее в «акте поведения»; К. Н. Корнилов — в «реакциях»; Л. С. Выготский — в «переживаниях» (и в «знаке» как значении слова); А. Н. Леонтьев— в «действии».

С. Л. Рубинштейн, подробно останавливаясь на этой проблеме в 1941 г., считал, что для психики человека (а точнее, для личности) такой клеточкой является поступок[14]. Позднее, рассматривая эту проблему для сознания (а по существу, для психики в целом), он понял ее как «целостный акт отражения объекта субъектом»[15].

Есть все основания согласиться с тем и с другим, беря за «клеточку» «целостный акт отражения объекта субъектом», когда речь идет на всеобщем уровне психики; если же речь идет о том особенном в ряду психических явлений, что мы называем личностью, то — беря за «кле-

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.
[14] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940. С. 142—145, 451, 455—456; 2-е изд. М., 1946. С. 173—175, 536, 539, 543.
[15] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 264.

точку» поступок. К этому еще не раз придется вернуться.

Итак, отражение, как всеобщее свойство материи, на каждом уровне ее движения является высшим проявлением свойственных данному уровню взаимодействий.

Ленинская теория отражения, развивающая «догадку Дидро» и учение Ф. Энгельса об объективной и субъективной диалектике, лежит в основе советской психологии. Но оно должно не только лежать в ее основе, но и, как «клеточка» анализа, пронизывать ее, обобщая ее, и преодолевать возникающие противоречия, обогащая тем и саму теорию отражения, и теорию личности.

Поиски психологической сущности личности, абсолютизировавшие ее различные «стороны» (которые будут ниже рассмотрены как подструктуры ее динамической функциональной структуры личности), заходили в тупики, потому что недостаточно учитывали ленинскую теорию отражения.

2. Личность как отражающая система

Ленинская теория отражения — это не застывшее, а живое, развивающееся в его взаимодействии с другими областями знаний учение.

Но ограничение ленинской теории отражения только упомянутыми двумя понятиями, что в последнее время все чаще встречается, легко приводит к сближению ее или даже к скрытому отождествлению с формулой бихевиоризма: $S \rightarrow R$ (стимул—реакция).

Как известно, против такой двучленной схемы, назвав ее «постулатом непосредственности», возражал еще Д. Н. Узнадзе [16], поставивший между стимулом и реакцией явление «установки».

А. Н. Леонтьев предложил «исходить из трехчленной схемы, включающей среднее звено („средний термин") — деятельность субъекта... причем деятельность человека и составляет субстанцию его сознания» [17]. Такое понимание «отражающей системы» (хотя этот термин А. Н. Леонтьев и применял), во-первых, трудно понять, а во-вторых, оно далеко от теории личности.

Зато к ней непосредственно относится концепция С. Л. Рубинштейна, поставившего между отражаемым и

[16] *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1972. С. 238.
[17] *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 81. 157.

отраженным личность. Его положение: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия»[18],— теперь стало общепризнанным. Именно на него опирается излагаемая в этой книге теория личности. Вместе с тем надо отметить, что С. Л. Рубинштейн, как и Д. Н. Узнадзе и А. Н. Леонтьев, нигде не отметил, что их поиск непосредственно вытекает из понимания процесса психического отражения В. И. Лениным.

Действительно, достаточно внимательно прочитать ряд основных формулировок В. И. Ленина, чтобы убедиться, что в процессе отражения он видел не два, а три звена, хотя и не применял термина «отражающая система». Вот эти хорошо известные формулировки: «Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи»[19],— причем это понятие «продукт» и «высший» Ленин неоднократно применял вслед за Энгельсом, также применявшим его, что уже было отмечено в предыдущем параграфе. «... Психическое ... есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека»[20]. «... Материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение»[21]. В последнем положении В. И. Ленин применял принятый в то время термин «органы чувств» вместо впоследствии введенного И. П. Павловым термина «анализаторы», включающего не только рецепторы, но и мозговые центры.

Трехчленное понимание процесса отражения позволяет глубже раскрыть его сущность на любом иерархическом уровне. Действительно, беря не двучленную схему этого процесса: отражаемое — отраженное, а его трехчленную схему: отражаемое — отражающая система — отраженное, можно понять, почему одно и то же отражаемое, именно в силу различной организации отражающих систем, становится различным отраженным. Так, один и тот же луч света как отражаемое в различных отражающих системах, как, например, в зеркале, фотоэлементе, кинопленке, хлорофилле листа растения, надглоточном узле нервной системы пчелы, мозге собаки и

---

[18] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. С. 308.
[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 50.
[20] Там же. С. 239.
[21] Там же. С. 50.

в личностях различных художников, даст весьма различное отраженное.

Память, как общее свойство материи в ее различных проявлениях: механической, химической, физиологической и психической,— определяет возможность перехода отраженного в отражающую систему. Об этом можно сказать и иначе: отраженное (это чаще бывает как повторно отраженное), закрепленное памятью, становится компонентом отражающей системы. Понимание этой закономерности вносит ясность в теорию личности. Ведь и ее отдельные свойства, как и она в целом, формируются памятью, превращающей отдельные повторяемые кратковременные психические процессы в психические состояния, а их — в свойства личности.

Этот вопрос будет подробно рассмотрен в § 2 гл. IX при рассмотрении взаимодействия процессуального и содержательного в личности. Но, поскольку и до этого оба термина будут неоднократно применяться, в частности при рассмотрении процессуальных структур сознания (гл. III), деятельности (гл. IV) и личности (гл. VII), здесь надо отметить, что отражающая система больше определяется процессуальным, а содержательное — всегда отраженное, и только отраженное.

У. Джемсу (1842—1910) принадлежит образ «поток сознания». В его время (как и впоследствии, в 70-х годах) многие пытались увидеть в любом психическом явлении и в сознании в целом дискретность (лат. discretus — прерывистый, состоящий из отдельных частей), против чего он одним из первых начал возражать, выдвинув образ сознания как «потока», «полета птицы» Теперь стала почти общепризнанной континуальность (лат. continuum — непрерывный) сознания (а следовательно, и личности), элементами которого являются переходящие друг в друга различные психические явления.

Они различаются в своем выраженном проявлении не только как различные формы отражения, но и как три уровня одного и того же психического явления, как частнопсихологической категории. Их смена в едином динамическом континууме сознания и определяет его поток.

Итак, при создании марксистской теории личности, опирающейся на ленинскую теорию отражения, ее нельзя сводить к двучленной системе: отражаемое — отраженное, как к аналогу схемы бихевиористов: $S \rightarrow R$, а необходимо учитывать и промежуточный компонент трехчленной системы: отражаемое — отражающая система — отраженное.

Только поняв личность как отражающую систему процесса психического отражения человека, можно правильно понять, применив личностный подход, о котором речь пойдет в гл. X, все другие психические явления, как, например, впечатлительность, апперцепцию, ассоциации, интерференцию умственных или сенсорных навыков, интересы и т. д.

3. Системные качества и личность

Наиболее существенное за последнее время событие, углубившее опору психологии в целом и психологию личности в частности на теорию отражения, произошло не внутри самой психологической науки, а было привнесено извне.

Как известно, домарксистское понимание системы уходит еще к древнегреческим философам. В дальнейшем (1735) оно было развито К. Линнеем [22], П. Гольбахом [23] (1770) и в недавнее время — Л. Берталанфи [24]. Многое в современном понимании теории систем, к сожалению, продолжает только эту линию.

Теория систем в ее диалектическом понимании впервые была применена К. Марксом к анализу общественных явлений. Но до недавнего времени даже специалисты-марксологи не уделяли должного внимания учению Маркса о том, что впоследствии было названо системными качествами. Честь преодоления этого упущения принадлежит В. П. Кузьмину, который впервые обратил внимание марксистов на то, что если ранее наука знала материальные и функциональные качества, то «открытием третьего рода качеств — системных — человечество обязано прежде всего К. Марксу ... Непосредственному наблюдению они обычно недоступны: их можно открыть лишь при помощи научного анализа, притом такого, который охватывает всю систему в целом» [25].

К. Маркс раскрыл «тайну прибавочной стоимости», поняв «двойственную природу» товара, пояснив это следующим примером: «Формы дерева изменяются, напри-

---

[22] *Линней К.* Система природы. СПб., 1864.

[23] *Гольбах П.* Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940.

[24] *Берталанфи Л.* Общая теория систем: Крит. обзор // Исследования по общей теории систем: Ежегодник. М., 1969.

[25] *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980. С. 71.

мер, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь» [26]. Для психологии чрезвычайно важно, что сразу вслед за приведенными словами Маркс написал следующее: «Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз» [27]. На эти слова психологи, к сожалению, не обращают внимания [28].

Б. Ф. Ломов, придавая решающее значение для развития психологии на современном ее этапе системному подходу, пишет: «Психическое в отношении к нейрофизиологическому рассматривается как системное качество. Психические явления соотносятся не с отдельными нейрофизиологическими процессами, а с организованными совокупностями таких процессов» [29].

Вместе с тем, системные качества, открытые К. Марксом в товаре и положенные Б. Ф. Ломовым в основу теории психологии, ни в философской, ни в психологической литературе до сих пор еще не получили четкого общепризнанного определения. Более того, их нередко отождествляют с понятием «качество системы», что неверно. Ведь и материальные, и функциональные качества — это тоже качества системы.

Феномен получает двойственность тогда, когда он из одной системы переходит в другую, более сложно организованную, там приобретая системное качество. Иными словами, то, что в системе низшего уровня является абстракцией, становясь ее продуктом при переходе в систему более высокого уровня, там становится системным качеством, входящим уже в другую систему понятий. Потому системные качества — это не любые качества системы, а только те, которые являются продуктом менее организованной системы.

---

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 81.
[27] Там же. Т. 23. С. 82.
[28] Эта связь впервые была показана в статье: *Платонов К. К.* Значение иерархии системных качеств для психологии // Проблемы интегрального исследования индивидуальности. Пермь, 1978. С. 3—14.
[29] *Ломов Б. Ф.* Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии // Вопр. психологии. 1964. № 4. С. 32.

Как, по словам Маркса, «в стоимость не входит ни одного атома вещества природы» и «ни один химик не открыл в жемчуге и алмазе меновой стоимости» [30], так и ни один нейрофизиолог не открыл в корковой нейродинамике ни атома сознания и ни грана творчества. Потому анализ системного качества должен предусматривать охват не только целостной системы определенного уровня, но и ее системные связи с низшими уровнями.

В кибернетике коды тоже имеют иерархические уровни, и то, что на уровне одного кода является «фразой», на более высоком уровне становится «словом» и на еще более высоком — «буквой» кода. Так, сознание для физиологического уровня — абстракция. На более высоком уровне достаточно слова «психика», становящегося буквой для уровня общественного сознания. Появление нового системного качества, вызывая перерыв постепенности и скачок в развитии, требует и «перемену кода».

Именно в этом заключаются «тайны» (употребляя слово Маркса) скачков системных качеств по иерархической лестнице форм движения материи от механического до общественного движения. Ведь каждая из этих форм является носителем определенного главного для нее и ее определяющего системного качества.

Каждое из основных системных качеств связано с соответствующей ему отражающей системой, которая и определяет появление этого системного качества и вместе с ним — специфическую для данного уровня форму реагирования как проявления активности материи. Деятельность, будучи частным и высшим случаем проявления активности, свойственна только человеку и группе людей, о чем пойдет речь в гл. IV.

Элементарными системными качествами организма человека являются различные виды раздражимости, свойственные его клеткам и тканям, высшим системным качеством — высшая нервная деятельность и вся корковая нейродинамика в целом.

Элементарными системными качествами человека как личности являются различные переживания, как простейшие субъективные феномены. Генетически они возникли в филогенезе и возникают в онтогенезе ранее других форм психического отражения. Содержательно они проще других форм отражения, так как еще не содержат отраженного образа. Простейшим переживанием являет-

---

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 56, 93.

ся боль. Наиболее сложным и высшим по их иерархии систем качеством личности, как ее атрибутом, является ее сознательность.

Иерархическая лестница форм реагирования непосредственно связана с иерархией форм целеобразования. Ступени последней четко делятся на три группы. У неживой материи нет ни объективных, ни субъективных целей, хотя первые из них могут быть заложены человеком. Два следующих, но еще допсихических уровня уже имеют объективные цели, которыми являются генетически обусловленные программы. У растений они определяют в основном выживание вида, у беспозвоночных — в основном выживание индивида.

Появление и закрепление программ, а с ними и целей обусловлены естественным отбором и выживанием с помощью этих программ и целей соответствующих особей. На следующем уровне цель постепенно раздваивается на объективную и субъективную. На этапах человека и группы доминирует единство субъективной и объективной цели.

Итак, включение в ленинскую теорию отражения понятия системных качеств как продуктов более простых материальных и функциональных качеств системы более низкого уровня, выступая развитием этой теории, позволяет лучше подойти к пониманию специфики психического отражения, а следовательно, и к сущности личности, поняв ее место в иерархии явлений мира.

4. Психические явления как формы психического отражения

То, что сознание — это высшая форма психического отражения действительности, свойственная только человеку и интегрирующая другие, присущие ему формы психического отражения, не вызывает сомнений ни у кого, чье мировоззрение опирается на незыблемый фундамент марксизма-ленинизма. Но это отнюдь не означает, что в понимании личности и человеческой психики и их происхождения в свете ленинской теории отражения все ясно и нет белых пятен, требующих не только экспериментального, но и теоретического исследования. К ним, в частности, относятся проблемы, названные в заголовке этого параграфа.

Со времени выхода в свет «Философских тетрадей» В. И. Ленина в психологии бытуют два понимания ее

связи с теорией отражения, существенных для теории личности.

Согласно одной из них, лежащей в основе этой книги, все психические процессы и у человека, и у животных являются формами психического отражения. Именно поэтому, отметим здесь же, психическому отражению, возникшему на досоциальном этапе развития материи, у животных надо противопоставлять не биологическое, а физиологическое отражение. Эмоции, ощущения и память животных — это уже психическая форма отражения (возникшая на основе физиологической и включающая ее в себя), но еще не социальная, появившаяся в скачке от ощущения к мысли, ибо сама мысль — продукт жизни человека в обществе.

Согласно другой теории формами психического отражения являются только ощущение и восприятие (как непосредственное, говоря языком учения И. П. Павлова, первосигнальное познание) и мышление (как опосредованное, абстрактное, второсигнальное). С этой точки зрения высказываются сомнения в правильности развиваемой в этой книге теории, что имело место, в частности, на III съезде общества психологов СССР в 1968 г. при обсуждении доклада [31] по этой проблеме.

Среди подавляющего большинства психологов до сих пор бытует определение эмоций, впервые данное в книге, написанной в 1936 г., но изданной только в 1948 г.: «Психическое состояние, представляющее собой отражение положительного или отрицательного отношения человека к фактам реальной действительности, называют эмоциями или чувствами» [32]. Это определение, в близкой редакции, было дано Л. М. Шварцем и в учебнике для педагогических вузов: «Отражение положительного или отрицательного отношения человека к фактам реальной действительности, переживаемое как чувство, и называется эмоцией» [33]. Оно с мелкими редакционными уточнениями стало широко признанным и надолго вошло в ряд других учебников.

---

[31] *Платонов К. К., Шингаров Г. Х., Шмаков А. В.* Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности // Материалы III съезда об-ва психологов СССР. Киев, 1968. Вып. 1. С. 341—342.

[32] *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948. С. 123, 139.

[33] Психология / Под ред. К. Н. Корнилова, Б. М. Теплова, Л. М. Шварца. М., 1938. С. 270.

Ошибочность этого понимания эмоций определяется тем, что объектом психического отражения может быть только внешний для психики мир. Потому были даны определения эмоций и чувств, исправившие эту ошибку [34], в дальнейшем несколько уточненные.

Эмоция получила определение как особая, сформировавшаяся в филогенезе психики и формирующаяся в ее онтогенезе форма психического отражения, свойственная не только человеку, но и животным, проявляющаяся как в субъективных переживаниях, так и в физиологических реакциях; она есть отражение не самих феноменов, а их объективных отношений к нуждам организма. Простейшая и вместе с тем наиболее выраженная эмоция — это боль. Ее иногда называют ощущением, но ощущение — это субъективный образ объективного мира, как основа познания, а эмоция образа не имеет, являясь переживанием.

Соответственно этому чувство — это особая форма психического отражения, свойственная только человеку, при которой отражаемым являются объективные отношения феноменов к нуждам личности; в психологическую структуру чувства входят эмоции и понятия. Понятийный компонент чувств превращает входящие в них эмоции в отношения, и потому чувства являются личностным образованием, формируемым только в личном опыте.

С помощью эмоций и ощущений устанавливается психическая связь организма животного со средой, обеспечивается быстрое развитие условно-рефлекторной деятельности.

Возникновение чувств как формы отражения предшествовало появлению не только понятий (что происходило в антропогенезе и происходит в онтогенезе психики в единстве с возникновением речи), но и той формы отражения, которая получила название «каузальный рефлекс». Об этом речь пойдет ниже. Здесь же надо сказать о еще не всеми психологами признаваемой воле как форме отражения.

Понимание воли как формы психического отражения опирается на понимание цели как психического явления, т. е. как отражения объективно существующих возможностей результата действия (или деятельности), взаимодействующих со стремлением к его объективации. Цель может быть более близкой или отдаленной, более общей,

---

[34] *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. М., 1960. С. 107.

частной или элементарной. Цель может быть и иллюзорной, поскольку иллюзия — это искаженное отражение реальности.

Необходимо различать объективную цель (как отражаемое) и цель как отраженное, как психическое явление. Иногда считают, что цель всегда должна рассматриваться только как субъективное явление, как отраженное. Но цель, объективизированная в поставленной задаче, в ожидаемом, запрограммированном результате, для субъекта является отражаемым, объективным.

Наиболее существенным, исходным для понимания проявлением воли является целеустремленность личности (могущая принимать формы и психического кратковременного процесса, и состояния, и свойства личности), как отражение объективных отношений объективной общей и отдаленной цели и возможностей личности. Соответственно уровень притязаний личности представляет собой целеустремленность, в которой возможности личности заменены ее направленностью: желаниями и стремлениями. Притязания всегда бывают эмоционально окрашенными и относятся к проявлениям не только воли, но и эмоций.

Волевое усилие («сила воли») как процесс и настойчивость («стойкость воли») как состояние или как свойство личности — это отражение объективного отношения цели деятельности, соответствующей уровню притязаний личности и фактически выполняемой собственной деятельности, обеспечивающей достижение этой цели. Волевое усилие одноразово и связано с более близкой целью; настойчивость — с более отдаленной, общей, подчиняющей себе частные цели. Изложенное понимание эмоций, чувств и воли было обосновано более подробно в выполненных под научным руководством автора этих строк двух диссертациях на соискание ученой степени кандидата философских наук, успешно защищенных Г. Х. Шингаровым [35] и А. В. Шмаковым [36] и не раз ими или с их участием более подробно опубликованных [37]. Но и здесь

[35] *Шингаров Г. Х.* Эмоции и чувства как формы отражения действительности: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1965.

[36] *Шмаков А. В.* Воля как активно-личностная форма отражения действительности: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1972.

[37] *Платонов К. К., Шингаров Г. Х.* Эмоции, чувства и воля как формы отражения // Ленинская теория отражения и современность. София, 1969. С. 173—188; *Шингаров Г. Х.* Эмоции и чувства как формы отражения / Ред. К. К. Платонов. М., 1971; *Платонов К. К., Шингаров Г. Х., Шмаков А. В.* Эмоции, чувства, воля как формы отражения действительности // Теория отражения и современная

сказанного достаточно, чтобы считать первую из выдвинутых в начале параграфа теорий доказанной.

Вторая из этих теорий в недавнее время подверглась существенному пересмотру в отношении понимания мышления как формы отражения. До недавнего времени оно понималось как только понятийное мышление, и отражение связей между явлениями, как основная функция мышления, связывалось лишь с понятиями, свойственными только человеку. Филогенез психики не знал перехода от комплекса ощущений высших животных к понятийному мышлению человека. Но ученик и соратник И. П. Павлова Э. А. Асратян напомнил, что творец теории условных рефлексов, И. П. Павлов, перейдя к изучению высших обезьян и человека, под давлением фактов, которые он умел замечать и обобщать, сам признал ограниченность, а не универсальность учения об условных рефлексах. Он отметил наличие в корковой нейродинамике третьего вида рефлекса, кроме безусловных и условных, который в соответствии с его высказываниями должен быть назван каузальным, чем углубил и еще более утвердил рефлекторную теорию психики [38].

Каузальный рефлекс, на основе которого могут образовываться и каузальные условные рефлексы, является физиологическим механизмом непонятийного мышления как непосредственного отражения объективно существующих связей и отношений между предметами и явлениями реального мира. Эта проблема вызвала дискуссию, которую еще придется ниже напомнить подробней, так как она, к сожалению, прошла мимо психологов, занимающихся непосредственно проблемой мышления.

А ведь И. П. Павлов здесь подошел к новому пониманию одного из наиболее запутанных идеалистическими наслоениями, важнейшего для теории личности психического явления — интуиции. С позиций дискуссии о каузальном рефлексе интуиция — это непонятийное мышление, непосредственное отражение связей между предметами и явлениями реального мира. Она имеет два вида: во-первых, еще не осознаваемого примитивного мышления, осуществляемого на основе каузального рефлекса, свойственного и высшим животным; во-вторых, мышления, уже ставшего неосознаваемым, осуществляемого на

наука: Теория отражения и естествознание. София, 1973. С. 280—291.

[38] Сводка литературы по этой проблеме, имеющей существенное значение для психологии личности, приведена на с. 70.

основе высокоавтоматизированных умственных навыков как результата большого опыта в области его применения.

Эта, только недавно понятая форма отражения в обоих своих видах имеет весьма существенное личностное значение. В первом виде — это врожденная, весьма неодинаково у разных людей выраженная способность; во втором — столь же неодинаковый, приобретенный в личном опыте умственный навык, ставший умением и высшим проявлением каузального рефлекса.

Итак, ряд исследований, проведенных за последние десятилетия, заставляет признать все известные психические явления как формы или их роды и виды психического отражения, распространяя на них (в том числе на эмоции, чувства, волю и интуицию, бывших наиболее спорными), а следовательно, и на личность в целом их понимание в свете ленинской теории отражения.

5. Личность как явление и как понятие

До сих пор в главе речь шла о понимании личности и ее компонентов с позиций ленинской теории отражения. При этом личность рассматривалась как реально существующее явление, т. е. как явление, относимое, как было сказано в начале главы, Ф. Энгельсом к объективной диалектике, а В. И. Лениным к миру вещей. Иными словами, личность рассматривалась как объективно существующая реальность.

Реальность эта, однако, может быть и субъективной. Четкость различения понятий «объективное» и «реальное» весьма существенна для теории личности. В обоих случаях личность реальна, потому что «реальное» это нечто действительно существующее вне зависимости, познается ли оно или нет. В этом его отличие от придуманного, вымышленного.

Объективное (от лат. objectum — предмет) — это то, что реально существует вне познающего его субъекта как им отражаемое и становящееся в результате психического отражения также реальным, но уже субъективным. Иными словами, и объективные, и субъективные явления существуют реально, но субъективные явления могут быть познаны другим субъектом только через их внешнюю объективизацию в виде психомоторных, речевых и секреторных реакций, которые для познающего становятся отражаемым.

Животное познает мир в форме ощущений и их комплексов; человек обобщает их в восприятии и понятиях. Он включает понятия в восприятия и оперирует понятиями в формах суждений и умозаключений как формах мышления, имеющего ряд иерархических уровней от наглядно действенного или сенсомоторного до творческого и диалектического. Человек в процессе мышления оперирует понятиями как психическими явлениями, присущими только ему. Понятие, становясь элементом мышления, отражает существенное в познаваемой реальности и выражается словом. «... В понятиях человека *своеобразно* (это NB: *своеобразно* и *диалектически!!*) отражается природа»[39],— указывал Ленин. Об этом необходимо было сказать, хотя цель этого параграфа не в раскрытии сущности мышления, а в обосновании соотношения между тремя звеньями: психическое явление — понятие — психологический термин.

Психологический термин (от латинского terminus — предел, граница) — это слово, «закрепляющее» понятие и ограничивающее его содержание определением, которое дополняется и уточняется объяснением; это единица языка психологической науки.

Наиболее широкие понятия науки называются категориями. Как было сказано в начале этой главы, основной психологической категорией является понятие «психическое отражение», определяемое через философское понятие «отражение» как категорию ленинской теории отражения. Остальные категории психологии (а точнее сказать, общепсихологические категории, так как они являются категориями всех психологических наук, в них только уточняемыми) не рядоположены, а образуют следующий иерархический ряд: формы психического отражения; психические явления; сознание; личность; деятельность; развитие психики[40].

Все другие психологические понятия, в частности входящие в систему понятий теории личности, подчинены той или иной из этих категорий, и потому теория личности должна их все учитывать.

Как было сказано, особенностью этих психологических категорий является то, что они не рядоположены, а иерархически соподчинены. Более того, категория раз-

---

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 257.

[40] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения; *Он же.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981.

вития психики этот их ряд замыкает в кольцо, так как только через нее можно понять иерархию форм психического отражения как их развития в филогенезе, антропогенезе, историческом развитии и в онтогенезе. А ведь без этого нельзя понять и развития личности. Занимая промежуточное место в этом иерархическом кольце, личность включается в следующую систему связей: *психические явления* — это формы психического отражения, потребности как их активации, внимание как их организация и психомоторика как их объективизация; *сознание* — это высшая форма психического отражения и обобщение психических явлений как интегральное психическое явление; *личность* — это человек как носитель сознания; *деятельность* — это объективизация активности и сознательности личности; *развитие психики* — это следствие деятельности и причина усложнения структур не только личности, но и всех психических явлений, входящие во все остальные категории.

Такое понимание места личности в системе общепсихологических категорий и, следовательно, в единой системе психологических понятий позволяет уточнить различие между этой системой психологических понятий и языком психологической науки. А ведь их различие нередко понимают неверно, в чем ранее был повинен и автор этих строк.

Система психологических понятий, сколько бы много элементов как отдельных понятий она ни содержала, всегда может быть представлена в виде графа, в котором любое понятие имеет свое место и через 1—7 шагов (все более широких понятий) выходит на одну или две-три из указанных категорий, обобщаемых только одной основной психологической категорией — психикой. Понятия этой системы, отражая психические явления, их свойства, качества, особенности и связи, не могут выходить за пределы отражаемых ими явлений и их современного понимания.

Язык психологической науки, включая в себя прежде всего соответствующую систему психологических понятий, обозначаемых соответствующими терминами, не может ограничиться только ими, а включает ряд терминов философии и науковедения, без которых не может обойтись ее методология и организация исследований, а также ряд понятий смежных наук: физиологии, социологии, этики, эстетики, педагогики, медицины, экономики, искусствоведения, торговли и т. д. Особо активно вклю-

чают в свой язык термины этих наук психологические науки и отрасли психологии, еще не ставшие самостоятельными науками, но лежащие на пересечении с этими науками. Язык психологии личности не может обойтись без заимствования тех или иных терминов из всех этих наук.

Современный этап раскрытия понятия «личность», которому посвящена эта книга, существенно отличается от предшествующих двумя своими особенностями. Во-первых, он раскрывает это понятие с позиций ленинской теории отражения как подсистемы общей системы диалектического материализма, проверенной опытом других наук, и практики, на них построенной. Во-вторых, излагаемая в этой книге концепция именно с позиции ленинской теории отражения, в отличие от предыдущих шести концепций, осознает себя только относительной истиной, но обобщающей предыдущие и потому более их приближающейся к абсолютной.

6. Категории материалистической диалектики и учение о личности

Теория отражения излагается на языке философии как система ее понятий. Но в философии, как и в любой другой науке, каждое понятие непосредственно или через ряд промежуточных подчинено также взаимосвязанным философским категориям, как предельно широким понятиям. Этим категориям субъективной материалистической диалектики, отражающим наиболее общие реальности мира как объективной диалектики, в конечном счете подчинены понятия всех наук. Вернее сказать — должны быть подчинены, так как еще не все науки, и в том числе психология, достаточно последовательно развиваются в русле материалистической диалектики и отдельные понятия и теории как системы понятий нередко заводят ее в тупики.

Тупики теории личности, хотя и содержащие немало эмпирических фактов, но в теоретических положениях противоречащие друг другу и подменяющие целое в личности какой-то одной ее частью, были показаны в предыдущей главе. Данная глава дает основу для дальнейшего построения теории личности, не только опирающейся (как чаще говорят психологи), но и исходящей из ленинской теории отражения и ею пронизанной. Однако глава не может считаться завершенной без анализа необходи-

мой реализации основных категорий материалистической диалектики в теории личности.

Литература о категориях, сопоставленная с учением о личности, весьма велика. Но объем книги и задачи этого параграфа требовали положить в его основу наиболее авторитетно и четко сформулированную систему этих категорий, для чего были взяты учебники, написанные ведущими советскими философами под руководством Ф. В. Константинова и В. Г. Афанасьева [41]. Каждая из категорий изложенной там системы сопоставлена по принципу восхождения от абстрактного к конкретному с излагаемой в этой книге концепцией личности, и показаны основные общие конкретизации каждой из категорий. Число этих конкретизаций могло быть неизмеримо увеличено, так как каждая категория имеет отношение к любому понятию теории личности, по особенному в каждом из них конкретизируясь.

Единичное, особенное и общее — три взаимосвязанные категории, значение которых для теории личности было показано С. Л. Рубинштейном, писавшим: «... свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. Индивидуальные свойства личности — это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т. е. свойства, характеризующие его как личность» [42].

Концепция динамической функциональной структуры личности реализует эти категории, как и приведенное положение С. Л. Рубинштейна, в общей, относящейся к любой личности процессуальной структуре, в особенной, содержащей среднюю или модальную характеристику типичного для определенной группы содержательного в этой структуре, и в единичной, как содержательно неповторимой, свойственной конкретному индивиду.

Этому будет посвящена вторая часть книги.

Причина и следствие — две взаимосвязанные и меняющиеся местами категории. «То, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот» [43],— писал Ф. Энгельс. Это ярко проявляет-

---

[41] Основы марксистско-ленинской философии. 4-е изд. М, 1978. С. 110—133; *Афанасьев В. Г.* Основы философских знаний. М., 1981. С. 105—127.

[42] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. С. 309.

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч. Т. 20. С. 22.

ся при рассмотрении взаимодействия личности и деятельности, что было сформулировано также С. Л. Рубинштейном: «Психические свойства личности в ее поведении, действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются, и формируются» [44]. Личность, проявляясь в деятельности, является ее причиной, но, формируясь в деятельности, она ее следствие: деятельность как проявление личности — ее следствие, а как фактор ее формирования — причина. Закон перемены мест этих категорий реализуется и в ряде других взаимодействий явлений, изучаемых теорией личности. Так, при взаимодействии процессуального и содержательного (чему будет посвящен § 2 гл. IX) процессуальное, без которого не может быть содержательного, выступает причиной последнего, но содержательное, становясь процессуальным, не становится причиной его.

Наличные потенциальные способности (о которых речь пойдет в гл. VIII) — причина развивающихся актуальных как их следствие; но актуальные способности на любом этапе их развития — причина появления новых потенциальных способностей к новым видам действий и деятельности.

Поиск психологических закономерностей, а теория личности нацелена на это, как будет показано при анализе категорий необходимости и случайности, подчинен установлению постоянных причинно-следственных связей.

Необходимость и случайность — это категории наиболее отчетливо проявляющиеся в характере и способностях при взаимодействии личности с миром. Именно характер и его высшее проявление — убеждения определяют необходимость совершения определенных поступков как мотивированных действий личности. Наличие выраженных способностей к определенному виду деятельности определяет необходимость ее высокой эффективности, а при их отсутствии такая эффективность может быть только случайностью. Наследственные задатки психических свойств личности могут оставаться на уровне случайности проявления, которое только целенаправленное их формирование делает необходимостью.

Вывод об индивидуальных особенностях личности, сделанный на основании его длительного изучения в различных видах деятельности по методу обобщения независимых характеристик (он излагается в § 3 гл. XI), реали-

---

[44] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии.

зует категорию необходимости. А такой же вывод на основе одноразового применения теста может реализовать категорию случайности. Стихийное формирование личности, о котором речь пойдет в гл. XII, чаще реализуется случайностью, целенаправленное ее формирование должно предусматривать необходимые ее свойства.

Но, поскольку категориям необходимости и случайности подчинено понятие закономерности, их реализация в теории личности (как и в психологии в целом) определяется ее теоретической согласованностью понятий и пригодностью для практики. Последнее же, в свою очередь, зависит от установки теории личности на выявление закономерностей и формулировку законов. Поэтому надо признать в высшей степени своевременной статью Б. Ф. Ломова, посвященную этой проблеме [45]. Существовавшие ранее теории личности, разобранные в предыдущей главе, не случайно избегали формулировки законов, поскольку они не содержали теорий, из которых последние необходимо вытекали. Насколько излагаемая в этой книге концепция личности позволит обосновать вскрываемые ею закономерности, покажет будущее. Но установка ее на их выявление бесспорна, как и установка предшествующей работы автора этих строк, в которой был сформулирован ряд законов и даны следующие определения этих понятий [46].

Психологический закон — это познанная и проверенная на практике психологическая закономерность. «Закон есть *отношение*... Отношение *сущностей* или между сущностями» [47],— писал В. И. Ленин. Потому к этому вопросу придется вернуться, рассматривая категорию сущности. Наиболее общие законы психологии формулируются как принципы психологии, о которых пойдет речь в гл. X.

Психологическая закономерность — это объективно существующая постоянная причинно-следственная связь психических явлений, которая, может быть, еще мало познана и не понята как закон. Это явление объективной диалектики, диалектики сущности вещей. Ее отражение психологией — наукой — в форме системы психологиче-

---

[45] См.: *Ломов Б. Ф.* Об исследовании законов психики. // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 1. С. 18—30.

[46] См.: *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1981. С. 20—27, 43—44, 106—107 и др.

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 138.

ских понятий как формулировки психологической теории — это психологический закон, как явление субъективной диалектики, диалектики идей. Психологическая закономерность — это объективная истина отношения между сущностями психических феноменов, которая понимается в форме относительных истин психологических законов, могущих в процессе развития психологии как науки уточняться и даже иначе формулироваться. Формулировка психологического закона — это возможность глубже понять закономерность действительности как отражаемого и лучше управлять этой действительностью.

Возможность и действительность — это парные категории, реализующиеся не только в сказанном, но и — еще более четко — в учении о задатках. Задатки обеспечивают только возможность развития процессуального в личности и ее особенностях, а как это развитие пойдет в действительности, это будет определяться условиями развития личности. Потенциальные способности, как и потенциальное призвание (о них будет сказано в § 3 гл. VIII), также только возможности развития из актуальных. Но и актуальные способности — это только возможности эффективной деятельности и обучения ей.

В любом иерархическом ряду явлений, изучаемых теорией личности, а их в этой книге будет разобрано немало, каждый нижележащий уровень создает возможность появления не только следующего, более высокого, но, как уже было показано, и системного качества более высокого уровня. Превращение возможностей в действительность — результат взаимодействия обоих уровней между собой и с условиями их развития.

Человек, являясь промежуточным звеном между природой и обществом, четко демонстрирует отличие стихийного перехода возможности в действительность в природе от сознательно-волевого в личности. Последнее лежит в основе воспитания и особенно самовоспитания, примером чему являются нравственные и правоправные способности, о которых речь пойдет ниже.

Содержание и форма — эти две категории, не существующие одна без другой, наиболее отчетливо реализуются в личности взаимодействием содержательного как сиюминутно или ранее отраженного и формой как сейчас или ранее отражаемой действительности. В этом случае форма действительности не только перешла в другую, субъективную форму, но и, предшествуя ей, определила ее содержание. Однако бывает и обратное соотно-

шение этих категорий при их реализации личностью. Так, одинаковое по содержанию переживание может принимать различные формы в его объективизации, зависящей от уровня социологизации личности. Это было показано К. Марксом на примере голода, а Ф. Энгельсом — половой любви[48]. Это различие форм будет определяться различием внешнего выражения той или иной потребности, меняющей и ее содержание.

Схема динамической функциональной структуры личности (см. с. 131) и тем более Карта личности (см. с. 205) содержат форму любой личности, которая может быть наполнена содержанием, как выраженными в баллах оценками каждого элемента. Это может быть сделано для основной группы (в качестве общего), для отдельных подгрупп (как особенного) и для конкретной личности (как единичного). Развитие личности — это беспрерывное изменение ее содержания и формы как ее сущности и ее проявления. Это подтверждает связь философских категорий друг с другом вообще и категорий содержания и формы с категориями сущности и явления в частности.

Сущность и явление — эти две взаимосвязанные категории, как известно, близки, но отнюдь не тождественны содержанию и форме. В личности, как и в любом другом реальном феномене, они выражают не только ее стороны, но и ступени их познания. «... Явление существенно,— писал В. И. Ленин и сразу продолжал:— Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца»[49].

Сущность личности познается через проявление ее в деятельности. Но это не значит, что личность — это сущность, а деятельность — явление. И личность, и деятельность имеют и свою сущность, и свои явления, причем явления личности познаются не только через явления деятельности, но и через ее сущность. При этом надо помнить, что сущность личности может не только выражаться во внешних явлениях, но и маскироваться ими, например льстивой улыбкой и тембром голоса. Кроме того, надо учитывать и полифакторность сущности личности; так, говоря об ее основной социальной сущности, не забывать о наличии ее биологической; высоко оценивая ее

---

[48] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 713; Т. 21. С. 79—80.
[49] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

профессиональную сущность, учитывать и моральную, объективизированную в поступках, наиболее глубоко раскрывающих личность.

В личности четко проявляется связь этих двух категорий с предыдущими, уже разобранными. Так, сущность личности более связана с общим и закономерным в ней, а явления ее — не только с единичным, но и со случайным. Сказанное имеет прямое отношение к изучению личности (ему посвящена гл. X). Но наиболее тесно категория сущности связана с законами. «Закон есть существенное явление ... Ergo, *закон* и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений мира etc.» [50]

Все усложняющаяся организация материи создает все более сложные отражающие системы (у человека — личность), определяющие скачки перехода от более простых уровней форм движения материи ко все более сложным, получающим свои системные качества (у человека — сознательность). При этом каждая отражающая система отражает феномены не только ниже лежащих, но и выше лежащих уровней, субординируя низшие и влияя на высшие. Потому личность как отражающая система человеческого индивида, отражая явления группового и общественного сознания, может не только включать их в свое содержание, но и влиять на них.

Наибольшее значение понимания различия категорий явления и сущности становится зримым при воинствующем противопоставлении этого учения стихийной «работе с кадрами», опирающейся только на личный опыт и здравый смысл. Эта воинственность опирается на предельно четкую формулировку К. Маркса: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [51]. Психология как наука не скользит по поверхности явлений и их систем, а, проникая в глубь их сущности, открывает в личности скрытые ее закономерности, формулирует их с помощью систем психологических понятий как законы и, поняв их, учится управлять ими.

Опора на категории сущности и явления, как будет показано в § 1 гл. VI, позволяет лучше понять соотношение терминов «структура» и «система».

---

[50] Там же. С. 227.
[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 384.

Итак, концепция личности, излагаемая в этой книге, исходя из ленинской теории отражения, вместе с тем стремится реализовать и всю систему категорий диалектического материализма, изложенную в этом параграфе.

* * *

Ленинская теория отражения раскрывает место личности, как и человека и сознания, в иерархических продуктах материи, беспредельной системы, называемой термином «мир». Она не только «лежит в основе» всех частных теорий, обобщаемых марксистской психологией, но и пронизывает их все, обобщая как отдельные направления советской психологии в целом, так и различные подходы советских психологов к пониманию личности, в единое и непротиворечивое ее понимание.

Такое понимание соотношения психики и сознания с субъективным и идеальным вызывает возражения ряда философов, наделяющих идеальным животных. Но последнее противоречит взглядам К. Маркса, видевшего именно в наличии идеального отличия ткача от паука и архитектора от пчелы, т. е. животного от человека.

Акт психического отражения, являющийся «клеточкой» (используя термин и понятие К. Маркса) анализа любого психического явления (а следовательно, и личности на всеобщем психическом уровне), должен быть уточнен поступком, как особой, специфической клеточкой анализа личности.

Понятия «отражающая система» и «системные качества», будучи включенными в теорию отражения, позволяют глубже проникнуть в сущность личности, понимая под ней человека как носителя сознания. Обоснованию такого ее понимания будет посвящена следующая глава.

Глава третья

ЛИЧНОСТЬ — ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ СОЗНАНИЯ

1. Индивид и индивидуальность

Нередко применяемая формулировка «человеческая личность» некорректна. Хотя «человек» и «личность» это не синонимы и человек еще может не быть личностью (новорожденный), личность — это всегда человек, и личности нет ни у кого, кроме человека.

Но человек — это не только личность, но и организм, вершина филогенеза живых существ.

Элементами структуры человека, взятого как целостность, являются общие (родовые), особенные (типовые) и единичные (индивидуальные) его свойства. Число свойств человека труднообозримо, так как о них написаны учебники эмбриологии, гистологии, анатомии, физиологии и психологии как минимум, ибо и в учебниках социологии, этики, эстетики, права и педагогики говорится о свойствах человека. Особенностей человека, т. е. единичных свойств, как индивидуальных различий, еще больше, и их описанию посвящена вся художественная литература и искусство, основными объектами которых они и являются.

Но структурный подход позволяет разобраться в этом множестве свойств и особенностей человека, не только и даже не столько «разложив их по полочкам» подструктур первого, второго и т. д. порядков, сколько вскрыв и показав связи и взаимоотношения их. Подструктур же первого порядка у человека только две: организм и личность, ибо нет ни одного общего, особенного или единичного свойства человека, которое не относилось бы к одной из этих его подструктур или не лежало на их пересечении.

Организм человека — это совокупность его телесных, или, как принято говорить в медицине, соматических (греч. soma — тело), и следовательно материальных, свойств, филогенетически развившихся из свойств его животных предков, в дальнейшем изменившихся в процессе антропогенеза и продолжающих изменяться в процессе истории человечества. От понятия и слова «организм» происходит слово «органическое». Но иногда как синонимы применяют понятия «индивид» и «индивидное», с чем согласиться нельзя по следующим соображениям.

Каждый конкретный человек, рассматриваемый сам по себе, «вырванный», употребляя неоднократно применяемое Энгельсом слово [1], из его взаимодействия с другими членами человеческой общности, является индивидом. Усложнять сущность слова «индивид», являющегося латинской калькой греческого «атом» — неделимый и иногда переводимого старорусским словом «особь», нет никаких оснований. Это слово применимо к человеку в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 20, 89, 546.

группе, как и к волку в стае, и к корове в стаде. Именно поэтому, говоря о человеке как индивиде, К. Маркс отметил, что «первый конкретный факт, который подлежит констатированию,— телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение в их остальной природе» [2].

Но, применяя системный подход к человеку, взятому как индивид за целое, сразу видно и принципиальное его отличие от всех других индивидов — животных. Имея общую с животными подсистему — организм, который и является тем «первым конкретным фактом», о котором говорил К. Маркс, человек имеет и другую подсистему, которой является человек как личность, т. е. как носитель сознания. Третьей подсистемы, кроме организма и личности, у человека, рассматриваемого как система, нет. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс применяли термин «индивид» в зависимости от контекста к человеку в целом [3], к человеку как к личности [4] и, наконец, к человеку как к организму [5].

Напомнить все это было необходимо потому, что понятие «индивидуальность» является не только филологически, но и по своей психологической сущности производным от феномена «индивид». А в это слово и понятие также в последнее время нередко вкладывается содержание, нарушающее четкость системы понятий и противоречащее системному подходу. Примером этого является схема, которой кончается в целом весьма интересная книга Б. Г. Ананьева [6]. Его ошибка, возведенная в принцип И. И. Резвицким, в том, что он индивидуальность поставил выше личности. Согласно последнему, «...индивидуальность — это особая форма бытия человека в обществе»... [7]. Но такое понимание индивидуальности противоречит ее пониманию К. Марксом, писавшим про индивидуальность «не только людей, но и вещей» [8],

---

[2] Там же. Т. 3. С. 19.

[3] См., напр.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 18, 19, 36, 440; Т. 12. С. 709; Т. 19, С. 19; Т. 23. С. 195, 361; Т. 26. Ч. I. С. 123; Т. 45. С. 509; Т. 46. Ч. I. С. 476; Т. 47. С. 317—318.

[4] Там же. Т. 3. С. 282, 392; Т. 42. С. 27; Т. 46. Ч. I. С. 17.

[5] См., напр.: Из рукописи Карла Маркса «Критика политической экономии» // Вопр. философии. 1965. № 8. С. 130; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 19; Т. 27. С. 12.

[6] *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 335; *Платонов К. К.* О человеке как предмете познания // Вопр. психологии. 1970. № 3. С. 144—147.

[7] *Резвицкий И. И.* Философские основы теории индивидуальности. Л., 1973. С. 14.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т, 3. с. 218.

и В. И. Лениным, писавшим, что «„индивидуальности“ существуют не только в духовном, но и в физическом мире»[9]. Несовместимо такое понимание индивидуальности и с системным подходом.

Но ранее, чем перейти к анализу явления, обозначаемого словами «индивидуальность личности», надо остановиться на понятиях «свойство», «особенность» и «качество». Их необходимо уточнить, уже хотя бы потому, что в одних учебниках психологии характер и способности называются свойствами, а других — качествами и в третьих — особенностями личности.

Не решая этого вопроса на всеобъемлющем уровне — это дело философа,— мы не можем не получить решение применительно к человеку, так как отсутствие такого решения лишит четкости излагаемую здесь концепцию. На обыденном языке свойства чаще всего обозначают как прилагательные к тому, что обозначается как существительное. Например, «добрый или злой человек». Но «доброта» и «злость» не перестают оставаться свойствами личности.

Каждое из свойств человека и личности может быть понято, исходя не из одного, а из нескольких критериев: сущности его по значению для его носителя; сущности его самого; стойкости его проявления; его места и связей в общей иерархии явлений, в которой оно компонент.

По первому критерию различают не только свойства человека как наиболее широкое понятие, отражающее нечто присущее человеку как индивиду, но и подчиненные ему понятия: особенности, качества и атрибуты. Все свойства личности являются и свойствами человека, хотя не все свойства человека — свойства личности.

Особенность — это свойство, четко отличающее индивида от других, которое может быть весьма устойчиво и существенно (например, черта характера), или быть существенным только в определенных условиях (например, родинка при опознании трупа), или быть совсем несущественным.

Качество — это наиболее существенное свойство, дающее любому феномену определенность. Меняется качество человека — меняется (хоть немного) и его сущность. Гегель писал: «Качество есть всеобще тождественная с бытием, непосредственная определенность... нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 430.

качество, оно перестает быть тем, что оно есть»[10]. Качество — всегда свойство, но не всякое свойство является качеством. Как будет показано в гл. VII, качествами личности являются ее четыре основные подструктуры и наложенные на них характер и способности.

Атрибут — наиболее существенное качество (а следовательно, и свойство), без которого данный феномен «не может ни существовать, ни быть представляемым»[11]. Атрибуты личности — ее сознательность, динамичность, активность и неповторимость, «пронизывающие» все ее качества.

Второй критерий различения свойств и качеств человека, как и других объектов,— их собственная сущность. По этому критерию, как было показано в § 3 гл. II, различают материальные, функциональные и системные (или интегральные) свойства и качества. Личность материальных качеств не имеет, и для нее особое значение приобретают системные качества. Напомним, что это не любые качества системы, а только являющиеся продуктом качеств систем более низкого уровня.

Третий критерий различения свойств личности (если два предыдущих всеобщи, то этот и следующий относятся только к личности) совпадает с различением трех родов всех психических явлений: кратковременных процессов; психических состояний, включающих в свою структуру эти же явления, но в более длительных их проявлениях; эти же явления, но ставшие столь длительными, что уже приняли форму стойких, хотя и не неизменных свойств личности.

Вместе с тем и психические явления двух первых родов с позиций принципа личностного подхода к любым проявлениям психики человека также рассматриваются как менее стойкие, иногда даже случайные, но все же тоже свойства личности.

Четвертым критерием различия свойств и качеств личности является различие их места и связей в общей иерархии всех психических явлений. По этому критерию надо различать субординационные и координационные свойства.

Субординационные (от лат. sub — под — и ordinatio — приведение в порядок) свойства и качества личности одновременно являются и психическими явлениями, субор-

---

[10] *Гегель.* Соч. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 157.
[11] *Спиноза Б.* Избр. произв. М., 1957. С. 327,

динированными другими, лежащими выше их, и субординирующими лежащие ниже их на иерархической лестнице психические явления.

Иное дело координационные (от лат. со — вместе, с) свойства личности, которые обобщают различные ее другие свойства, независимо от их места в общей иерархии. Это, например, регуляторные, стимулирующие, стабилизирующие свойства личности, которые иногда обобщают в регулирующую, стимулирующую и стабилизирующую системы.

Б. Басаров, недавно выдвинув положение о четырех атрибутах личности: целостности, устойчивости, активности и направленности [12], в своей книге обосновывает ее устойчивость. Об этой концепции речь подробней пойдет в § 2 гл. VI. Но здесь надо отметить, что, хотя вопрос об атрибутивности, устойчивости личности еще спорен (есть личности, явно неустойчивые), это координационное ее свойство, бесспорно, требует изучения.

Теперь нужно рассмотреть индивидуальность человека как систему его особенностей и как индивида, и как организма, и как личности. Ее надо понимать как иерархическую систему системных качеств [13] с рядом уровней. Нижним ее уровнем является *сомато-морфологическая индивидуальность*, проявляющаяся у человека, в частности, на его фотографии; системным качеством следующего уровня является *биохимическая индивидуальность*, проявляющаяся в несовместимости тканей и аллергиях; на следующем уровне *физиологическая индивидуальность* человека как организма своим системным качеством имеет индивидуальность нервизма, общую у человека с беспозвоночными животными. Она является у него высшей только в пренатальном периоде его развития; *процессуальная* (об этом термине см. § 2 гл. IX) *психическая индивидуальность* — это следующий уровень, в известной мере еще общий у человека с позвоночными животными. Имея системным качеством индивидуальность субъективного, он является высшим для человека только в момент его рождения; *содержательная* (о ней также в § 2 гл. IX) *психическая индивидуальность* человека уже как лично-

---

[12] *Басаров Б.* Проблемы психологии устойчивости личности. Ашхабад, 1981. С. 77.

[13] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Индивидуальность человека как иерархия его системных качеств // Индивидуальные особенности психического и соматического развития и их роль в управлении деятельностью человека. Пермь, 1982. С. 106—107.

сти является продуктом его взаимодействия с миром; следующий высший уровень — *социально-психологическая индивидуальность*, свойствен только человеку (хотя имеет предысторию в стаях животных). Это продукт общения со старшими поколениями, определяющий индивидуальность творчества личности.

Социально-психологическая индивидуальность как высшее проявление индивидуальности человека начинает формироваться в раннем, дошкольном возрасте вместе с формированием сознания и личности в целом. Личность при наличии ее минимума уже выраженно индивидуальна не только за счет ее процессуальной индивидуальности, но и за счет ее социального содержания как самооценки своих поступков. На стадии минимума социальной зрелости личности в «паспортном» возрасте, когда нравственное, эстетическое и трудовое воспитание заметно дополнены политическим, социально-психологическая индивидуальность принимает содержание идеологической индивидуальности [14] как проявления политического сознания личности.

Социальное и идеологическое содержание политического сознания индивида, обогащаясь в течение его дальнейшей жизни по мере усвоения им социального наследства человечества, становится процессуальным в виде апперцепций, смысловой памяти: ассоциаций, моральных мотивов деятельности. Это социализирует не только процессуальный уровень индивидуальности, но и все низшие уровни, а следовательно, и человека в целом.

Итак, продолжая в этой главе рассматривать связи личности (как явления и понятия) с рядом смежных явлений и понятий, можем установить, что человек, взятый за целое, имеет только две подструктуры: организм и личность; под индивидом можно понимать и человека в целом, и человека как личность; что индивидуальность как проявление неповторимости свойственна не только духовному, но и физическому миру и у человека является сложным системным качеством.

В этом параграфе были уточнены столь необходимые для проблемы личности понятия, как свойство, особенность, качество, атрибут. Поскольку, наряду с разобранной в этом вводном параграфе неповторимостью, другим

---

[14] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 296—303.

атрибутом личности является ее сознательность, следующий параграф начнет анализ взаимодействия личности и сознания.

2. Структура сознания

Формулировка «Личность — это человек как носитель сознания» впервые была дана на Всесоюзном совещании 1962 г. и опубликована в стенограммах этого совещания [15]. С тех пор она не только все шире применяется в советской психологии, но и все лучше «работает» в практике. Но она, уточняя понятие «личность», требует уточнения и понятия «сознание».

В марксистской философии и психологии общепризнано, что сознание не рядоположено с другими психическими явлениями человека, не представляет собой некую субстанцию, объединяющую их в одно целое; оно является высшей формой психического отражения действительности, свойственной только человеку: формой сознательного отражения мира. Сознание есть частный случай психики, ее высшая форма, и не все в психике человека является сознательным. Например, к сновидениям, импульсивным действиям, отдельным высокоавтоматизированным шаблонным навыкам не применимо в полной мере понятие «сознательно». Но и в этих случаях неосознанных действий сознание не находится «рядом с ним», а включено в той или иной, пусть в самой малой, степени в структуру этих действий.

Первая категория кратковременных психических процессов — это ощущения, восприятия, память, мышление и т. д., которые определяются относительной кратковременностью их протекания. Ни один психический процесс не может, оставаясь сам собой, протекать более или менее долго.

Вторая категория — психические состояния; бодрость, усталость, активность, пассивность, раздражительность, настроение и т. д. Они определяются значительно более длительным их протеканием. На них довольно долгое время обращали внимание только патопсихологи, и заслуга их разностороннего изучения в общей психологии принадлежит главным образом Н. Д. Левитову [16].

---

[15] См.: Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 626.
[16] См.: *Левитов Н. Д.* О психических состояниях человека. М., 1964.

Третья категория психических явлений — психические свойства личности. Они наиболее стойки, хотя, конечно, и не неизменны. Изменяются они в результате биологического развития человека от детства до старости. Могут они меняться и в результате заболевания. Но наиболее всего они изменяются под влиянием социальных условий, и прежде всего воспитания и самовоспитания.

Эти три категории: кратковременные процессы, состояния и свойства личности — называют частнопсихологическими, так как они объединены общепсихологической категорией — психические явления.

Увеличивать число этих категорий никакого основания нет, так как все без исключения психические явления, свойственные человеку и его сознанию, могут быть отнесены к той или иной из этих категорий. Эти три категории психических явлений в их конкретном взаимодействии составляют содержание индивидуального сознания. Динамика их смены — это поток сознания, а соотношение различных психических явлений в определенный период является структурой сознания.

Переходя к вопросу о подструктурах сознания, прежде всего надо отметить, что в литературе здесь не на что опереться. Поэтому в основу дальнейшего положены те общепринятые группы свойств сознания, которые хотя и не называются подструктурами, поскольку структурный подход к сознанию до сих пор не применялся, но с его позиций не только могут, но и должны быть поняты именно как подструктуры, число которых необходимо и достаточно для всех известных проявлений сознания. Сопоставление этого понимания структуры сознания со структурой деятельности (гл. IV) и со структурой личности (гл. VII) подтверждает ее объективность, а не условность, хотя, конечно, названия этих подструктур, как и любые названия, условны.

В сознании, взятом за целое, можно выделить четыре подструктуры, необходимые и достаточные для того, чтобы в них уложились все процессуальные (об их отличии от содержательных речь пойдет в § 2 гл. IX) проявления его элементов.

Первая подструктура — атрибуты сознания, вне которых оно не существует; их С. Л. Рубинштейн выделил три: переживание, познание и отношение. В эмоциях и чувствах более проявляются переживания и отношения; в ощущениях, восприятиях и в мышлении — познание; в воле — отношения, как «обратная связь» отражения с

миром. Надо отметить, что, видимо, не случайно С. Л. Рубинштейн, уделяя большое внимание этим атрибутам сознания, хотя и не называя их атрибутами, в своей основной теоретической монографии нигде не называл трех рядом, а многократно показывал их значение «по два из трех» [17].

Различные их сочетания уточняют у человека те три функции сознания, которые, по мнению Б. Ф. Ломова [18], имеет вся психика: регулятивную, в которой доминирует переживание; когнитивную (от лат. cogito — мыслю), в которой преобладает познание; коммуникативную (от лат. communicatio — связь, сообщение), в которой доминирует отношение.

Вместе с тем здесь необходимо напомнить, что эти три функции сознания (как и психики у животных) являются абстракциями, так как объективно они проявляются в форме функций не только человека как носителя сознания (т. е. личности), но и как организма, следовательно, как функции целостного человека.

Вторая подструктура — свойства, определяемые динамикой и, напротив, уровнями стойкости потока сознания: от кратковременных психических процессов через состояния и до стойких свойств личности, о чем только что шла речь.

Третья подструктура — субъективный компонент форм психического отражения как функции сознания: памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятий, чувств, воли, одновременно являющихся и формами психического отражения у человека, активируемыми потребностями, организуемыми и управляемыми вниманием, объективизируемыми психомоторикой и являющимися в своей совокупности психикой человека. Вот почему сознание не может отождествляться с психикой человека, как это нередко делается, а должно пониматься как целостный субъективный компонент психики человека. Поэтому же существует принцип единства (а не тождества) сознания и деятельности, в том числе и внутренней, идеальной, и внешней, предметной деятельности.

Четвертая подструктура — свойства, определяемые уровнем ясности сознания от полной потери сознания во

---

[17] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 7, 260, 264, 273 и др.

[18] См.: *Ломов Б. Ф.* О путях развития психологии // Вопр. психологии. 1978. № 5. С. 40.

время обморока или под наркозом через различные психические, но неосознанные явления (о них речь ниже), патологические изменения и явления спутанного сознания до явлений ясного сознания, высшими формами которого являются творческое вдохновение и озарение.

В структуре каждого акта сознания как акта психического отражения человеком мира, являющегося срезом потока сознания, всегда участвуют элементы всех четырех подструктур, но в их различных сочетаниях. Вместе с тем эти подструктуры сознания проявляются и в структуре личности, что будет показано в § 3 гл. VII, и в структуре деятельности, о чем речь пойдет в § 2 следующей главы.

После изложенного нужно включить в эту систему понятия «неосознанное» и «бессознательное». Субъективная осознанность и неосознанность психических явлений у человека не является альтернативой, а имеет в соответствии со степенью ясности сознания проградиентные переходы. Более того, обычное, повседневное, практически одинаковое сознание фактически беспрерывно меняет степень своей ясности, не только уменьшая ее до так называемых просоночных состояний и сна, но и увеличивая ее в периоды творчества. Переход от частичной неосознанности к полной, т. е. к бессознательному, по существу, это переход от психического отражения, отражающей системой которого является личность, к более низкому его уровню, отражающей системой которого являются менее сложно организованные уровни нервной системы. Нельзя забывать, что даже самое сложное поведение животных, организуясь психикой, имеющей субъективный компонент, является бессознательным. Высоко автоматизированный сенсорный или моторный навык человека — также бессознательное психическое явление, имеющее субъективный (как и у животных) компонент, который, однако, легко становится осознанным. Часто забывают, что высокоавтоматизированный навык, если он не стал так называемым «вредным навыком» — автоматизмом, продолжает находиться под контролем сознания.

Но у человека могут быть и еще более «бессознательные» акты поведения, в структуре которых вообще нет никаких субъективных компонентов. К ним принадлежат субсенсорные рефлексы, образованные в ответ на раздражители ниже порога ощущения и получающие субъективный элемент только в своей эффекторной части.

Достаточно полной, четкой и общепризнанной классификации неосознанных явлений человеческой психики, а следовательно, и соответствующих состояний личности еще нет. Основная причина этого общая с причиной нечеткости самой терминологии в этой области психологии, изучаемой, как правило, вне единой системы психологических понятий.

Помогает глубже понять сущность неосознанных явлений уточнение содержания и места понятий «субъективное» и «идеальное» в сознании и, следовательно, в личности.

Субъективное — это атрибут любого психического явления как акта психического отражения. Именно появление самого элементарного субъективного знаменовало у животных появление (на основе физиологического отражения раздражимости) пусть простейшей, но психической его формы. Есть все основания считать, что ранее всего это была простейшая полярная эмоция в форме переживания. Простейший феномен познания в форме ощущения — это филогенетически более позднее психическое явление, требующее более сложных морфологических образований в виде анализаторов.

Самосознание иногда считают высшей формой сознания, непосредственно связывая его с Я (Эго), противопоставляемому не-Я. Так, И. И. Чеснокова (Иванова) во введении своей наиболее глубоко рассматривающей эту проблему книги пишет: «В том, как личность представляет свое Я, отражается мера ее осознания себя и уровень зрелости личности в целом»[19]. Эта формулировка более верна, так как включение в нее понятия «мера» подразумевает, что самосознание может быть и низшей, начальной формой сознания. Это было не только в раннем антропогенезе, но в онтогенезе каждой личности и даже ежедневно при пробуждении ото сна.

Связь самосознания и Я, как и решение «загадки Я», как любят говорить философы[20], посвящая ей много работ[21], наиболее полно раскрывается только в свете теории отражения. В системе ее понятий и Я, и самосознание — это самоотражение личностью самой себя и противопоставление своего Я и не-Я. Но при этом необходимо

---

[19] *Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977. С. 4.
[20] См.: *Михайлов Ф. Т.* Загадка человеческого Я. М., 1964.
[21] *Кон И. С.* Категория «Я» в психологии // Психол. журн. 1981. Т. 2. № 3. С. 25—38.

учитывать, что это отражение, во-первых, может быть или сиюминутным, или преемственным, и во-вторых, с доминированием каждого из трех атрибутов сознания, принимающих формы самопереживания, самопознания и самоотношения. В первом случае проявляется различие Я и самосознания; во втором — их общность. Сиюминутное Я первым возвращается после пробуждения и сохранено у человека с ретроградной амнезией в результате травмы мозга — продукт непосредственного отражения в форму ощущений и восприятий. Преемственное Я — продукт памяти как следового отражения, исчезающего при ретроградной амнезии и в случае «раздвоения личности». Высшей формой Я является самооценка как соотношение личности к самой себе, непосредственно связанной с явлением долга и совести как их понимания (и следовательно, познания) и переживания и оценки на этой основе своих поступков.

Появление у ребенка субъективного различия Я и не-Я, т. е. осознание «самости», определяет появление «минимума сознания» и вместе с тем «минимума личности».

Осознанное самоотношение к своему Я как к части общества и к своим действиям как к поступкам и признание личностью ответственности за них определяет появление «минимума социальной зрелости личности». Здесь идеальное приобретает четкую социальность содержания, получающего форму идеологического. Этот вопрос будет более подробно рассмотрен в гл. XIII.

Идеальное как высшее проявление субъективного свойственно только человеку.

Итак, сознание, являясь высшей формой психического отражения, свойственной только человеку, интегрирует все другие его формы: эмоции, ощущения, восприятия, память, мышление, чувства и волю. Оно имеет свою структуру, отличную от структуры личности (о ней речь пойдет в главах VI и VII).

Степень осознанности психических явлений не альтернативна, а проградиентна. Причем часть бессознательных явлений аналогична психическим явлениям, свойственным животным, а часть относится не к психической, а к физиологической форме отражения и, будучи лишенной субъективного компонента, является функцией не личности, а организма. На уровне сознания и личности субъективный компонент принимает форму идеального в восприятиях, мышлении, чувствах, воле и смысловой

памяти личности, хотя к ощущениям и эмоциям понятие «идеальное» неприменимо.

Понимание раскрытой в этой главе связи личности и сознания позволяет глубже раскрыть взаимосвязи самосознания, личности и Я (Эго). А это позволяет лучше осуществлять научный подход при целенаправленном формировании личностей, о чем речь пойдет в гл. XIII.

Чтобы глубже понять сущность сознания и взаимодействие его с личностью, надо заглянуть в его предысторию, уточнив ряд ошибочных ее пониманий.

3. Предыстория сознания

Нельзя забывать слов Ф. Энгельса, сказанных им в «Диалектике природы» о значении теории Дарвина: «А без этой предыстории существование мыслящего человеческого мозга остается чудом» [22]. Таким же чудом без предыстории сознания остается и личность.

Анализ генезиса форм отражения в животном мире требует преодоления широко распространенной ошибки. Говоря об эволюции психики вопреки современным данным эволюционной биологии, вместо терминов первичноротые и вторичноротые применяют термины беспозвоночные и позвоночные, располагая их в один генетический ряд, якобы обладающий постепенно усложняющейся психикой. Так построены главы «Развитие психики» в большинстве учебников психологии, так построена и основная монография «Проблемы развития психики» А. Н. Леонтьева, выдержавшая ряд изданий [23].

Поиск намеков в низшем на высшее, хорошо изученное, можно проводить только в гомологичных, наследственно преемственных рядах животного мира. А эволюционной биологией бесспорно доказано отсутствие гомологии ветви первичноротых со вторичноротыми, вершиной которых является человек. Следовательно, элементы общности этих ветвей надо рассматривать в аспекте аналогии [24]. При этом основным здесь является вопрос, можно ли ту форму отражения, которая свойственна первичноротым

---

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 512.

[23] *Леонтьев А. Н.* Очерк развития психики. М., 1947; *Он же.* Проблемы развития психики. М., 1959, 1964, 1972, 1981.

[24] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Значение аналогии в эволюции функциональных структур психики // Философские проблемы биологии. М., 1973. С. 225—231.

животным и которая успешно у них эволюционировала вплоть до сложнейших форм у пчел и муравьев в ветви членистоногих и осминогов у высших моллюсков, вообще называть психикой как психической формой отражения. В. А. Вагнер, крупнейший в мире специалист по наукам, отрицал у них, как и у других насекомых, наличие эмоций [25] как простейшего проявления субъективных явлений, а следовательно, и психики [26].

Нервная система низших вторичноротых также не могла обеспечить возникновения субъективного и, следовательно, психики. Сравнительная психология, подмененная в последние годы этологией, не располагает еще данными для того, чтобы уточнить тот этап, на котором произошел скачок от этологического к психическому отражению. Но что он произошел в этом гомологичном, наследственно-преемственном ряду, вершиной которого является человек,— это несомненно.

Так как появление и развитие личности теснейше связано с развитием мышления, на последнем вопросе необходимо хотя бы кратко остановиться.

Как известно, факты заставляли И. П. Павлова задумываться, а иногда и высказываться о явлениях высшей нервной деятельности животных и человека, не укладывавшихся в понятие «условный рефлекс». Сюда принадлежат прежде всего все высказывания, получившие в дальнейшем наименование «основ учения о второй сигнальной системе действительности». Сюда же относится и тезис, четко сформулированный И. П. Павловым 13 ноября 1935 г.: «...когда обезьяна строит свою вышку, чтобы достать плод, то это „условным рефлексом" назвать нельзя. Это есть случай образования знания, уловления нормальной связи вещей. Это — другой случай. Тут нужно сказать, что это есть начало образования знания, улавливание постоянной связи между вещами — то, что лежит в основе всей научной деятельности законов причинности и т. д.» [27].

Как известно, об этих словах И. П. Павлова напомнил Э. А. Асратян, и это вызвало важнейшую для тео-

---

[25] *Вагнер В. А.* Возникновение и развитие психических способностей. Л., 1925. Вып. 3. От рефлексов до инстинктов.

[26] Подробней см.: *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. С. 64—74.

[27] Павловские среды. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 262.

рии личности полемику[28]. Предложенное Э. А. Асратяном название этого феномена — каузальный рефлекс,— вынесенное им даже в заголовок статьи, противоречит приведенному тезису И. П. Павлова, что явление «это „условным рефлексом" назвать нельзя».

В предыстории сознания, а следовательно, и личности скачок от физиологической (иногда ошибочно называемой «биологической») формы отражения к психической (которая у животных также биологическая) определялся появлением нового в развитии материи системного качества — субъективности, отраженного в форме, представляющей собой «намек» на переживание боли человеком и являющейся отражением нужды индивида избавиться от жизненно неблагоприятных влияний.

Отражающей системой, определяющей появление субъективного, является многослойная кора головного мозга. Существующие попытки наделить психикой, а следовательно, и субъективным насекомых и еще более просто организованных животных являются ошибочными.

Скачок, который В. И. Ленин видел в переходе от ощущения к мысли, проще всего отождествлять со скачком от животного к человеку, от первой сигнальной системы действительности ко второй и от психики к сознанию. Но диалектичней намеки на него искать уже в предыстории сознания у животных.

Существенным фактом предыстории сознания является открытая И. П. Павловым, но надолго забытая и не нашедшая до сих пор широкого признания особая форма отражения рефлекса, получившего название «каузальный рефлекс». Если мышление — это отражение связей между явлениями действительности путем опосредования их понятиями, то каузальный рефлекс отражает их непосредственно. Существовавшее в советской психологии в течение нескольких десятков лет ошибочное понимание гомологии в развитии психики и наделение насекомых

---

[28] *Асратян Э. А.* Каузальный условный рефлекс // Вопр. философии. 1970. № 10. С. 112—126; *Бассин Ф. В.* Открытое письмо Э. А. Асратяну // Вопр. философии. 1971. № 4. С. 159—163; *Асратян Э. А.* Условно-рефлекторная теория, принцип ассоциации и новые их критики // Журн. высш. нерв. деят. 1972. Т. 22. № 3. С. 631—639; *Платонов К. К.* Рефлекторная теория, теория отражения и мышление // Журн. высш. нервн. деят. 1973. Т. 33. № 2. С. 448—453; *Он же.* Место мышления в системе понятия рефлекторной теории и теории отражения. // Философские проблемы психологии общения. Фрунзе, 1976. С. 13—25.

сенсорной психикой надолго задержали правильное понимание предыстории сознания, а следовательно, и предыстории личности.

* * *

Личность неповторима, как и человек. Но неповторимость человека как индивида или, что то же самое, его индивидуальность, определяется иерархией его уровней индивидуальности от анатомической и биохимической до индивидуальности творчества.

Человек, потерявший сознание, тождествен своему организму. И напротив, читая его письмо или стихи, далеко не всегда можно узнать что-либо о нем как об организме, но почти всегда можно многое узнать о нем как о личности. Еще больше при этом можно узнать и о сознании этого человека. Больше потому, что в письме могут проявиться и временные состояния сознания, свойственные ему только в момент, когда письмо писалось, личность же определяется более стойкими особенностями.

Личность — это человек как носитель сознания. Стойкие изменения сознания ее стойко меняют, временные — временно Но свойства личности и сознания, а тем более их качества и уж подавно атрибуты не совпадают. Структура сознания имеет следующие подструктуры: атрибуты, функции, уровни стойкости, уровни ясности.

В потоке сознания эти подструктуры проявляются через динамику смены его актов. О взаимодействии структуры сознания и структуры личности речь пойдет в гл. VII.

Без понимания предыстории сознания нельзя понять и предыстории личности. На этом вопросе надо было особо остановиться и потому, что понимание филогенеза развития психики содержит еще немало широко распространенных ошибок. А филогенез, как известно, в значительной степени повторяется в онтогенезе каждой личности, о чем речь пойдет в гл. XII.

Глава четвертая

ЕДИНСТВО ЛИЧНОСТИ, СОЗНАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. Роль коллективного труда в антропогенезе

Мысль, что «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его», В. И. Ленин пояснил так: «т. е., что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [1]. Этим была заложена основа понимания единства человека как личности не только с сознанием, но и с деятельностью, углубившего понимание как антропогенеза, так и онтогенеза личности.

Антропология (этот термин принадлежит Аристотелю) накопила уже немалый материал о предках современного человека. Однако особенности этого материала иногда создают неправильное представление о якобы постепенной эволюции от еще бесспорно обезьяны дриопитека до современного человека. Диалектика же учит всегда искать скачки качественных переходов количественных накоплений и критерии, позволяющие проникнуть в их сущность и причины. В данном случае это вопрос о тех свойствах, которые позволяют определить скачок от человекоподобных животных к пусть самому первобытному, но уже человеку.

Это и есть вопрос о «минимуме человека», т. е. о таком минимуме свойств, наличие которых позволяет антропологу, опирающемуся на ряд наук, обосновать наличие скачка от животных к человеку.

Сейчас ни морфология, ни физиология не могут дать ответа на этот вопрос. Но это может сделать та еще очень мало разработанная психологическая наука, которая называется палеопсихологией. Она лежит между зоопсихологией и исторической психологией и имеет ряд пересечений с социальной психологией и психологией труда как психологическими науками, накопившими больший опыт, чем она; ее внешние пересечения осуществляются с антропологией, археологией и этнографией, материалами которых она пользуется, давая им свой.

Методологической основой для нее служит классическое положение Маркса: «Анатомия человека — ключ к

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194, 195.

анатомии обезьяны... намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [2].

Казалось бы, что таким, уже достаточно хорошо известным у человека феноменом, «намеки» на который известны и у животных, является сознание. Конечно, проще всего сказать: с момента появления у животного сознания оно становится человеком. Но ведь можно сказать и так: с момента, когда животное становится человеком, его психика становится сознанием. Такой порочный круг ничего не проясняет. Правильнее искать у животных психические феномены, являющиеся «намеками» на сознание, и причины скачков в развитии этих феноменов. Исходить при этом надо из положения, что свойства психики, определяющие «минимум человека», могли появиться только в результате какого-то принципиального изменения бытия первобытной обезьяны.

Удлиняя палку или строя вышку, первобытная обезьяна, как и современная шимпанзе, выполняла действия, близкие к определению труда, данному Марксом. И потому это был «намек» на труд человека. Но, пока и австралопитек подобные действия выполнял индивидуально, он мало нуждался в оперировании представлениями (которые потому и не становились простейшими понятиями) и в расширении содержания простейших субъективных образов. В структуре его психики не было чего-либо принципиально нового по сравнению с рамапитеком или дриопитеком.

Только в тех, пусть вначале очень редких случаях, когда труд австралопитека получал «намек» на коллективный, в содержании его психики появлялось нечто новое, своего рода «намек на обмен опытом». Одновременно возникала объективная нужда в усилении оперирования имеющимися простейшими субъективными образами. Общение в труде вызывало нужду в обмене информациями путем словесного общения, которое сразу же усложнило и содержание самих понятий, и способы оперирования ими.

В действиях обезьяны, строящей вышку, есть элемент целенаправленности и проявление той формы отражения, которую вслед за П. К. Анохиным теперь все называют «опережающим отражением». Но подлинно целенаправленным является коллективный труд первобытного человека.

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 731.

Здесь опять, идя от высшего и хорошо известного к «намекам», надо помнить, что коллектив — это группа, но не всякая группа — коллектив, а только та, цели деятельности которой вынесены за ее рамки и подчинены целям большей группы. Стая кормит только себя и своих детей. Первобытные охотники кормили племя и потому трудились коллективно. Это меняло субъективные содержания ими отраженного, которые под влиянием возникавшей социальной нужды в общении из комплекса ощущений становились понятиями и из праидеальных «намеков» — идеальными. Это идеальное не путем наследственности, а путем общения передавалось не только детям, но и внукам, меняя и усложняя свое содержание. Потому вопрос о факторах, определявших переход стада в племя,— важнейший вопрос проблемы «минимума человека» и неотделим от появления коллективного труда.

Коллективный же труд породил на основе действий, совершаемых «для себя», действия, совершаемые «для других», как намек на поступки, которые нужны группе, племени и обществу в целом.

Итак, ни морфологическая, ни функциональная эволюция сомы человекообразных обезьян сама по себе не определяет диалектического скачка от них к первобытному человеку. Он возник в результате появления индивидуальной и групповой нужды в коллективном труде. Эта нужда, отраженная психикой индивидов, постепенно превращала ее в примитивное сознание члена родового племени.

Коллективный труд, став причиной появления «минимума человека» [3], определил ряд свойств первобытного человека: наличное ранее биологическое начало дополняется социальными элементами и изменяется под их влиянием (в дальнейшем этот процесс в такой степени уже оказался неповторимым); способствовал все более широкому использованию, изготовлению орудий труда, а в дальнейшем использованию орудий для изготовления орудий труда; способствовал возникновению и развитию понятий (в частности, «они», «мы») и речевого общения; обеспечил включение огня в быт и в дальнейшем не только его сохранение, но и получение; он укрепил связь не двух, как у животных, а трех поколений, придав им функцию передачи социального опыта; речевое общение

[3] См.: *Платонов К. К.* О «минимуме» человека // Зоопсихология, этология и сравнительная психология. М., 1974. С. 137—140.

как продукт коллективного труда не только обеспечило развитие понятий и понятийного мышления, но и научило человека с помощью внутренней речи говорить с самим собой.

Учитывая изложенное, надо считать, что основным фактором развития сознания в антропогенезе был не любой труд, а только коллективный и, следовательно, нужный обществу. Следовательно, и сознание, а вместе с ним и личность первобытного человека формировались потому, что они были нужны первобытному развивающемуся обществу. Классовое общество деформировало, но не уничтожило этой нужды.

Этот вывод имеет принципиальное значение для правильного понимания слов Ф. Энгельса о труде, о том, что «он — первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» [4]. Изложенное выше позволяет глубже понять слова Энгельса «в известном смысле», которые, к сожалению, нередко опускают.

Именно в силу этого можно утверждать, что нельзя понять теории личности, не согласовывая ее с теорией деятельности.

2. Структура деятельности

«Психические свойства личности в ее поведении, действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются, и формируются» [5], — писал С. Л. Рубинштейн. Теперь это положение, принявшее более короткую формулировку — личность в деятельности и проявляется, и формируется, стало общепризнанным. В его основе лежит та «марксистская истина», как ее называл В. И. Ленин, о которой речь пойдет в § 3 гл. XI.

С этим же положением С. Л. Рубинштейн сочетал и принцип единства сознания и деятельности, связывая тем личность с сознанием. Впервые в общем виде этот принцип был сформулирован им в работе «Проблемы психологии в трудах Маркса», написанной в 1933 и опубликованной в 1934 г. В 1935 г. в своем учебнике он предельно четко так сформулировал этот принцип: «Деятельность и сознание — не два в разные стороны обращенных ас-

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 486.
[5] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940. С. 518.

пекта. Они образуют органическое целое — не тождество, но единство»[6]. Вскоре этот принцип стал общепризнанным. Его дальнейшее уточнение было сделано Л. И. Анцыферовой, раскрывшей понятие единства и отметившей, что этот принцип «приобрел важное методологическое значение, поскольку в нем утверждалось, что не может быть деятельности без сознания и сознания без деятельности, и тем самым защищалось положение о возможности через деятельность изучать все без остатка сознание человека... Принцип единства сознания и деятельности становится, таким образом, основой всех объективных методов психологии»[7].

В последние годы в советской психологии сформулировалась концепция, получившая название «концепция деятельности». Наиболее четко она была изложена А. Н. Леонтьевым в его последней книге.

Как уже было сказано, в этой книге А. Н. Леонтьев поставил деятельность между S и R формулы бихевиоризма. Он так писал об этом: «Итак, в психологии сложилась следующая альтернатива: либо сохранить в качестве основной двучленную схему: воздействие объекта — изменение текущих состояний субъекта (или, что принципиально то же самое, схему $S \rightarrow R$), либо исходить из трехчленной схемы, включающей среднее звено („средний термин“) — деятельность субъекта и соответственно ее условия, цели и средства — звено, которое опосредствует связи между ними»[8].

Но, как было уже сказано в § 2 гл. II, полностью соглашаясь с необходимостью с позиции теории отражения говорить о трехчленной схеме сознания, в качестве «среднего термина», а точнее, «отражающей системы» (соглашаясь с С. Л. Рубинштейном, а не с А. Н. Леонтьевым) надо видеть не деятельность, а личность.

При всем значении, все более широко понимаемом, категории деятельности общепризнанного ее определения не существует.

Г. С. Костюк в статье Педагогической энциклопедии писал, что деятельность — это «важнейшая форма проявления активного отношения человека к окружающей дей-

---

[6] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935. С. 51.

[7] *Анцыферова Л. И.* Принцип связи психики и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии/Ред. Е. В. Шорохова. М., 1969. С. 59.

[8] *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975. С. 81.

ствительности»[9]. Это его понимание деятельности приближает ее к пониманию, данному в Философском словаре: деятельность «в философии — специфически-человеческий способ отношения к миру — „предметная деятельность" (Маркс); представляет собой процесс, в ходе которого человек воспроизводит и творчески преобразует природу, делая тем самым себя деятельным субъектом, а осваиваемые им явления природы — объектом своей деятельности». Это очень хорошее философское определение деятельности, несколько ниже уточняемое: в психологии — «понятие, характеризующее функцию индивида в процессе его взаимодействия с окружающим миром»[10].

Но это дополнение неточно, так как «индивид», как было показано в предыдущей главе, не только человек, а деятельность, свойственная только ему. Потому более точно надо сказать, что деятельность может быть определена взаимодействием человека со средой, в которой человек осуществляет сознательно поставленную цель.

В данном случае деятельность определяется через сознательно поставленную цель. Но можно, как А. Н. Леонтьев, определять деятельность и через отношение: «Те специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т. е. активное, отношение субъекта к действительности, мы будем называть, в отличие от других процессов, процессами деятельности»[11]. Конкретизируя эту мысль, автор в другом месте говорит: «Мы называем деятельностью не всякий процесс. Этим термином мы обозначаем только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности»[12].

Но все же, определение деятельности через поставленную цель, видимо, более удачно, так как сближает это понятие не только с понятием «коллектив», но и с волевыми свойствами личности и ее целенаправленностью.

В других работах советских психологов, например в учебном пособии для педагогических институтов, сказано, что «совокупность действий, которые объединены общей целью и выполняют определенную общественную функцию,

---

[9] *Костюк Г. С.* Деятельность // Педагогическая энциклопедия. М., 1964. Т. 1. С. 709.

[10] Философский словарь/Ред. М. М. Розенталь, П. Ф. Юдин. М., 1968. С. 96.

[11] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1981. С. 49.

[12] Там же. С. 518.

составляет деятельность»[13] или что «деятельностью называется совокупность действий человека, направленных на удовлетворение его потребностей и интересов»[14].

Из двух последних определений видно, что деятельность в конечном счете определяется через действие и сводится к совокупности действий, что, на наш взгляд, является недостаточной ее характеристикой, так как и само действие также требует своего объяснения и определения.

Приведенные положения позволяют сделать некоторые выводы. Положительным в этих определениях являются поиски специфичности деятельности, ее отличие от действий, подчеркивание связи, взаимодействия со средой, а также момент целенаправленности, указание на роль потребностей. Однако основной недостаток этих определений состоит в том, что они не дают четкого ответа на вопрос: что же является тем главным и основным, что должна изучать психология при анализе деятельности конкретной личности.

Хотя намеки на деятельность имеют место и в животном мире, по существу понятие деятельности является социальной категорией, ибо о деятельности говорят применительно к человеку, понимая при этом его общественно-трудовую деятельность, которая, в свою очередь, обусловлена всей системой общественных отношений.

Коренные отличия деятельности человека от поведения животных состоят прежде всего в том, что у животного поведение направлено на обеспечение биологических потребностей, оно слито с его жизнедеятельностью.

Жизнедеятельность — широкое понятие, применяемое и к животным, и к человеку, и на нем надо остановиться несколько подробнее. Так, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал: «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*... между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек... свободно противостоит своему продукту»[15], что свойственно ему как личности.

---

[13] Психология/Ред. А. Г. Ковалев и др. М., 1966. С. 426.
[14] *Рудик П. А.* Психология. М., 1964. С. 409.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 93—94.

В «Немецкой идеологии» он с Ф. Энгельсом, говоря о способе производства, уточнял, что «это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» [16].

Изложенное дало все основания К. А. Абульхановой-Славской включить и термин, и понятие жизнедеятельности в развиваемую ею теорию личности [17]. Это интересная попытка, и теория деятельности теперь, бесспорно, должна учитывать это понятие, хотя и не обязательно класть его в основу. В качестве доказательства последнего положения можно привести теорию деятельности В. Д. Шадрикова [18].

Развиваемая в этой книге теория деятельности исходит из единства сознания, личности и деятельности. Потому все основные формы психического отражения, являющиеся подструктурой и сознания и личности, рассматриваются ею одновременно в качестве и элементарных и общих (т. е. присущих всем полноценным людям) видов психической деятельности. Но к числу последних принадлежат и три рода психических явлений: потребности как пусковая причина, внимание как организация и психомоторика как объективизация психической деятельности. На их общей основе формируется любая предметная деятельность, являющаяся функцией не только личности, но и человека в целом.

Именно как функции человека — и как организма, и как личности — понимал Маркс трудовую деятельность. «Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд» [19],— писал он в «Капитале». К этим его словам упорно не хотят прислушиваться те психологи, которые связывают деятельность непосредственно с личностью, считая ее функцией только личности.

---

[16] Там же. Т. 3. С. 19.

[17] *Абульханова-Славская К. А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М., 1979. С. 19—44.

[18] *Шадриков В. Д.* Психологический анализ деятельности. Ярославль. 1979. 91 С.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 516.

В излагаемой системе понятий человеческая деятельность, или, что является синонимом, сознательная деятельность, или, кратко в контексте психологических работ, просто деятельность — это такая форма взаимосвязи человека со средой, в которой человек осуществляет сознательно поставленную цель.

Системно-структурный подход утверждает, что деятельность, как и любой другой психологический феномен, имеет свою структуру. Общая социально-психологическая структура, применимая к любой деятельности, может быть уложена в следующую схему: цель — мотив — способ — результат.

Деятельность начинается с сознания объективной цели как отражаемого — явления, ибо цель деятельности в психологическом аспекте не зеркальная, а личностно переработанная, определенная ролью потребностей данной личности, объективная цель, ставшая субъективной. Уже на этом этапе деятельность взаимодействует с личностью. Но еще более это взаимодействие проявляется во второй подструктуре деятельности.

Второй подструктурой деятельности являются ее мотивы. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)» [20],— писал Энгельс. Определяющая роль потребности проявляется на этапе борьбы мотивов при выборе путей к достижению уже поставленной цели. Мотив — это психическое явление, становящееся осознанным побуждением к определенной деятельности. Ведь motif по-французски и значит «побуждение». Мотивы часто рассматривают только как свойства личности и всю проблему мотивации относят к разделу психологии личности. Это неверно. Одно и то же психическое явление, как правило, может рассматриваться с трех точек зрения: как свойство сознания, как свойство личности и как свойство деятельности. Но в любом явлении один из этих аспектов, как правило, доминирует. Однако мотивы (как и способности, о чем речь пойдет в гл. VIII) в равной степени «выходят» и на категорию личности, и на категорию деятельности.

Мотивы, как и любые другие психические явления, бывают и процессами, и состояниями, и свойствами личности. О первых говорят как о нестойких, иногда даже

---

[20] Там же. Т. 20. С. 493.

случайных, ситуационных мотивах, о вторых — как о стойких мотивах; и только последние из них одновременно являются свойствами личности — именно подструктуры ее направленности. Они могут быть простыми и сложными, включающими в свою структуру и свойства личности из ее низших уровней. Но личностный подход к любому психическому явлению у человека заставляет видеть в мотивах наиболее отчетливо проявляющееся диалектическое единство сознания, личности и деятельности.

Поэтому мотивы могут быть как потенциальными — еще не включенными в структуру реально выполняемой деятельности, так и актуальными — включенными в таковую. В зависимости от их связи с целью и стойкости надо различать мотивы деятельности и мотивы отдельных действий. Они могут совпадать и не совпадать.

Следующая психологическая подструктура деятельности — способ ее выполнения. Она определяется двумя предшествующими подструктурами, но, взятая как целое, она, в свою очередь, имеет свою психологическую структуру, в которую входят знания, навыки, умения.

В педагогике и психологии до сих пор часто говорят: знание — умения и навыки. Это пошло с тех пор, как Е. В. Гурьянов записал в учебнике психологии: «Школьник, только что обучившийся грамоте, уже умеет читать и писать, хотя навыками чтения и письма он еще не обладает... Умением можно обладать, не владея еще соответствующим навыком» [21]. Иными словами, он понимал умение как первый этап развития навыков. Но это неверно. Умение — это итог педагогической работы с обучаемым и воспитываемым. В его структуру, наравне со знаниями и навыками, входит творческое мышление, лежащее в основе творческой деятельности и определяющее мастерство. Потому правильнее это отмечать и порядком слов: знания, навыки, умения.

Последней подструктурой деятельности является ее результат. Правильное понимание этой подструктуры особо существенно для теории личности, так как именно по ней судят о деятельности в целом, а через нее — и о действующей личности. Основная особенность результатов деятельности — ее соответствие цели как первой подструктуре деятельности. Наиболее легко (хотя и неполно) результат деятельности определяется через отсутствие ошибочных действий как действий, не достигающих их цели.

[21] Психология/Ред. А. А. Смирнов и др. М., 1956. С. 423.

Между структурой деятельности и ранее описанной структурой сознания существует определенное взаимодействие.

Цель и мотивы деятельности взаимодействуют со всеми подструктурами сознания; способы — только с тремя из четырех: с формами отражения, стойкостью и ясностью сознания; результаты деятельности непосредственно не зависят ни от одной из подструктур сознания, завися от них опосредованно через цели, мотивы и способы, но влияя на них.

3. Виды деятельности

Деятельность, определив в виде коллективной деятельности антропогенез, сама имеет длительную предысторию, обобщаемую общенаучными понятиями «реакция» и «реагирование».

Реакция — это общенаучное понятие, обозначающее ответ на внешнее для системы воздействие. Цепные реакции свойственны неживой природе, не поднимающейся выше их по иерархической лестнице реагирования. Реакция возникает как простейший результат в процессе реагирования как универсального явления. «Внутреннее изменение во взаимодействующих телах, адекватное воздействию извне, необходимое для ответного реагирования тела на внешний фактор, представляет собой процесс отражения» [22],— пишет Н. В. Медведев, и с этим нельзя не согласиться.

Поведение является более высокой формой реагирования, чем реакция. Но о нем речь пойдет подробнее в следующей главе.

Деятельность — высший иерархический класс реагирования, возникающий в процессе развития психики, свойственный только человеку. Это форма взаимодействия человека и мира, при которой человек ставит осознанные цели, обеспечивающие осознанное будущее, и достигает их. Деятельность — функция человека в целом, осуществляемая им с помощью орудий, ставших на современном уровне человечества машинами, хотя, конечно, деятельность может осуществляться и без машин, и без орудий. Системой, отражающей стимул как воздействие внешнего

---

[22] *Медведев Н. В.* Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. М. 1963. С. 6.

мира и определяющей результаты деятельности, является личность.

Иногда считают, что понимать деятельность как высшую форму реагирования — это значит если и не стоять на позициях бихевиоризма, то, пользуясь его терминологией, приближаться к нему. С этим нельзя согласиться, так как реагирование — это всеобщее свойство материи. А ошибка бихевиоризма не в пользовании терминами «стимул» и «реакция», а в механистическом понимании взаимосвязи этих явлений, игнорирующем определяющее значение промежуточного между ними звена. Излагаемая система понятий включает деятельность не только в объективную иерархическую систему форм реагирования, но и в систему понятий теории отражения. Но так деятельность понимают еще не все отечественные психологи.

Изложенная система понятий, раскрывающих категорию деятельности, исходит из ряда широко известных, и потому здесь не повторяются формулировки, данные К. Марксом о сущности труда [23]. Но, поскольку все другие общие сложные виды сознательной деятельности произошли из труда, это понимание относится ко всем другим ее видам. Общепринятой психологической классификации видов деятельности еще нет. Но все они, чаще совсем независимо друг от друга, в психологии уже достаточно хорошо изучены и описаны.

Применительно к трудовой деятельности ее отдельные виды изучаются отраслью психологии труда, называемой профессиографией и входящей в комплексную дисциплину — профессиологию.

Высшим проявлением из всех видов деятельности является творческая деятельность, в результате которой создается нечто новое, нешаблонное по единству формы и содержания и прогрессивное по сравнению с ранее существовавшим и известным результатом подобной деятельности.

От элементарных видов деятельности, указанных выше, надо отличать элементы деятельности — действия, при выполнении которых достигается элементарная, т. е. не разложимая в данное время, наиболее простая осознанная цель. В процессе упражнения выполнение определенной деятельности, ряд ее отдельных действий, обобщаются в одно более сложное, имеющее новую об-

---

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 81, 178, 189, 195 и др.

щую цель. Психологическая классификация действий различает поступки, привычки, импульсивные действия, навыки и умения. Поступок, являющийся, по справедливому мнению С. Л. Рубинштейна, «клеточкой» личности,— это действие, выполняя которое человек осознает его значение для других людей, т. е. его социальный смысл.

Психологическая классификация видов действий различает поступки, привычки, импульсивные действия, навыки и умения.

В § 1 этой главы было отмечено значение поступков в антропогенезе и историческом развитии личности. Здесь надо уточнить, наличие трех родов поступков: осознанно социально полезных, их иногда называют «деяниями», не совсем точно используя старорусское слово; осознанно социально отрицательных, деформирующих личность; иллюзорных и потому неопределенно влияющих на личность.

Кроме того, выделяют существенные для личности привычки как действия, выполнение которых стало потребностью, и импульсивные действия, случайные для личности, как малоосознанные (иногда даже нелепые) действия, вызванные сильными эмоциями.

Навык — это действие, сформированное в процессе его упражнения и вошедшее в структуру более сложных действий и деятельности как способ их выполнения. Но вместе с тем это и свойство личности — приобретенная ею способность в процессе целенаправленной деятельности выполнять составляющие ее частные действия автоматизированно, без специально направленного на них внимания, но под контролем сознания.

Навыки могут быть несформировавшимися и сформировавшимися, молодыми и старыми, простыми и сложными, разрозненными и комплексными, шаблонными и гибкими. И все это зависит от того, как они сформировались в осваиваемой деятельности: непродолжительное или длительное время, в простых или сложных упражнениях, в стандартных или разнообразных, в простых или сложных условиях деятельности.

Умения, как и поступки,— это личностно обусловленные действия, одновременно являющиеся и подструктурой опыта личности. Как вид деятельности это действие, обеспечивающее на основе имеющихся знаний и навыков творческое достижение осознанной цели в новых условиях. Народная мудрость связала категории личности и деятельности общим корнем слов «умение» и «умелец».

Здесь уместно привести еще не всеми психологами и педагогами понятую схему этапов формирования умения.

Структура действий, более или менее точно повторяя указанную выше структуру деятельности, также подчинена ее первому элементу — цели. Стойкие цели деятельности личности вместе с тем являются и ее свойствами, входящими в ее направленность. Они определяют не только отличие трудовой деятельности от всех других ее видов, но и отличие совместной деятельности группы людей, от ее коллективной деятельности, о чем специально пойдет речь в гл. XII.

Итак, основное различие видов деятельности и действий, определяемое их различными целями, уточняется различием их мотивов и способов достижения осознанных целей. Различные навыки — сенсорные, психомоторные, умственные, эмоциональные и волевые — являются и проявлениями деятельности и приобретенными свойствами личности, в значительной степени определяющими ее способности.

Особенно ярко проявляют и формируют индивидуальность личности ее поступки и привычки. Но наиболее отчетливо единство сознания, личности и деятельности определяет осознанные и личностно мотивированные цели деятельности.

4. Совместная деятельность как фактор формирования личности

Деятельность может быть индивидуальной, но чаще бывает групповой. Объективно существуют несколько видов групповой деятельности людей, весьма по-разному формирующие личность,— одновременная, вместе выполняемая, совместная и коллективная деятельность. Но сущность этих видов деятельности еще по-разному понимается, а термины, их обозначающие, еще нередко считаются синонимами.

Психологические структуры этих видов деятельности весьма различны. А ведь именно повторные действия определенных структур деятельности являются фактором, формирующим личность. Эти различные структуры деятельностей, определяемые их различными целями и взаимодействиями целей у личностей, входящих в различные группы, хорошо могут быть показаны на модели посадки различных групп пассажиров в метро.

Все группы пассажиров, производящие посадку в один и тот же поезд метро, совершают ее примерно за 20 секунд как практически одновременную деятельность. Притом если каждый из них, тем более на конечной станции, входит один в дверь, то для каждого это будет и индивидуальная деятельность.

Те же группы пассажиров, которые входят в одну и ту же дверь, совершают эту деятельность вместе, которая не только одновременная, но и групповая и контактная, определяемая их так называемыми идентичными целями. При деятельности, выполняемой группой вместе, идентичные цели каждого члена группы не обобщаются в единую цель и действия каждого могут даже мешать друг другу.

Примером совместной деятельности при посадке в метро может быть школьник и его мать, так как все элементы структуры деятельности их обоих (цель—мотив—способ — результат) включают совместность. У них есть общая цель и мотив («не потерять друг друга»), выраженное взаимодействие в способах и результате. Уже из этого простейшего примера видна взаимосвязанность конкретных, частных целей действий совместной деятельности, подчиненной общей цели взаимодействующих личностей.

Приставка «со» подчеркивает наличие обобщения при взаимодействии того, к чему она «приставлена». Взаимодействие знаний дает сознание; мнений — сомнение; авторства — соавторства; переживаний — сопереживаний; участие — соучастие и т. д. и т. п. Поэтому и совместная деятельность — это только та деятельность, выполняемая вместе двумя или несколькими людьми, которая выполняется на основе их взаимодействия и взаимозависимости в процессе достижения их общей цели. Частные цели отдельных действий у каждого члена группы, выполняющего совместную деятельность (ведь в приведенном примере можно было бы взять не школьника и его мать, а семью из многих человек или учительницу с целым классом), подчинены общей цели и помогают ее достижению, а действия принимают форму поступков взаимопомощи.

Словосочетание «совместная деятельность» В. И. Ленин не применял. Но все, что он писал об организаторской деятельности, по существу имеет непосредственное отношение к этой проблеме, притом имеет отношение в двух аспектах: не только совместная деятельность орга-

низаторов с ними организуемыми, но и организация совместной деятельности организуемых. Это убедительно показали Л. И. Уманский[24] и А. П. Дульчевская[25].

Пример посадки в метро не может быть продолжен для показа модели коллективной деятельности, поскольку пассажиры, садящиеся в его вагоны, являясь группой, не являются коллективом, так как цели их деятельности не могут рассматриваться как подчиненные целям общества, членами которого они являются. Здесь примером может быть только деятельность коллектива работников метро, обеспечивающих эту посадку. Их деятельность, как и любая другая коллективная деятельность, является высшей формой совместной деятельности, хотя и не обязательно одновременной.

Совместная деятельность играла решающую роль в антропогенезе и играет ее в формировании личности в ее онтогенезе.

Волки в стае вместе гонятся за оленем, и первобытный человек в стае других сородичей вначале действовал, осуществляя свою, пусть смутно, но уже осознанную цель по этой же модели — «вместе». Но чем более отчетливо осознавал каждый из них общность своей цели с целями соучастников групповой деятельности, тем чаще она становилась совместной. В. М. Васнецов с большой психологической точностью изобразил на картине «Каменный век» (1883—1885), написанной для Исторического музея, деятельность первобытного коллектива при охоте на мамонта. Именно совместная деятельность в условиях первобытного коллектива, как уже было показано в § 1, явилась системообразующим фактором, определившим возникновение и развитие общения, речи и понятийного мышления, а следовательно, и минимума человека. Деятельность, протекавшая только вместе с другими и опиравшаяся в основном только на подражание, определить этого не могла. Такое понимание антропогенеза является ярким примером значения совместной деятельности для формирования личности.

Классовое расслоение общества, исказив прогрессивную сущность, сохранило форму совместной деятельности

[24] См.: *Уманский Л. И.* В. И. Ленин об организаторской деятельности и организаторских способностях // Вопр. психологии. 1963. № 2.

[25] См.: *Дульчевская А. П.* Ленин В. И. об организации совместной деятельности // Методика обучения и теории языка. Минск, 1980. С. 84—88.

представителей обоих классов: и владельца средств производства, и того, кто использует эти средства в своем труде, несмотря на все различие содержания их целей и мотивов. При этом особенности этих целей, как это предельно четко было показано В. И. Лениным, дифференцировали личности эксплуатируемых на три основных типа.

«Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам» [26].

Есть все основания утверждать, что эти три типа личностей «рабов» проходят через всю историю классового человечества. Но также есть основания утверждать, что эти типы личностей формировались и продолжают формироваться особенностями совместной деятельности. Ведь в первом случае и цели, и проявления деятельностей «раба» и «господина» находятся в непримиримом противоречии; во втором случае эти противоречия «рабом», примирившимся с ними, не осознаны и не отражены в целях его деятельности; в третьем случае они «подкуплены» и тем подчинены деятельности «господина» и также закреплены в свойствах личности «раба» при уже, в данном случае, полностью совместной деятельности с «господином».

Сказанное достаточно наглядно показывает, сколь различны содержания процессуально аналогичных структур индивидуальной деятельности каждого человека при включении его (при внешне в одинаковых или по крайней мере близких условиях) либо в совместную с другими деятельность, либо в деятельность только вместе с ними. При совместной деятельности людей их более отдаленные цели у каждого общи с другими, а более частные у них взаимодействуют. При деятельности же вместе с другими и те и другие цели остаются у каждого своими.

Но есть еще более существенное различие деятельности вместе и совместно. В первом случае ее «смежник» только объект: иногда безразличный (когда мало спутников входит в вагон метро или уехавший далеко господин

---

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40.

не досаждает оброком), а иногда мешающий, входящий в понятие «они» наравне со злой собакой соседа. В совместной же деятельности всегда есть «соучастник» этой деятельности, «соратник», входящий в понятие «мы». Притом с ним, входящим в «мы», в случае необходимости можно и подраться, даже насмерть, в этом совместном взаимодействии не только кулачного боя «стенка на стенку», но и классовой борьбы первого «раба» из примера Ленина.

Сказанное может быть сформулировано и иначе: включение другого человека (или их группы) в понятие «мы» осуществляется только через совместную с ним (или с ними) деятельность. А формирование у человека понятия «мы» — важнейшая цель его морального воспитания.

Человечество стихийно уловило пользу совместной деятельности и столь же стихийно использовало и закрепило ее в своей социальной практике. Ведь закономерности совместной деятельности в истории человечества проявлялись не только в отношениях представителей различных классов. Они определили и появление, и развитие средневековых цехов, которые, в свою очередь, способствовали формированию коллективистских черт личности и в дальнейшем приняли форму профсоюзного движения. Но еще более отчетливо и положительно они проявлялись в семейном воспитании подрастающих поколений.

Здесь уместно для примера взять отечественную деревню прошлого и начала нашего века. Не только подросток, но и ребенок с самых ранних лет там был включен в единую, совместную деятельность, как правило, большой, включающей три поколения многодетной семьи. Он рос как помощник, включающий цели своей деятельности в цели общих дел. Единство нравственного и трудового воспитания в процессе совместной деятельности было неотъемлемой частью его жизнедеятельности. Наши классики оставили замечательные по психологической глубине описания этого, примером чему являются образы детей в «Записках охотника» И. С. Тургенева и «мужичка с ноготок» в «Крестьянских детях» Н. А. Некрасова.

Сущность психологии совместной деятельности подростка уложена в одну фразу этого «мужичка»: «Отец, слышишь, рубит, а я отвожу». А ведь «годик»-то ему только «шестой миновал». Не только в деревенской, но и в городской семье старшие (хотя часто и не более старшие, чем мужичок с ноготок) были включены в заботу

о младших детях, что формировало «семейные цели» ее совместной деятельности, остающиеся на всю дальнейшую жизнь. Эти примеры можно продолжать и продолжать.

Но значительно важнее сказать о том, что это включение подростков в совместную деятельность со взрослыми, нередко тяжелую, но все же чаще посильную, а нередко и интересную, проявлялось столь же стихийно и в их играх. Более того, именно отражение в играх детей и подростков того времени их повседневной совместной деятельности со старшими превращало их значительно более стойкие, чем теперь, группы в своеобразные детские и юношеские коллективы. Их игры, повторяя по биогенетическому закону в онтогенезе антропогенез, начинались с дифференцировки «мы» и «они» при укреплении единых целей «мы». Не случайно в различные варианты игр «казаки-разбойники» и «дочки-матери» играли и везде, и многие поколения.

Пожалуй, здесь уместно напомнить картину В. И. Сурикова «Взятие снежного городка» (1891), запечатлевшую сибирскую традицию того времени, в которой совместные детские игры стали совместной же игрой взрослых. При этом надо учесть, что все подобные «массовые мероприятия» — как бы ни были они несовместимы с современными нормами общения, например битвы «стенка на стенку» или подростков и взрослых разных улиц,— не только имитировали совместную деятельность, но и формировали интерес и способности к ней.

Социальные сдвиги образа жизни и в деревне и в городе уничтожили веками складывавшиеся не только отрицательные, но и положительные традиции и семейного воспитания, и детских игр. Современный ребенок попал в условия, резко ограничившие его совместные деятельности, а нередко и стихийно воспитывающие из него индивидуалиста. Особенно это отчетливо видно в дошкольном возрасте, т. е. именно тогда, когда у человека закладываются основы его характера. Коллективистом жизнь заставляет его становиться только тогда, когда он приходит в трудовой коллектив, да и то не в каждый.

Конечно, и теоретики дошкольной педагогики, и практики — воспитательницы детских садов — отлично понимают необходимость воспитания коллективизма у детей. Но фактически совместная деятельность в наших детских садах — весьма редкое явление. Она заменена самообслуживанием, соревнованием «Кто сделал лучше?» и только

иногда принимает форму помощи младшему. Но все это многим ближе к модели «вместе», чем к «совместно». Такая же картина наблюдается в выходные дни на детских площадках жэков. Не многим лучше обстоит дело и в школьной, и в студенческой практике. Пожалуй, только в некоторых пионерлагерях и студенческих рабочих бригадах удается организовать хорошую совместную деятельность, но чаще и там она далеко не всегда полноценно осуществляется. Хотя для этих условий (в отличие от детских садов) этот вопрос и теоретически, и методически уже неплохо решен [27].

Говоря о совместной деятельности, нельзя не отметить, что если общественно-исторические сдвиги в жизни города и деревни резко ограничили совместную деятельность подрастающих поколений, то научно-техническая революция значительно расширила ее с помощью средств массовых коммуникаций, и более всего — телевидения. Изучение телевидения именно как совместной (хотя и объективно и не одновременной) деятельности диктора (и других членов коллектива телевидения, обеспечивающего программу) и зрителей еще только начинается, но уже вносит не только теоретическую ясность, но и практическую пользу.

Итак, в силу взаимодействия между совместной деятельностью и общением людей, ее выполняющих, с равным правом можно сказать, что личность — это продукт совместной деятельности, формируемый в процессе общения, и что личность — это продукт общения, формируемый в процессе совместной деятельности.

Процессуально совместная деятельность формирует личность через укрепление целей ее деятельности путем их взаимодействия с целями совместно действующих и тем получающих социально значимое содержание. Осознание общей цели, полезной для общества, определяет перерастание совместной деятельности в коллективную и формирование коллективизма как свойства личности участников совместной деятельности.

Чем раньше и чем активнее ребенок оказывается включенным в совместную деятельность как со сверстниками, так и со старшими, тем отчетливее формируются моральные особенности его личности. При этом, чем бо-

---

[27] См.: *Уманский Л., Лутошкин А.* Психология работы комсорга. М., 1972.

лее деятельность человека включает черты коллективной совместной деятельности, тем более он формируется как коллективист.

Стихийно создающиеся социальные особенности образа жизни как в городе, так и в деревне имеют выраженную тенденцию устранять свойственные прошлому стойкие проявления совместной деятельности и взрослых, и детей. Это требует усиленного внимания к проблеме совместной деятельности психологов, педагогов и социологов.

* * *

Изложенное в этой главе помогает понять законы взаимодействия не только сознания и деятельности, но и личности и деятельности, которые могут быть сформулированы кратко так: сознание активно и действенно; деятельность сознательна; личность, проявляясь в деятельности, ее причиной, но, формируясь в деятельности, она ее следствие; деятельность как проявление личности — ее следствие, а как фактор ее формирования — причина.

Оба эти закона обобщаются в принципе единства личности, сознания и деятельности, который кратко может быть сформулирован так: личность как носитель сознания в единстве с ним и проявляется, и формируется в деятельности.

Но этот принцип можно сформулировать и так: сознание личностно и деятельно; личность сознательна и деятельна; деятельность сознательна и личностна.

Изложенное в этой главе позволяет глубже понять эти три иерархически связанные общепсихологические категории, подчиненные категории «психика» и расположенные в четкий ряд.

Категория психика определяется через философскую категорию отражения и уточняется специфическим различием — наличием системного качества — субъективного как продукта физиологического отражения. Потому понятие «психика» и понятие «психическое отражение» — синонимы.

Категория сознания определяется через категорию «психическое отражение» и уточняется специфическим различием — «форма», свойственная только человеку, интегрирующая семь свойственных ему форм и свои три атрибута: переживание, познание, отношение.

Категория «личность» определяется через понятие

«человек» и уточняется специфическим различием — «поситель сознания».

Категория «деятельность» определяется через человека как субъекта, т. е. через личность, и уточняется специфическим различием — «достижение сознательно поставленной цели».

В этом проявляется иерархия психических явлений, понимаемая теперь как принцип психологии, о чем пойдет речь в § 3 гл. X.

И все же, ранее чем переходить к рассмотрению структуры личности, надо углубить понимание деятельности, раскрыв сложное явление, обозначаемое термином «отклоняющееся поведение», чему будет посвящена следующая глава.

Глава пятая

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

1. Сущность отклоняющегося поведения

«Мы постоянно видим, как нормальное под вредными разрушительными влияниями незаметными переходами превращается в патологическое и как патологическое часто открывает нам, разлагая и упрощая, то, что заслонено от нас, слитое и усложненное, в физиологической норме» [1],— писал И. П. Павлов, и эти слова имеют существенное значение для исследования проблемы личности. Значение это не только непосредственное, указывающее на роль патопсихологии как отрасли медицинской психологии, предмет которой — психопатологические явления, свойственные больной личности, но и опосредованное. Этому вопросу была посвящена специальная книга [2], и в частности одна из ее глав, «Проблема личности в медицинской психологии». Но опосредованное значение этих слов И. П. Павлова и выводы из них для этой книги весьма существенны. Дело в том, что, как уже это однажды было показано более подробно, чем

---

[1] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. 4. С. 317.

[2] *Платонов К. К.* Методологические проблемы медицинской психологии. М., 1977.

здесь, они говорят только об одном проявлении более общего «закона о законах», который может быть сформулирован так: «Пока закон не нарушается, он может не обнаруживать себя»[3].

Приведенные выше слова И. П. Павлова можно отнести к одному из проявлений этого закона в так называемом отклоняющемся поведении, о котором и пойдет речь в этой главе.

Отклоняющееся поведение человека — это его поведение, не соответствующее нормам, принятым обществом, членом которого он является. Отсюда синоним — ненормальное поведение. Но это определение требует уточнения того более общего понятия, через которое оно дано: «поведение» — «специфические различия» — «норма», поскольку эти слова очень по-разному понимаются.

Слово «поведение» — омоним, имеющий в науке ряд значений. Во-первых, это общенаучное понятие, применяемое и к роботу, и даже к атому в магнитном поле в значении двигательной активности как реакции на воздействие среды. Во втором значении поведение — это категория этологии как биологической науки, взявшей на вооружение формулу бихевиоризма $S \to R$ и различающей ряд его уровней: донервный; низший нервный, инстинктивный, определяемый генетическими программами; условно-рефлекторный; и наконец, присущий только человеку (сохранившему и низшие уровни) — деятельность.

Если же слово «поведение» употребляется применительно к человеку, число омонимов еще более возрастает. Так, в наиболее точном значении это синоним деятельности. Но чаще поведение понимается либо как только ее внешнее проявление, либо как неосознанное проявление ее типа импульсивных реакций или снохождения. Иногда же под поведением понимают эллипсис нравственной деятельности, элементами которой являются не любые действия, а только поступки (пятерка за поведение ученику!). Тогда, как бы возражая предыдущим пониманиям этого слова, его распространяют и на «мысленное поведение», как ответ на вопрос: «Что бы я сделал, если...».

Но чаще, как в разбираемом случае отклоняющегося поведения, эллипсис этого понятия применяется и используется как прием анализа деятельности исходя из внешнего ее результата.

---

[3] *Платонов К. К.* О процессе самоукрепления коллектива // Коллектив и личность. М., 1975. С. 92.

Норма — это явление группового сознания в виде разделяемых группой представлений и наиболее частных суждений членов группы о требованиях к поведению (в указанном значении этого слова) с учетом их социальных ролей, создающих оптимальные условия бытия, с которым эти нормы взаимодействуют и, отражая, формируют его.

Различают нормы биологические, относящиеся к организму человека, и социальные — к его поведению в группе людей. Нарушение социальных норм личностью влечет осуждение или даже наказание ее группой. Среди многих социальных норм (партийных, профессиональных, трудовых, эстетических, религиозных и т. д.) для отклоняющегося поведения особое значение имеют нравственные и правовые нормы. В силу этого понятие отклоняющегося поведения нередко связывают только с поведением, нарушающим эти нормы. Вместе с тем, как будет показано в этой главе, понятие это значительно более широкое, и именно в этом широком и разностороннем плане весьма существенно для теории личности. С позиций принципа единства сознания, личности и деятельности это широкое понимание отклоняющегося поведения, помогающего, в свою очередь, лучше понять наличие или нарушение координационной функции личности.

Итак, общепризнанный тезис И. П. Павлова, с которого была начата эта глава, будучи частным проявлением «закона о законах», вместе с тем должен быть расширен до также широко понимаемого отклоняющегося поведения. Хотя последнее это полифакторное и весьма различное проявление свойств личности, начать их рассмотрение логично с социально отклоняющегося поведения.

2. Социально отклоняющееся поведение личности

Поведение личностей, реализующее нарушение ими нравственных и правовых норм, наиболее чутко оценивается группами, в которые входят эти личности. И это не случайно, так как определяется самой сущностью отклоняющегося поведения и сущностью нравственных и правовых норм.

Нравственные нормы — это род социальных норм, ранее устанавливаемых обычаями, а теперь — этикой как отраслью марксистско-ленинской философии. Отклоняющееся поведение, нарушающее нравственные нормы, про-

является как проступки, осуждаемые групповым мнением, так как оно ухудшает социально-психологический климат группы.

Обычно понятия «нравственность» и «мораль» считают синонимами. Но, как было сказано в § 1 гл. II, в свете ленинской теории отражения и различения Ф. Энгельсом и В. И. Лениным объективной диалектики (диалектики вещей) и субъективной диалектики (диалектики идей) теоретически и логически полезно для практики термин «нравственность» закрепить за объективными явлениями, а «мораль» — за субъективными. Повторность безнравственных проступков — это проявление аморальности личности. Отсюда — весьма существенное различение двух видов отклоняющегося поведения: безнравственного и аморального, различать которые надо и теоретически в учении о психологии личности и практически для целей воспитания.

Безнравственное отклоняющееся поведение — это действия и деятельность, результаты которых объективно противоречат нравственным нормам независимо от оценки личностью, их совершающей.

Аморальное отклоняющееся поведение — это безнравственное отклоняющееся поведение, так и оцениваемое его совершающим. Оно может быть случайным для личности, но сознательное, повторное его совершение говорит об аморальности личности и низком уровне или даже об отсутствии у нее нравственных способностей. Нравственные способности — это свойства личности, определяющие неотклоняющееся поведение при условии знания соответствующих норм. При этом надо сказать сразу (речь об этом подробней пойдет ниже, в гл. VII), что правовые способности полностью приобретаются в личном опыте и личность всегда ответственна за их отсутствие.

Реже встречается имеющее более отрицательное общественное значение отклоняющееся поведение, определяемое нарушением правовых норм, установленных инструкциями группы, имеющей на то право, или законом государства. Их нарушение в первом случае является проступком, во втором — преступлением. Проблеме отклоняющегося поведения посвящено немало исследований[4].

---

[4] *Гилинский Я. И.* Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. Л., 1971. Вып. 3; *Игошев К. Е.* Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего/Ред. К. К. Платонов. Свердловск, 1973; *Глоточкин А. Д., Пирожков К. Ф.* Личность в норме и при криминальных отклонениях //

Не повторяя их, надо остановиться только на вопросах, имеющих отношение к концепции личности, излагаемой в этой книге.

Нравственные способности личности связаны с ее правоправными способностями как способностями ее к правоправной деятельности, говоря юридическим языком, снижение которых определяет возможность отклоняющегося поведения. Потому они дальше будут рассматриваться в их связи. Передовая мысль отечественных правоведов никогда не игнорировала взаимосвязи нравственного и правового сознания. А. Ф. Кони, посвятивший этой проблеме специальную работу, писал: «Нравственным началам, как мне кажется, принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса» [5]. К этой мысли он неоднократно возвращался как в теории, так и в своей юридической практике. В своем напутственном слове присяжным заседателям, вынесшим оправдательный приговор Вере Засулич, он сказал: «Мало знать, что то или другое преступное деяние совершено,— необходимо знать, *для чего оно совершено, то есть знать цель* (выделено мною.— *К. П.*), и уяснить себе намерение подсудимого» [6].

Ф. Н. Плевако различал вещественные и нравственные улики: «Нравственным уликам нужно давать предпочтение перед вещественными. У всех людей ... есть по пять пальцев, которые могут сжаться в кулак и схватить нож, но из этого не следует, чтобы всякая здоровая рука могла наносить удары ... Я полагаю, что прежде всего нужно изучать человека» [7]. Об этом говорили и многие другие передовые юристы. «Ни одно преступление нельзя объяснить исключительно внешними причинами, игнорируя особенности совершившей его личности» [8],— писал С. В. Позднышев, предвосхищая тезис С. Л. Рубинштейна о соотношении внешних и внутренних условий.

Исправительно-трудовая психология. М., 1974. С. 79—87; *Шпалинский В. В.* О социально-психологических аспектах отклоняющегося поведения // Труды Высшей школы МВД СССР. 1974. № 36. С. 15—26; *Зотова О. И.* Проблемы отклоняющегося поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 343—365; *Белкин А. С.* Диагностика педагогической запущенности учащихся: Учебное пособие. Свердловск, 1979.

[5] *Кони А. Ф.* Избранные произведения. М., 1956. С. 19.

[6] Там же. С. 556.

[7] *Плевако Ф. Н.* Речи. М., 1909. С. 69.

[8] *Позднышев С. В.* Криминальная психология: (Преступные типы). Л., 1926. С. 6.

Уже в наше время В. Н. Кудрявцев, считая, что «для криминологии „проектирование“ личности — насущная проблема дня», и ставя задачу вероятностного прогнозирования конкретного человека, пишет: «Мы можем утверждать о большей или меньшей вероятности того, что данный человек поступит так, а не иначе; что от одного лица с бо́льшим основанием можно ждать хорошего поступка, чем от другого... Это относится и к преступному поведению». Он обосновывает положение, на которое, к сожалению, далеко не все криминологи до сих пор обратили внимание, что «для криминологической теории и практики представляет большой интерес выявление величины „порога“, преодолеваемого при совершении преступления...» [9]. Иными словами, он, как предыдущие юристы и многие другие, например А. М. Яковлев [10], Е. Г. Ширвинд и Б. С. Утевский [11], не применяя термина «правоправные способности», в сущности, говорит о них.

Излагаемая концепция нравственных и правоправных способностей, несмотря на то что она уже вошла в монографии и учебники [12], до сих пор время от времени вызывает возражения. Утверждается, например, что это ломброзианство или же оправдание каждого преступника, невиновного в отсутствии у него правоправных способностей. Но этот довод опирается на в корне неверное понимание фатальной обусловленности любых способностей, противоречащее теории способностей, изложенной в гл. VIII (в которой и придется вернуться к этому возражению).

Более осторожное возражение задается в виде вопроса: «Зачем вводить понятия нравственных и правоправ-

---

[9] *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии: О структуре индивидуального преступного поведения. М., 1968. С. 130, 131, 163, 172.

[10] *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология. М., 1971. С. 34.

[11] Исправительно-трудовая педагогика. М., 1967. С. 148—149; *Ширвинд Е. Г., Утевский Б. С.* Советское исправительно-трудовое право. М., 1931. С. 118; Советское исправительное право. М., 1960. С. 93; *Платонов К. К.* Проблемы способностей. М., 1970. С. 197; *Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф.* Исправительно-трудовая психология. М., 1974. С. 241—243; *Платонов К. К.* Терминологический минимум по курсу исправительно-трудовой психологии. Рязань, 1982. С. 47, 58.

[12] См.: *Платонов К. К.* Проблемы способностей. С. 187; *Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф.* Исправительно-трудовая психология. С. 241—243; *Платонов К. К.* Терминологический минимум... С. 47, 58.

ных способностей, если есть понятия „преступные наклонности", „порог преступления" и „личностный подход" в криминологии». Ответ ясен: понятие «способности» включено в обе психологические категории — «личность» и «деятельность», что позволяет через отклоняющееся поведение, как нарушение закона нормативного поведения, лучше увидеть в личности то, что (несколько перефразируя слова И. П. Павлова, которыми был начат этот параграф) слито и усложнено в социальной норме. Более того, только опираясь на эти понятия, четко включенные в общую систему психологических понятий, можно различать личность преступника и преступную личность. А это различие имеет первостепенное значение для исправительно-трудовой педагогики.

Личность преступника — это синоним личности человека, совершившего преступление, а еще точнее — действия, которые в данном обществе оценены законом как преступление. Более конкретно — это личность осужденного, начинающего отбывать приговор. Ведь если бы было доказано, что данная личность не совершила преступления, человек не был бы осужден. Но далеко не каждый преступник является преступной личностью. Более того, вторых среди первых немного, даже среди находящихся в условиях строгого режима.

Преступная личность — это личность с низким моральным уровнем, стойкими асоциальными установками и, следовательно, с выраженной склонностью к рецидивам преступлений. Вопрос, каждую ли преступную личность можно перевоспитать, еще не решен, но здесь полная аналогия с больной личностью и вообще болезнью: известно, что не от каждой болезни можно вылечить, но врач обязан от любой болезни любого больного лечить до последней минуты. Эта аналогия отнюдь не означает биологической обусловленности преступной личности, которая до конца может быть понята с позиции соотношения процессуального и содержательного, о чем речь пойдет в гл. IX. Но и процессуальные особенности личности, как и биологические особенности в целом, «сами по себе... не порождают преступности, но оказывают влияние на динамику поведения человека...» [13] — как написано в новейшей книге по этой проблеме, в которой, как пока еще в криминологии в целом, больше разбирается проблема

---

[13] *Дубинин Н. П., Кирпец И. И., Кудрявцев В. Н.* Генетика, поведение, ответственность. М., 1982. С. 294.

социального и биологического, в то время как соотношение процессуального и содержательного еще осталось за ее рамками. Преступление, если оно доказано, всегда более четко выражено и глубже характеризует личность, чем проступок. Потому задача систематизации и типологизации личностей преступников и более практически необходима, и вместе с тем может быть достаточно четкой. Хотя ниже речь пойдет о различных личностях преступников, но все сказанное относится и к личностям с более легкими отклонениями поведения.

В каждом явлении, как этому учил В. И. Ленин, надо видеть соотношение общего, особенного и единичного в их единстве, причем единство общего и единичного находит свое проявление в особенном. Понимание этих философских категорий, в частности, очень важно при изучении личности преступника. Классификация преступников возможна по ряду различных критериев: по статьям кодекса, по режимам ИТУ, по числу судимостей, по образованию, по характеристике семьи и ряду других юридических и социологических показателей. Но можно их классифицировать и по индивидуально-психологическому критерию, по которому могут быть четко выделены следующие типы личностей преступников: 1-й тип самый отягощенный, он определяется соответствующими взглядами и привычками, внутренней тягой к повторным преступлениям; 2-й тип определяется неустойчивостью внутреннего мира; личность совершает преступление под влиянием сложившихся обстоятельств или окружающих лиц; 3-й тип определяется высоким уровнем правосознания (в случае ранее совершенного преступления — глубоким раскаянием в содеянном), но пассивным отношением к другим нарушителям правовых норм; 4-й тип определяется не только высоким уровнем правосознания, но и активным противодействием или хотя бы попытками его нарушению правовых норм; особый 5-й тип безотносительно к личности, ее внутреннему миру определяется возможностью только случайного, в частности в условиях алкогольного опьянения, преступления.

При достаточно внимательном, глубоком и разностороннем изучении не только каждый из судимых или осужденных, но и каждый вообще может (а в первом случае и должен) быть отнесен к тому или иному из этих психологических типов. Для осужденных это особо важно при представлении к условно-досрочному освобождению. Ошибки здесь (а они всегда возможны) могут за-

висеть от трех причин: поверхностного изучения личности; ее умения маскироваться; неожидаемого изменения личности вследствие неучтенных обстоятельств.

Преступная личность как психологическое понятие определяется безоговорочно только у 1-го типа из указанных выше. Только в этом случае понятия «личность преступника» и «преступная личность» совпадают, и их расхождение требует глубокой перестройки данной личности. Для 2-го типа это совпадение чаще бывает только кратковременным.

Все единичное в личностях преступников при всем их неповторимом разнообразии может быть сведено к четырем типам, как к особенному. Условно и кратко эти типы могут быть названы так: случайно-небрежные; оступившиеся; привычные правонарушители; преступники-профессионалы.

Примером случайно-небрежных являются осужденные за дорожно-транспортные происшествия при обгоне. Здесь приговор является актом социальной справедливости к пострадавшим и воспитательным мероприятием как по отношению к виновнику, так и к другим и исчерпывает исправительные мероприятия.

Оступившиеся под влиянием обстоятельств, если у них нет оснований быть зачисленными в следующую группу, составляют у нас далеко не главную, как иногда считают, массу осужденных. Это весьма дифференцированная группа, дающая основной контингент для успешного условно-досрочного освобождения, не дающего рецидивов. Именно к этому типу принадлежит тот подтип преступников, которых «достаточно провести по тюремному коридору», по словам Г. М. Медынского [14], чтобы получить воспитательный результат, с трудом получаемый в процессе исполнения приговора трех остальных типов. Отграничение этого типа преступников от предыдущего типа, «случайно-небрежных», определяется тем, что его представители вполне сознательно идут на преступление, оправдывая свой шаг иногда обстоятельствами, иногда (что психологически, по существу, то же самое) слишком большим соблазном, «игрой, стоящей свеч» и надеждой на безнаказанность, на «авось».

От следующего типа личностей — преступников «привычных правонарушителей» — тип «оступившихся» отличается отсутствием глубоких корней в социальной пато-

---

[14] *Медынский Г. М.* Трудная книга. М., 1964. С. 325.

логии развития их личности до первого преступления. Он очень редко дает рецидивы, а если дает, то обычно вследствие невозможности трудоустроиться или перехода в 4-й тип под влиянием уголовного окружения в ИТУ, оказавшегося более действенным, чем необходимые исправительно-воспитательные мероприятия.

По аналогии с медицинским понятием и термином «преморбидная личность», т. е. «личность до данного заболевания», здесь можно и нужно говорить о социально здоровой прекриминальной личности. Однако если у клинически полноценной преморбидной личности заболевание может быть вызвано только внешними для личности причинами [15], то у этого типа личности при ее первом преступлении внешние воздействия всегда только доминируют.

На типе первичных правонарушителей надо остановиться несколько подробней. Советский человек получил так много прав и свобод, что любое «нельзя» многие (можно даже сказать — очень многие) личности стали переживать как ограничение своей личной свободы. Отсюда часто, особенно у молодежи, возникает внутреннее убеждение: «Мне все можно», а любой запрет воспринимается как только условность. Отсутствию внутреннего уважения к понятию «нельзя» и к праву, а следовательно и к закону, способствует и частная непродуманность запретов.

А ведь именно из-за потери чувства «нельзя» происходит подавляющее большинство случаев хулиганства. И именно она лежит в основе преступлений, вызванных алкоголем, а их, как известно, большинство. Ослабление социальных тормозов у прекриминальной личности преступников этого типа приводит к ослаблению не только психологических, но и физиологических тормозов, стирая грань между правонарушением типа перехода улицы на красный свет и правонарушением, квалифицируемым как преступление.

Тип преступников-профессионалов, совершающих повторные преступления, характеризуется низкой общей и особенно моральной культурой. Это тот единственный случай, когда типом личности преступника является преступная личность.

---

[15] *Платонов К. К.* Роль преморбидной личности в психогенных состояниях летчиков // Актуальные вопросы клинической и судебной медицины. Л., 1970. С. 15—24.

Анализ психологических типов так называемого делинквентного (лат. delinquens — правонарушение) отклоняющегося поведения требует хотя бы кратко остановиться на психологии бюрократизма как на одной из форм также отклоняющегося поведения в межличностном деловом общении со стороны «власть имущего» или — чаще — только считающего себя таковым с рядовым членом общества. Волокита, отписки вместо принятия решения — вот «поведенческое выражение» несоответствия личности той общественной роли, которую она должна выполнять.

В. И. Ленин дал предельно четкое определение бюрократизма, сказав, что это «нечто формально правильное, а по сути издевательство» [16], призвав к жесточайшей борьбе с этим пережитком прошлого.

Итак, изучение социально отклоняющегося поведения в его наиболее выраженной форме — преступления — позволяет экстраполировать выявленные на этом уровне закономерности и на противоправственные поступки. Этому помогает понятие нравственных и правоправных способностей, о которых, не употребляя этих терминов, давно уже говорят наиболее передовые и творческие отечественные юристы.

Преступление, если оно доказано, всегда более четко выражено и глубже характеризует личность, чем поступок. Потому задача систематизации и типологизации личностей преступников и практически необходима, и вместе с тем может быть достаточно четкой. Хотя выше речь шла о психологических типах личностей преступников, сказанное относится ко всем видам отклоняющегося поведения его так называемого делинквентного типа, в том числе и бюрократизма.

3. Отклоняющееся поведение больной личности

Юридический закон требует: ранее чем выносить оценку отклоняющегося поведения личности, при малейшем подозрении на его связь с состоянием здоровья подсудимого получить заключение судебно-психиатрической экспертизы. Ведь поведение больной личности всегда в той или иной мере отличается от поведения, считающегося нормальным. Не случайно на языке медицинских понятий «норма» и «здоровье» являются синонимами.

---

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 328.

Одним из основных положений излагаемой в этой книге концепции личности является то, что личности бывают самые разные. В том числе не только здоровые, но и больные. «Болезнь» и «здоровье» основные категории медицины. Общее учение о болезнях в медицине называется общей патологией (от греческого pathos — страдание, боль и logos — учение). Соответственно наряду с нормальной анатомией выделяют патоанатомию, с физиологией — патофизиологию.

Потому термины «больная личность» и «патологическая личность» — синонимы, говорящие, что такой личности свойственны психопатологические явления, изучаемые патопсихологией как отраслью медицинской психологии. Но она вместе с тем и отрасль психиатрии как медицинской науки, включающей, кроме того, и учения о систематике, этиопатогенезе (от гр. aitia — причина), диагностике (от гр. diagnostikos — способный распознавать), лечении и профилактике (от гр. prophylaktikos — предохранительный) психических заболеваний. При этом если эти учения для психиатрии заданы, то теорией личности они также должны учитываться, но уже не как заданные, а как данные ей психиатрией.

Этот параграф имеет три задачи.

Во-первых, включить уже приведенные понятия и ряд других, из них вытекающих, в единую систему психологических понятий.

Вторая его задача — кратко изложить общую систему отклоняющегося поведения больных личностей как развитие положения И. П. Павлова, которым была начата эта глава. Эта вторая задача облегчена тем, что имеются соответствующие монографии [17], которые позволяют соотнести концепции этой книги с изложенным там.

Третья задача этого параграфа — включить в единую систему понятий теории личности понятие и теорию реабилитации личности.

Психологическая структура отклоняющегося поведения различной этиологии может быть весьма похожей, и это не случайная фраза, а весьма существенное положение, являющееся выводом из проблемы, которой посвящена эта глава. Это положение может быть сформулировано так: диагностическое значение любого отклоняющегося поведения может быть правильно оценено только

---

[17] *Зейгарник Б. В.* Личность и патология деятельности. М., 1971; *Зейгарник Б. В., Братусь Б. С.* Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.

при сопоставлении его этиопатогенеза с его структурой.

В психологическую структуру отклоняющегося поведения могут входить все психологические явления, охватывающие все уровни личности — от биопсихического, психических процессов как форм отражения опыта и до направленности. Невыраженные черты темперамента могут как заостряться, так и меняться на противоположные, пороги ощущений могут как понижаться, так и повышаться, адекватное восприятие заменяется галлюцинациями, иллюзии как искаженное отражение проявляются не только как иллюзии восприятий, но и как иллюзии памяти, мышления, эмоций. Отклонение мышления может проявляться от иллюзорных суждений, сверхценных и навязчивых идей до бреда, которого в психиатрии различают более 50 видов [18].

Наличие того или иного из этих отклонений поведения должно учитываться как возможный симптом заболевания, как отклонение от биологической нормы, но утверждение о наличии определенного заболевания должно опираться, как было сказано, не на отдельные симптомы, а на их синдром, этиопатогенез и течение.

Вместе с тем не только в медицине и в педагогике, но и в целом в учении о личности в последнее время внимание привлечено к отклоняющемуся поведению акцентуированных личностей — это понятие и термин получили широкое распространение после выхода в свет (Берлин, 1976) одноименной книги К. Леонгарда, переведенной на русский язык. Так он назвал различные, еще не ставшие патологией особенности характера (скрытые акцентуированные личности), являющиеся предрасположенностью к неврозам и психопатиям (явные акцентуированные личности).

Леонгард предлагает весьма сложную их классификацию, перекликающуюся с признанным классическим учением о психопатиях П. Б. Ганнушкина (1875—1933) и с современными работами Л. Е. Личко [19].

Скрытые акцентуации личностей подростков легче, чем явные, при правильном воспитании компенсируются и исчезают; ошибки воспитания способствуют их переходу в явные.

---

[18] *Гусков В. С.* Терминологический словарь психиатра. М., 1965. С. 34—39.

[19] См.: *Ганнушкин П. Б.* Клиника психопатий, их статистика, динамика, систематика. М., 1933; *Личко Л. Е.* Патохарактерологический опросник для подростков. Л., 1978.

В последние годы в медицине все больше внимания уделяется проблеме реабилитации больной личности[20]. Термин этот медицинский, заимствованный из юридической практики и обозначающий восстановление доброго имени и в прежних правах неправильно обвиненного. В юридической практике этот термин впервые был применен к Жанне Д'Арк.

Не случайно в более широкую медицинскую теорию и практику (например, в кардиологию и хирургию) это понятие пришло из психиатрии, поскольку и там оно сохраняет личностный смысл, хотя иногда понимается (что неправильно) как синоним старого медицинского понятия restitucio in integrum (полное восстановление нарушенной функции или трудоспособности).

Реабилитация личности — это восстановление личностью потерянных вследствие заболевания способностей или компенсация их на основе пластичности.

Это определение предусматривает две формы: как уровня реабилитации за счет полного восстановления временно сниженных или даже потерянных способностей и за счет их психологической компенсации (от лат. compensare — уравновешивать, возмещать) как проявления пластичности личности. Этот омоним имеет два значения: возмещение недостаточно развитых или сниженных по каким-либо причинам свойств личности другими, обеспечивающими нужные способности к определенной деятельности, как проявление пластичности личности; возмещение телесных или физиологических недостатков свойствами личности, обеспечивающими качество определенной деятельности.

Пластичность личности — это свойство личности под влиянием взаимодействия внешних условий с ее направленностью соответственно изменяться, приспосабливаясь к требованию и возможностям этих условий.

---

[20] *Кабанов М. М.* // Восстановление трудоспособности и трудоустройство инвалидов с психическими заболеваниями. Л., 1968. С. 94—97; *Он же.* Развитие идей реабилитации в психиатрии // Журн. невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1972. № 7. С. 1071—1079; *Мелихов Д. Е.* // Методологические и организационные вопросы реабилитации инвалидов. М., 1973. С. 93—112; *Портнов А. А., Савенко Ю. С.* Основные направления разработки проблем реабилитации // Реабилитация больных нервными и психическими заболеваниями. Л., 1973. С. 54—56; *Шмаков А. В.* Медико-психологические и этические аспекты реабилитации психически больных // Этико-психологические проблемы медицины. М., 1978. С. 312—330.

Проблема реабилитации личности — это основная проблема диалектического понимания и осуществления психологической трудовой экспертизы и трудоустройства инвалидов. Более того, можно утверждать, что с позиции именно этой проблемы предстоит еще очень много сделать в синтетической науке геронтологии как науке о старости и в теории и практике участия пенсионеров в коллективном труде.

Итак, необходимо различать понятия «больная личность» и «личность больного», поскольку последняя может быть не только больной, но и здоровой, даже у тяжело больного человека.

Изложенный краткий обзор теории отклоняющегося поведения и реабилитации больной личности позволил показать его с помощью понятий, которые и могут и должны быть включены в общую систему понятий теории личности. Медицинская психология, и уж подавно психиатрия, имеют ряд теорий, далеко уходящих за рамки задач этой книги. Здесь же изложено только то, что должно быть учтено в целях более глубокого понимания сущности абстрактной личности и динамической функциональной структуры не только конкретной изучаемой больной, но и здоровой личности. Учет многовекового опыта медицинской диагностики весьма полезен и при изучении здоровой личности, в частности при психодиагностике ее способностей.

4. Дезадаптированное поведение

Поведение присуще только живым существам, а жизнь — это пластичное приспособление внутренних изменений к изменениям внешним, которое принято называть термином «адаптация». Потому этот параграф начать надо с напоминания «закона законов», о котором речь шла в начале главы, и с указания, что дезадаптация как нарушение адаптации позволяет лучше увидеть скрытое при хорошей адаптации и считающееся нормой.

Различают три вида адаптации и дезадаптации, связанных между собой: физиологическую, психологическую и социально-психологическую.

Физиологическая адаптация — это свойство организма человека целесообразно перестраивать свои функции в соответствии с требованиями среды. Примером, поясняющим это явление в целом, может служить темновая адаптация глаза, поскольку через час пребывания в темноте

световая чувствительность глаза может стать в 200 000 раз больше первоначальной, а после засвета глаза несколько секунд человек ничего не видит. Понятно, что эта и любая другая физиологическая дезадаптация проявляются в более или менее резко выраженной психологической дезадаптации и отклоняющемся поведении.

Но есть психологическая адаптация, так сказать, в чистом виде. Ее отчетливее можно увидеть в случае проявления психологической дезадаптации. Примером могут быть явления напряженности, или, используя иностранный синоним, стресса (от англ. stress — напряжение),— состояния, проявляющегося как отклоняющееся поведение и как синдром физиологических (вегетативных и двигательных) и психических отклонений, вызванных новизной или сложностью условий деятельности. «Дело тут не столько в силе воздействующих раздражителей, сколько в новизне их. Это видно и в наших лабораторных опытах: главная реакция пассивно-оборонительного рефлекса имеется не на силу, а на новизну. Раздражение может быть слабым, но оно должно быть новым» [21],— писал об этом явлении И. П. Павлов.

Не останавливаясь подробнее на этом вопросе, надо отметить два положения. Во-первых, проблема напряженности и адаптации к вызывающим ее факторам весьма существенна для психодиагностики. Во-вторых, она изучена в условиях обучения полетам многим лучше [22], чем в других видах деятельности, и полученные данные легко могут быть использованы в любых других условиях.

Социально-психологическая адаптация — это адаптация личности к общению с новым коллективом. Легкость и полнота этого вида адаптации, конечно, зависят от особенностей коллектива (о чем пойдет речь в гл. XIII). Но, как показали исследования Г. С. Васильева, в не меньшей, а иногда и в большей степени они зависят от коммуникативных способностей личности как совокупности свойств личности, обеспечивающей эффективность ее общения с другими личностями и психологическую совместимость в совместной деятельности. Они обязательный компонент организаторских способностей и способностей к руководству.

---

[21] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч., М.; Л., 1949. Т. 2. С. 544.

[22] *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960. С. 127, 128. Подробнее см.: *Марищук В. Л., Платонов К. К., Плетницкий Е. А.* О напряженности в полете. М., 1969. С. 117.

Г. С. Васильев [23] в структуре коммуникативных способностей выделяет три основные подструктуры и одну на них наложенную, фундаментальную для всех трех, элементами которой являются коммунистическая идейность, коллективизм, профессиональность, стремление к общению, доброжелательность, скромность, требовательность к себе, опыт общественной деятельности, стеничность эмоций, активность, самообладание, сообразительность, организованность.

Первая основная подструктура — это гностическая способность как способность человека понимать других людей. Ее элементы — стремление к пониманию других, умение слушать партнера по общению, наблюдательность.

Вторая подструктура — это экспрессивная способность как способность к самовыражению своей личности. Ее элементы — стремление быть понятым другими, правдивость, культура речи, доверие к партнерам.

Третья подструктура — это интеракционная способность как способность адекватно влиять на партнеров общения. Ее элементы — требовательность, вежливость, такт, дисциплинированность, решительность.

Плохое развитие коммуникативных способностей, хотя бы у части членов коллектива, и уж подавно наличие у них психологической несовместимости — это предпосылка конфликтов.

Конфликт (от лат. conflictus — столкновение) — это вид общения, проявляющегося в виде отклоняющегося поведения его участников, в основе которого лежат различного рода реальные или иллюзорные, объективные или субъективные и в различной мере осознанные противоречия в целях общающихся личностей при попытках их разрешения на фоне эмоциональных реакций и состояний.

Наличие или отсутствие конфликтов — основной фактор, определяющий качество психологического климата коллектива, о чем более подробно речь пойдет в гл. XIII.

До сих пор речь шла о свойствах личности, затрудняющих адаптацию или определяющих дезадаптацию и тем приводящих к отклоняющемуся поведению. Развитие авиационной и космической психологии определило внимание к условиям деятельности, получившим название

[23] *Васильев Г. С.* Коммуникативные способности, их диагностика. Л., 1974; *Он же.* Проблема коммуникативных способностей членов первичных учебно-воспитательных коллективов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.

экстремальных (от лат. extremum — крайний), т. е. вызывающих в силу своей необычности для человека реакции и организма и личности, находящиеся на грани патологических нарушений.

Наиболее хорошо сейчас изучено влияние следующих экстремальных условий: гипоксии (недостатка кислорода), пониженного и повышенного давления воздуха, ускорений, невесомости, повышенной и пониженной температуры, сенсорного голода.

Все эти условия деятельности человека являются факторами различных форм его отклоняющегося поведения, имеющих общее, определяемое различными степенями помрачения сознания; особенное, определяемое спецификой и степенью выраженности каждого фактора; единичное, определяемое особенностями организма и личности каждого индивида.

Значение влияния личности для профилактики отклоняющегося поведения в экстремальных условиях видно из следующего примера. «Устойчивость человека к влиянию кислородного голодания зависит от мотивов выполняемой деятельности. Это удалось показать экспериментально в барокамере. Мобилизуя высшие социальные мотивы деятельности испытуемых путем разъяснения им значения проводимых опытов для летчиков, выполняющих ответственное задание, оказалось возможным изменять в положительную сторону их дееспособность, хотя биохимические и физиологические исследования показали наличие биологических сдвигов в организме, вызванных недостатком кислорода» [24].

Исследование адаптации к экстремальным условиям заострило внимание к третьему явлению (наряду с адаптацией и дезадаптацией), получившему название реадаптации (латинская приставка в данном случае обозначает «обратно, назад»), как вторичной адаптации к исходному состоянию.

Так, у космонавтов есть индивидуально-различный период адаптации к невесомости и столь же, а иногда и более различный период реадаптации после возвращения на Землю. Еще более сложна реадаптация водолаза после подъема с глубины, требующая постепенности, нарушение которой трагично. Это примеры физиологической реадаптации к экстремальным условиям.

---

[24] *Платонов К. К.* Психология летного труда. С. 194.

Но реадаптация может быть и психологическая, и социально-психологическая, притом сугубо индивидуальная. Примером первой являются различные темпы включения в привычную деятельность утром, после сна, и после отпуска. Примером второй, иногда называемой ресоциализацией, является включение в трудовой коллектив больного после его реабилитации или вышедшего на свободу по исполнении срока заключения. Но, пожалуй, наиболее убедительным, экспериментально доказанным влиянием на адаптацию и реадаптацию личности (и через личность) являются гипнотренировки в условиях внушенной невесомости, осуществленные и описанные Л. П. Гримаком [25].

Итак, трудность, замедленность и неполнота адаптации личности (а иногда и организма) к измененным, и тем более к экстремальным, условиям проявляются в форме дезадаптированного отклоняющегося поведения. Стойкая адаптация к длительным экстремальным или даже только к резко отличным от обычных условиям жизни и деятельности требует при возвращении к ним соответствующей реадаптации.

В условиях дезадаптированного поведения отчетливо проявляются психосоматические взаимодействия, скрытые в норме.

5. Гиперспособности как фактор отклоняющегося поведения

Три описанных рода отклоняющегося поведения имели «отрицательный знак». Однако есть еще один род отклоняющегося поведения, также свойственный далеко не всем личностям (и даже еще меньшему их числу), но имеющий «положительный знак». Это поведение личностей, обладающих гиперспособностями. Будем понимать под этим термином способности, свойственные всем людям, но или проявившиеся в очень раннем возрасте, или значительно более выраженные, чем обычно, и очень редко встречающиеся.

Это определение объединяет три типа гиперспособностей. О первых двух из них, ранних и резко выраженных, речь пойдет в гл. VIII, когда способности будут включены в единую систему понятий концепции динами-

---

[25] *Гримак Л. П.* Моделирование состояний человека в гипнозе. М., 1978. С. 97—137.

ческой функциональной структуры личности. Но о проявлении третьего их типа в поведении надо говорить в этой главе.

Нельзя сказать, что лучше других изучен, но правильнее сказать, что лучше других описан в этом типе способностей эйдетизм (от греч. eidos — образ) как редкая форма зрительной памяти, при которой человек с закрытыми глазами может воспроизвести точный образ им воспринятого.

Эйдетический образ памяти (или Anschaungsbild, сокращенно AB, по терминологии немецких психологов) виден в том же свете, в котором он был непосредственно воспринят. Впервые довольно подробно это явление было описано в 1907 г. австрийским врачом В. Урбанжичем и в дальнейшем подробно, хотя еще далеко не полно, изучено немецким психологом Э. Иеншем (1883—1940). Существует понимание эйдетизма как обязательного явления для определения этапов развития памяти у детей, в дальнейшем сменяющегося представлением и понятием. Но и этот вопрос еще не может считаться полностью изученным.

Эйдетизм может проявляться не только в зрительных, но и в слуховых образах. И в том и в другом случае он может сочетаться с так называемой «феноменальной памятью». По эстрадным выступлениям известно много «счетчиков-феноменов», в том числе Диаманди и Иноди. У Диаманди был зрительный тип эйдетизма: он видел цифры написанными. Иноди же так писал о себе: «Я слышу цифры, мое ухо улавливает их; я слышу, как они звучат около моего уха такими, какими я их произносил, и это внутреннее слышание остается у меня значительную часть дня. Зрение мне не помогает, я не вижу цифр. Я даже сказал бы, что я очень затрудняюсь вспомнить цифры, когда мне показывают цифры написанными. Я предпочитаю, чтобы мне их сообщили и посредством слов. Я чувствую замешательство в первом случае, не люблю я и писать цифры. Писание не способствует запоминанию». Иноди мог повторить около 40 чисел после однократного прочтения вслух, и около 300 чисел, которые встречались в различных задачах в течение 3-часового сеанса [26]. Эти знаменитые мнемонисты были довольно детально исследованы А. Бине.

---

[26] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940. С. 261.

Широкую известность получил Р. С. Арраго, феноменальные счетные способности которого обнаружились уже в школьном возрасте, но в дальнейшем бесспорно развивались, хотя мгновенные счетные операции требовали умственного напряжения. Его изучали психологи, психиатры (в том числе В. М. Бехтерев) и математики, приходившие к выводу, что никаких «особых способностей, кроме обычных способностей счета в уме, но доведенных до совершенства» у Р. С. Арраго не было.

Близкие по проявлению, но по сути совершенно иные способности феноменальной памяти были у С. В. Шерешевского, которые были изучены и описаны сначала А. Н. Леонтьевым [27], потом А. Р. Лурия. Шерешевский без труда запоминал ряды или таблицы, заключавшие 50, 100 и более цифр, предъявленных ему на слух или зрительно. С такой же легкостью он удерживал в памяти длинные ряды слов или даже бессмысленных слогов, слов незнакомого языка. Свободно запоминались им и музыкальные мотивы. Память Шерешевского, не имевшая ощутимых границ по объему, очевидно, не имела таких границ и по прочности. Он вспоминал опыты, имевшие место 10, 15 и 20 лет назад.

Эйдетизм, по мнению А. Р. Лурия, у Шерешевского имел место, но не все им могло быть объяснено. Он был способен повысить температуру правой руки на 2° и понизить температуру левой — на 1,5°, для этого ему было достаточно «увидеть», что его правая рука лежит на краю плиты, а левой он держит кусок льда. Без малейшего труда он ускорял ритм работы сердца («видя» себя бегущим за трамваем) или замедлял его («видя» себя спокойно лежащим на постели). Он мог переносить удаление зуба без наркоза, «видя», что в кресле сидит другой и что тому, другому, а вовсе не ему рвут зуб.

«Многое еще можно было бы рассказать об удивительных особенностях кортико-висцеральной регуляции, которые мы могли наблюдать у этого человека и которые получают свое объяснение, если принять во внимание исключительную яркость наглядных образов синестезических переживаний как отличительной черты его психики», [28] — так оканчивает А. Р. Лурия описание этого весьма интересного и поучительного случая.

---

[27] *Леонтьев А. Н.* Развитие памяти. М., 1931. С. 235—247.
[28] *Лурия А. Р.* Память и строение психических процессов // Вопр. психологии. 1960. № 1. С. 155.

В способностях Шерешевского отчетливо проявлялись так называемые синестезии — слияние различных сфер чувствительности. Наиболее своеобразным проявлением синестезии является способность цветового слуха. Цветовым слухом обладали композиторы А. Н. Скрябин и Н. А. Римский-Корсаков и ряд детей и подростков, изучавшихся А. Бине, А. Ф. Лазурским, С. Л. Рубинштейном и другими.

Есть еще одна гиперспособность, с которой приходится сталкиваться только в цирке или на эстраде. Это способность «вентрологов», как они предпочитают себя называть вместо народного — «чревовещатели». Известный русский вентролог Г. М. Донской, проработавший на сцене более полувека, мог «разговаривать» с дюжиной «собеседников» — кукол, имитируя, с неподвижным лицом, двенадцать различных голосов, кроме обычного «своего». Техника вентрологии изучена очень мало.

Научить вентрологии еще более трудно, чем научить свисту. И тому и другому можно научиться самому, путем проб и закрепления способов, давших положительные результаты. Но ведь и к свисту у людей различные способности. Бедуины, например, устраивают очень широкие и сложные соревнования по свисту. Известный художник К. С. Петров-Водкин говорил автору этих строк, что ему, хотя и с трудом, удалось занять в одном из «всесахарских» соревнований первое место. Он мог свистеть более чем 60 способами.

Все описанные проявления гиперспособностей, будучи обнаруженными у тех или иных людей, более или менее успешно, хотя еще недостаточно изучались. Но есть еще одна гиперспособность, история познания которой идет в противоположном направлении.

В 1940 г. А. Н. Леонтьев, опираясь на свою гипотезу о сигнальном происхождении психики, поставил перед собой задачу сформировать у человека новый анализатор. Проведя ряд серий опытов, он считал, что экспериментально доказал возможность обучения человека ощущать ладонью руки свет [29]. А через 22 года, в 1962 г., стал известен «феномен Розы Кулешовой». Из нескольких десятков публикаций о «феномене Розы Кулешовой» наибольший интерес представляет публикация М. М. Бонгарда и М. С. Смирнова, в которой авторы описывают ряд опытов, проведенных ими в различное время с Р. Куле-

[29] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1959.

шовой, и констатирует, что в этих опытах она смогла: 1) определять масть игральных карт из нескольких незнакомых ей колод, держа их за спиной так, что увидеть «лицо» карты глазами можно было только позади нее; 2) делать это же, когда ее руки и карты находились за непрозрачным экраном; 3) определять направление темных и цветных полос на листе бумаги, лежащей за стеклом за тем же непрозрачным экраном; 4) узнавать цвет луча света, падавшего ей на пальцы, когда рука за экраном была дополнительно накрыта черной материей, а свет шел снизу [30].

При повторных исследованиях в 1967 г. у Розы отмечены не все описанные ранее феномены, но гиперспособности были бесспорны, как и у ряда других изученных подростков, у которых они с возрастом бесследно исчезли [31]. Уральские психологи продолжали изучение этой проблемы, и им удалось выявить способности, похожие на «феномен Розы Кулешовой», у довольно многих лиц, в основном детей и юношей [32].

Еще один тип гиперспособностей — это так называемые компенсаторные способности, развивающиеся как замена утраченных. Простейшим случаем здесь является способность писать и даже рисовать не только левой рукой, но и ногой, и зубами при потере других возможностей. Н. А. Бернштейн экспериментально доказал, что особенности почерка при этом не теряются. Это простейшая форма компенсаторных способностей, к которой принадлежит, например, и большая внимательность глухих. Так, Эрбель у 3000 глухих водителей установил 0,14 дорожно-транспортных происшествий при среднем показателе 3,9%, а у 600 глухонемых водителей было за два года только одно [33].

Но есть и вторая, более сложная форма компенсаторных гиперспособностей. Глухой погружен в мир безмолвия, но он вздрогнет и обернется, если в комнате, за его спиной, сильно хлопнут дверью. Вибрационная способность заменит ему слух. Более того, положив руки на доску рояля, глухой может не только слушать музыку,

---

[30] *Бонгард М. И., Смирнов М. С.* О «кожном зрении» Р. Кулешовой // Биофизика. 1965. Т. 10. Вып. 1. С. 152—154.

[31] *Платонов К. К.* Феномен Розы Кулешовой не исключение // Наука и жизнь. 1963. № 12. С. 106.

[32] Проблемы кожно-оптической чувствительности // Учен. зап. Свердл. ун-та. Свердловск, 1965. Вып. 33.

[33] Экспресс-информация ЦБНТИ: Минавтотранс РСФСР. 1981. Вып. 1. С. 6.

но и наслаждаться ею. Эта компенсаторная способность проявляется у разных людей по-разному. Одним лучше слушать пальцами, другим — локтем.

Еще большие требования к компенсаторным способностям предъявляет потеря зрения, развивающая особую гиперспособность — ощущение препятствий. Это чувство препятствия получило очень много названий: «ощущение расстояния», «чутье расстояния», «чувство расстояния», «чувство пространства», «осязание на расстоянии», «лицевое зрение», «телестезия», даже... «параоптическое чувство».

В. С. Свердлов детально экспериментально изучил значение звука, обоняния, температурной, вестибулярной, проприоцептивной и вибрационной чувствительности у слепых и выявил ряд их особенностей, объяснимых их значением для компенсации зрения и установкой. Он пришел к выводу, что ощущение препятствия есть ощущение слуховое, вызываемое потоком звуковой энергии, уровень которой близок к порогу слышимости, а частота колебаний очень низка (возможно, ниже 200 Гц) [34].

Особо интересен и важен для рассматриваемой проблемы вывод В. С. Свердлова: ощущение препятствий свойственно не только слепым, но и зрячим; если последние его не замечают, то лишь потому, что ощущение это, будучи подавлено зрительными впечатлениями, находится у них в потенциальном состоянии.

Наиболее тяжело сказывается на развитии психики человека одновременность врожденной или рано приобретенной слепоты и глухоты [35]. Но возможность развития способностей и здесь очень велика, примерами чему являются всемирно известные талантливые писательница (доктор философских наук) Эллен Келлер и писательница, поэтесса и научный работник (кандидат педагогических наук) Ольга Ивановна Скороходова [36], четыре слепоглухонемых студента, успешно закончивших в 1977 г. психологический факультет МГУ: С. Сироткин, Н. Корнеева, А. Суворов и Ю. Лернер [37].

---

[34] *Свердлов В. С.* Ощущение препятствия и его роль в ориентировке слепых. М., 1949; *Он же.* Ориентировка слепых: Дис. ... д-ра пед. наук, М., 1954.

[35] *Ярмоленко А. В.* Очерки психологии глухонемых. Л., 1961.

[36] *Скороходова О. И.* Как я воспринимаю и представляю окружающий мир. М., 1954.

[37] *Ильенков Э. В.* Становление личности: К итогам научного эксперимента // Коммунист. 1979. № 2. С. 68—79. Надо отметить, что

Способности и у слепоглухонемых оказываются различными, что видно и из материала Э. В. Ильенкова. Не все из них поддаются обучению, а вот слепоглухонемая американка Вилетта Худжинс, ослепшая и оглохшая в возрасте 14—15 лет, научилась понимать речь, прикасаясь не только к горлу собеседника, но и к его груди, голове и даже палке, за которую держался говоривший[38].

Итак, при всем многообразии гиперспособностей все они проявляются в поведении, отклоняющемся от поведения тех, кому (при прочих равных условиях) они не свойственны. Это определяет необходимость рассмотреть и этот случай как своеобразный тип отклоняющегося поведения. При этом более отчетливо проявляются такие свойства личности, которые при отсутствии гиперспособностей менее уловимы. При всем его значении этот тип отклоняющегося поведения изучен весьма мало.

* * *

Под отклоняющимся поведением иногда понимают только один из его типов: социально отклоняющееся и в своей наиболее выраженной форме — делинквентное поведение.

Но не только оно, но и другие виды отклоняющегося поведения (вызванное болезнями, адаптацией и дезадаптацией, наличием гиперспособностей) дают материал для более глубокого понимания взаимодействия сознания, личности и деятельности. Общим путем здесь является учет отмечаемых особенностей отклоняющегося поведения и сравнение их с нормальным поведением.

Отмеченные отклонения поведения могут иметь причиной как социальные, так и биологические отклонения. Первые из них в наших условиях всегда являются следствием дефектов воспитания. Вторые могут вызываться как внешними условиями, так и болезнями. Все четыре типа отклоняющегося поведения позволяют глубже понять личность в ее общих, особенных и единичных особенностях, не только действительных, но и возможных свойствах.

Напомнив об истории учения о личности, сформулировав и обосновав ее определение, опирающееся на ленинскую теорию отражения и определения ряда смежных с

с его эквипотенциальной оценкой этих случаев (с. 68) согласиться нельзя.

[38] *Занков А. В., Соловьев И. М.* Очерки психологии глухонемого ребенка. М., 1940. С. 12—13.

ней категорий и подчиненных им понятий, разносторонне раскрыв взаимодействие личности с сознанием и с деятельностью в норме и при отклонениях от нормы, можно перейти к центральной проблеме книги — раскрытию динамической структуры личности в единстве ее исторического и логического аспектов.

Глава шестая

ПОНЯТИЕ «СТРУКТУРА» В УЧЕНИИ О ЛИЧНОСТИ

1. Взаимодействие структур и систем

Сейчас уже нет, пожалуй, ни одного советского психолога, который, говоря о личности, не употреблял бы слова «структура». Однако единства понимания этого понятия в применении его к личности в советской психологии все еще нет.

Разработка понятий структуры и системы и системно-структурных способов познания стала в середине нашего века общим явлением в самых различных науках, и прежде всего в философии. Психология не является здесь исключением. Но в формировании структурного подхода к психическим явлениям существенную роль сыграла гештальтпсихология с ее искаженным пониманием структуры. Потому психологи нередко еще вольно или невольно опираются на взгляды гештальтпсихологии.

Вместе с тем разработке понятия «структура» как философской категории посвящено уже много работ советских авторов, и содержание понятия «структура» в его как историческом, так и логическом аспектах изучено уже достаточно хорошо [1].

В словарях русского языка слово «структура» обозначено как «строение». Его история достаточно полно раскрыта для французского языка, откуда оно и перешло в русский. Здесь специфическое понимание самостоятельного значения слова «структура» (structure) складывается примерно в 1500 г. Раньше, в XIV в., оно употреблялось только в смысле «строение», «сооружение»

[1] *Чекурин В. П.* Понятие структуры и его формирование в учении о мозге. М., 1966; *Воскобойников А. Э.* Формирование понятия «структура» в системно-структурных исследованиях. М., 1967.

(construction), что соответствовало появившемуся ранее латинскому structurae, от structaere — строить, сооружать. Соответствующее прилагательное, structural, появилось во французском языке только в конце XIX в.

Впервые специальное научное исследование структуры некоего целого было произведено применительно к понятию «экономическая структура общества» К. Марксом в работе «К критике политической экономии» (1859). Он ввел это понятие и раскрыл его через понятие «совокупность производственных отношений»[2]. Хотя само понятие «структура» Маркс не определял, раскрытие его в этой особенной форме легло в основу современного марксистского понимания структуры в общей ее форме.

Буржуазными учеными структура до сих пор понимается только как некое построение, соотношение частей. «Выявить структуру объекта — значит упомянуть его части и способы, с помощью которых они вступают во взаимоотношения»,— пишет Бертран Рассел[3]. С этих же позиций у нас начала разрабатывать философское понимание «структуры» О. С. Зелькина[4] и продолжил В. И. Свидерский. Он не только разделял, но и соотносил понятия «структура» и «элемент», подчеркивая это даже заголовком своей работы. При этом он исходил из того, что «наиболее полно и в общем виде последнее раскрывается в диалектико-материалистической теории содержания и формы»[5].

Именно так понимает структуру личности П. Е. Кряжев. «Формой, которая объединяет различные компоненты духовного содержания личности (научные знания, мораль, политические взгляды, мировоззрение, эстетическую культуру и т. д.) в единый и относительно самостоятельный комплекс, является психологическая структура личности, которая сама развивается под воздействием своего содержания»[6],— пишет он. Надо отметить, что это его положение вполне созвучно излагаемому в § 2 гл. IX тезису о процессуальном и содержательном в личности. Интересно проследить определение структуры в философских словарях. В Кратком философском словаре под ре-

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 6, 7.
[3] *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957. С. 248.
[4] *Зелькина О. С.* О понятии структуры // Некоторые философские вопросы современного естествознания. Саратов, 1959.
[5] *Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962. С. 29.
[6] *Кряжев П. Е.* Общество и личность. М., 1961, С. 65.

дакцией М. М. Розенталя и И. П. Юдина 1940 г., как и 1954 г., этого слова не было. В их Философском словаре 1963 г. оно появилось с определением как «закономерная, устойчивая связь и взаимоотношение частей и элементов целого, системы... Она остается неизменной, несмотря на постоянное изменение частей и самого целого, и изменяется только тогда, когда все целое претерпевает качественный скачок». В последнем Философском словаре структура содержит смысл атрибута системы: «Строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами, а также законов данных взаимосвязей. Структура — неотъемлемый атрибут всех реально существующих объектов и систем» [7].

В. И. Свидерский дал достаточно полное и общее определение понятия «элемент». Он писал, что «под элементами следует понимать любые явления, процессы, образующие в своей совокупности данное явление, данный процесс, а также любые свойства явлений, образующие в своей совокупности некое новое свойство, и, наконец, любые отношения, образующие некое новое отражение». Однако в определении структуры он еще недалеко ушел от понимания ее Б. Расселом. «Под понятием структуры мы будем понимать принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого» [8],— писал он, недооценивая значения целого.

Значение целого в структуре впервые и наиболее полно было раскрыто в гештальтпсихологии. При этом надо помнить, что немецкое Gestalt соответствует английскому Pattern, французскому structurale и русскому слову «структура» только в философском плане.

Понимание структуры (или гештальта) в гештальтпсихологии отлично было сформулировано Л. С. Выготским при изложении им взглядов гештальтпсихологии. «Психологические процессы представляют собой не простое объединение элементов в суммарную связь частей, основанную на простом сосуществовании одной части рядом с другой, а являются структурами, т. е. такими целыми, которые обладают своими специфическими свойствами, характеризующими их именно как целые и не

---

[7] Философский словарь/Ред. И. Т. Фролов. М., 1980. С. 355.

[8] *Свидерский В. И.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 133, 135.

выводимых из свойств их частей»[9]. Именно это одностороннее понимание структуры до сих пор довлеет над умами психологов. Самому Л. С. Выготскому принадлежит заслуга разработки межфункциональных связей, которыми тоже иногда подменяют понятие структуры.

Существенный шаг вперед сделал Н. Ф. Овчинников, который понял структуру как единство элементов, их связей и целости[10].

Современное определение структуры должно более четко преодолевать ошибки односторонних пониманий структуры не только как конструкции элементов (в психологии — функций) либо как отношений между ними (в психологии — межфункциональных связей), но и как целого, непонятно как влияющего на свои компоненты (гештальтпсихология).

Потому для психологической теории личности (как и вообще для психологии в целом) значительно более «работающим» является понимание структуры не как атрибута любой системы, а как объективно существующего взаимодействия реально существующего психического явления, взятого за целое (в частности, личности), и также реально существующих его подструктур, элементов и их всесторонних связей.

Ленинская теория отражения помогает преодолеть существующую нечеткость при понимании структуры как только атрибута системы, поскольку большинство определений понятия «система» совпадает с приведенными определениями структуры, как, например, определение системы в том же словаре 1960 г.: «...совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство»[11].

К соотношению «структур» и «систем» в психологии (и надо думать, не только в психологии, хотя это выходит за рамки задач этой книги) полностью применимо классическое положение Ф. Энгельса об объективной и субъективной диалектике и В. И. Ленина о диалектике вещей и идей, о чем речь уже шла в гл. II.

---

[9] *Выготский Л. С.* Структурная психология // Основные течения современной психологии. М.; Л., 1930. С. 88—89.

[10] *Овчинников Н. Ф.* Структура и симметрия // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965. С. 13; *Он же.* Категория структуры в науках о природе // Структура и формы материи. М., 1967. С. 40.

[11] Философский словарь/Ред. И. Т. Фролов. С. 329.

При таком понимании соотношения явлений объективной и субъективной диалектики структура — явление объективной диалектики. Структуры, как и ее компоненты — подструктуры и элементы, существуют реально и не зависят от воли человека. Они не могут быть истинными или ложными, а только более или менее правильно и полно познанными. Система же — это понятие субъективной диалектики.

Если система достаточно точно отражает структуру, она вполне (а иногда и полностью, как в случае хорошо познанных социальных и общественных систем) реальна. И в этом случае эти два термина — синонимы. Но система может быть не только истинной, но и ошибочной. Соотношение систем и структур можно глубже понять, используя категории «явление» и «сущность».

Система с этих позиций — это понимание явления, взятого за целое и состоящего из взаимосвязанных элементов и подсистем, их объединяющих, но большего, чем (как и любое явление) только сумма этих его компонентов. Причем это явление (как и любое явление) может восприниматься иллюзорно, а его компоненты могут выделяться по различным критериям.

Структура с этих позиций — это сущность познаваемого явления, причем сущность разных порядков, ибо его подструктуры уже раскрывают его сущность, хотя и имеют свои структуры как сущности второго порядка, а структуры элементов подструктур и структуры имеющихся связей — это уже сущности следующих порядков.

Итак, следует признать, что, несмотря на широкое признание системного подхода к изучению личности, единого взгляда на соотношение понятий «система» и «структура» в науке еще нет. Распространение понимания структуры как строения делает эти понятия синонимами, лишая первое самостоятельного значения.

Изложенное их понимание с позиции теории отражения не является еще общепризнанным. Потому, говоря о «системно-структурном анализе», ставят между этими терминами дефис.

Приступая к нему, при любом понимании этих терминов [12] прежде всего надо четко установить, какой познаваемый феномен берется за целое, которое будет в даль-

---

[12] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 41—46.

нейшем раскрываться через его компоненты и их связи. Это может быть вся психологическая наука или только одна из ряда психологических наук, одна проблема или тема. Но это может быть и любая психологическая категория или только одно ее свойство или проявление.

Так, применяя системно-структурный анализ в аспекте проблем этой книги, на его первом этапе может быть взята личность в целом или только направленность личности, деятельность в целом или только одно действие. Притом и личность, и ее направленность, как и ее деятельность и отдельные действия, могут быть взяты в их всеобщем, особенном или единичном значении. Необходимо только, чтобы эта целостность обязательно была отграничена и определена. Затем надо выяснить, что составляет элементы этой целостности, понимая под таковыми неразложимые в рамках данной системы и относительно автономные ее части.

На следующем важнейшем этапе системно-структурного анализа психических явлений необходимо вскрыть наиболее существенные и общие связи между элементами и между каждым из них и целостностью. Это могут быть как односторонние причинные связи, так и взаимозависимости и взаимовлияния в процессах функционирования, поведения и развития целого явления. Дальше следует выявить необходимое и достаточное число подструктур (или подсистем), в которые или на пересечении которых уложатся все элементы анализируемой целостности. Подструктуры (или подсистемы) и элементы подвергаются классификации, как необходимому шагу постижения их упорядоченности. Классификация частей и целого может быть выделена в самостоятельный этап системно-структурного анализа в психологии.

Далее существенно исследовать генетическую иерархию уровней компонентов и подсистем, вложившихся в процессе их развития в функциональную субординацию компонентов и целого.

Если системно-структурный анализ проводится только на одном из уровней формы отражения, то на этом системно-структурный анализ завершается. Но он может переходить с одного уровня на более высокий, раскрывая свойственную природу изучаемого феномена как системного качества, о чем уже шла речь в § 3 гл. II.

2. Поиск психологической структуры личности

Системно-структурный анализ, являющийся реализацией того, что теперь называют «системным подходом» в психологии, далеко не всегда в такой его осознанной последовательности применяется к раскрытию структуры личности. Но его даже неполное и не во всем осознанное применение уже давно побуждало ряд психологов писать о своем ее понимании.

Историю преемственного учения о структуре личности в отечественной психологии надо начинать со следующего положения С. Л. Рубинштейна, не устаревшего и поныне: «В психическом облике личности выделяются различные сферы (удар по персонализму.— *К. П.*) или области черт, характеризующие разные стороны личности; но при всем своем многообразии, различии и противоречивости основные свойства личности, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются все же в реальном единстве личности. Поэтому равно неправильны как та точка зрения, для которой единство личности выражается в аморфной целостности, превращающей ее психический облик в бесформенную туманность (удар по гештальтпсихологии.— *К. П.*), так и другая, противоположная ей, которая видит в личности лишь отдельные черты и, утрачивая всякое подлинное, внутреннее единство психического облика личности, тщетно затем ищет „корреляций" между внешними проявлениями этих черт (удар по функциональной психологии.— *К. П.*)» [13].

Своего понимания структуры личности С. Л. Рубинштейн не оставил. Но он не только четко наметил путь к ее пониманию, но и предостерег от возврата к прежним ошибкам. А они есть и поныне в двух формах. Во-первых, недооценка наличия динамических структур вообще и свойственной личности в частности, страх перед структурой, которая якобы всегда статична, приводят к возврату понимания личности как аморфной целостности. Во-вторых, недооценка связей структуры личности приводит к возврату понимания личности как «профиля» отдельных свойств.

Первым стал рассматривать структуру личности В. Н. Мясищев, но только в качестве одной из ее сторон, наряду с направленностью, уровнем развития и динами-

---

[13] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1940. С. 518.

кой. «Третьим существенным моментом является структурный аспект личности ... Структурная характеристика и освещает нам человека со стороны его целостности или расщепленности, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхности, преобладания или относительной недостаточности тех или иных психических функций» [14],— писал он.

Это понимание структуры как только одного из аспектов, одной из сторон личности было сформулировано им еще в 1936 г. Излагая понимание В. Н. Мясищевым структуры личности в сборнике, посвященном его 70-летию, Б. Г. Ананьев справедливо подчеркнул, что в «структуру личности» В. Н. Мясищевым «включается характеристика функционального развития человека» [15]. Черты направленности, темперамента, эмоциональности, по взглядам Мясищева, в структуру личности не входят.

В первом издании своей книги «Психология личности» А. Г. Ковалев только наметил структуру личности. Во втором издании уже содержались более подробные представления: «Из психических процессов на фоне состояний образуются свойства личности. В процессе деятельности свойства определенным образом связываются друг с другом в соответствии с требованиями деятельности, и образуются сложные структуры, к которым мы относим темперамент (система природных свойств), направленность (система потребностей, интересов, идеалов), способности (ансамбль интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств), характер (синтез отношений и способов поведения)» [16].

В главах учебников психологии, в которых речь шла о структуре личности и которые писал А. Г. Ковалев, она несколько уточнялась, по-прежнему будучи скорее не объективной структурой, а традиционной системой. Условные компоненты в ней располагались в случайном порядке: первый компонент — направленность; второй — способности; третий — характер; четвертый — система управления, которую обычно обозначают понятием «Я», пятый — психические процессы [17].

---

[14] *Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л., 1960. С. 35.
[15] *Ананьев Б. Г.* Структура личности и трудоспособность. Л., 1966. С. 37.
[16] *Ковалев А. Г.* Психология личности. М., 1965. С. 41.
[17] *Ковалев А. Г.* Личность и ее структура // Общая психология/Ред. В. В. Богословского, А. Г. Ковалева, А. А. Степанова. М., 1981. С. 70—72.

Если у В. Н. Мясищева структура рассматривалась только как одна из четырех сторон личности и структурный анализ распространялся только на «те или иные психические функции», то А. Г. Ковалев, еще не употребляя понятия «подструктура», по существу выделяет четыре подструктуры. Но ни В. Н. Мясищев, ни А. Г. Ковалев не дают достаточно полного определения того, что надо понимать под структурой.

Р. А. Зацепицкий и Е. К. Яковлева более четко, чем другие, сформулировали, что «сложную структуру личности можно рассматривать как динамическое единство способностей, темперамента, характера и сознательных ее отношений, находящих выражение во взглядах, принципах, интересах и склонностях» [18]. Они из структуры личности, напротив, исключают ее функциональные особенности. Ни в том ни в другом случае ограничение числа подструктур личности специально не обосновывалось.

Б. Г. Ананьев наиболее удачное понимание структуры видел в переходе «от психических процессов к психическим состояниям и от них к психическим свойствам личности». Дополняя это понимание структуры, он представляет этот структурный ряд в виде пяти иерархически связанных подструктур, включая в него еще психические функции (сенсорные, мнемические и др.) и общую элементарную мотивацию поведения (потребности и установки). Вместе с тем Б. Г. Ананьев считал, что, «как ни дополнять подобный структурный подход, он остается специально психологическим», в то время как «только в системе общественных связей и зависимостей строится структура человека как субъекта» [19].

Выделение трех основных групп (типов или даже категорий) психических явлений (психические процессы, состояние и свойства личности), бесспорно, правильно, о чем уже шла речь выше. Но попытки увеличения числа этих групп ошибочны. Так, нельзя согласиться с добавлением В. Н. Мясищевым к этим трем группам (он говорит — «аспектам») четвертой — «отношений» [20]. Ведь он

---

[18] *Зачепицкий Р. А., Яковлева Е. К.* Роль особенностей личности в патологии и терапии неврозов // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М., 1956. С. 113—114.

[19] *Ананьев Б. Г.* Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Л., 1967. Вып. 2. С. 239, 240, 246.

[20] См.: *Мясищев В. Н.* Основные проблемы и современное состояние в психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 112.

сам говорил, что отношения могут быть и процессами, и состояниями, и свойствами личности.

Вызывает возражение и добавление четвертой группы в виде «образований». Для возражения против этого есть два основания. Во-первых, понятие «образования» в психологии применяется не только к знаниям, навыкам и умениям. Так, П. И. Иванов, также первым начавший выделять «образования» как особую группу психических явлений, ограничивал их образами ощущений и восприятий, представлениями, суждениями и понятиями[21]. Этим его понимание образований отличалось от значительно более широкого понимания их С. Л. Рубинштейном, включавшим в них и эмоции, и отношения, и от понимания их некоторыми психологами. Во-вторых, любые образования являются элементами трех указанных групп.

Для рассматриваемого понятия «структура личности» важно то, что эти группы в таком их понимании представляют собой не подструктуры личности, а категории психических явлений человека. Структура личности не тождественна этим категориям, хотя очень важно правильно понимать и их.

О структуре личности и ее связи с функциями говорил и А. Д. Зурабошвили в своей книге, поднимающей на литературных и клинических примерах проблемы психологии личности[22], однако четкого раскрытия этого понятия нет и у него.

Надо упомянуть и о попытке В. С. Мерлина в ряде работ уточнить понимание структуры личности. Он исходил из двух подструктур, или, как он говорил, «групп индивидуальных особенностей». Первая группа, которую он называл «свойствами индивида», в свою очередь, имеет два подструктуры: темперамент и индивидуальные качественные особенности психических процессов. Вторая подструктура личности, называемая им «свойствами индивидуальности», имеет три подструктуры: 1) мотивы и отношения; 2) характер и 3) способности. Связи этих подструктур и определяют как социально-типическое, так и индивидуально-личностное. Однако и эта концепция, как и предыдущие, еще не обеспечивает понимания всей структуры личности.

После длительной паузы А. И. Щербаковым была опубликована еще одна концепция структуры личности. Хотя

[21] См.: *Иванов П. И.* Общая психология. Ташкент. 1967. С. 10.
[22] См.: *Зурабошвили А. Д.* Проблемы психологии и психогистологии личности. Тбилиси, 1967, С. 13—27.

о ней уже шла речь в § 5 гл. I, на ней надо остановиться и здесь. В ее основу был положен тезис о том, что личность человека — это «только те психологические проявления, в которых выражается его отношение к окружающей действительности». В соответствии с этим пониманием личности ее свойства и отношения «могут быть объединены в четыре группы, каждая из которых является слаженным системным образованием, выполняющим определенную роль в жизнедеятельности личности. Эти группы нам представляются в следующем виде: первая — система регуляции; вторая — система стимуляции; третья — система стабилизации; четвертая — система социально значимых качеств личности, определяющих ее поведение и действия как высоко сознательного деятеля общественного развития».

Автор дает циклическую схему предложенной структуры и подробные разъяснения компонентов каждой из этих «групп»-систем: *1* — «система сенсорно-перцептивных механизмов; *2* — мотивационно-значимые психологические образования... — темперамент, интеллект, знания, умения, навыки и отношения; *3* — направленность, самостоятельность, способности, характер; *4* — это гуманизм, коллективизм, оптимизм, трудолюбие» [23].

В этой концепции, прежде всего, обращает на себя внимание терминологическая неточность: четыре системы обобщаются структурой. Это противоречит любому из существующих пониманий этих двух понятий. Потому и статью, и концепцию А. И. Щербакова правильно надо было бы назвать «Системой личности» и видеть в ней четыре подсистемы.

Во-вторых, выделение четырех названных «группами» по существу подсистем не только условно, но и лишено единого принципа деления.

Но наибольшая произвольность построения этой «структуры личности» заключается в несоответствии исходному пониманию личности в его краткой формулировке, данной здесь несколько выше, а в более полном объеме на с. 26. Включение в «группы»-подсистемы всех свойств личности, в том числе и темперамента, и навыков, в которых, это ясно каждому, доминирует биологический компонент, этим формулировкам противоречит.

Вместе с тем эта концепция личности интересна тем,

---

[23] *Щербаков А. И.* Психологическая структура личности и закономерности ее формирования // Психология личности и педагогическая психология. М., 1977. С. 16. 18—27.

что она, пожалуй, впервые так остро ставит вопрос (о нем речь шла в § 1 гл. П.) о необходимости многомерного различения свойств личности и выделения свойств, названных там (на с. 18) субординационными и координационными. Четыре подсистемы концепции А. И. Щербакова — это координационные качества личности, в то время как четыре подструктуры концепции функциональной структуры личности, о которой речь пойдет в следующей главе,— это ее субординационные качества.

В 1981 г. по-новому подошел к структуре личности Б. Басаров, подчеркивая необходимость выделения тех свойств, в которых обнаруживаются относительно интегративные свойства человека как личности: «Они по своей значимости должны помещаться как атрибуты. По нашему мнению,— пишет он,— их четыре: активность, направленность, целостность и устойчивость личности» [24]. На этой концепции необходимо остановиться по двум причинам.

Во-первых, хотя Б. Басаров не выдвигает ее «взамен» концепции динамической функциональной структуры личности, на которую он далее даже опирается, его концепция может восприниматься как предложение нового понимания структуры личности и ее четырех подструктур. Фактически же его книга, как пишет он сам, посвящена только одному качеству личности — ее устойчивости. И в этом ее достоинство, так как это, бесспорно, ее существенное и малоизученное качество. Это качество он включает в систему четырех других качеств, не разрабатывая этой системы и не называя их даже «подсистемами личности», не показывая их связей, а только перечисляя и кратко раскрывая.

Во-вторых, возникает вопрос, можно ли названные им четыре свойства личности и устойчивость как предмет его изучения назвать атрибутами личности, о чем уже шла речь в § 1 гл. III.

Ответ на эти вопросы должно дать продолжение разработки выдвинутой концепции.

Итак, начиная со ставшего классическим положения С. Л. Рубинштейна, все большее число психологов пытались и пытаются понять и сформулировать свое понимание структуры личности.

---

[24] *Басаров Б.* Проблемы психологии устойчивости личности. Ашхабад, 1981. С. 17; *Он же.* Вопросы психологии характера. Ашхабад, 1977.

Так, если на совещании по психологии личности, состоявшемся в 1956 г. в Ленинграде, еще ни в одном названии доклада не было этого слова, то на аналогичном совещании 1970 г. оно было уже в 11 названных докладах, а один из них был посвящен методологии этой проблемы [25].

Однако, все известные попытки еще не могут считаться достигшими цели, так как они либо повторяют традиционные разделы оглавлений учебников психологии, либо абсолютизируют те или иные подструктуры личности, либо сознают условные системы существенных или ценных свойств личности и тем, вольно или невольно, искажают ее объективную целостную структуру.

* * *

Есть три понимания взаимодействия феноменов, обозначаемых терминами «система» и «структура».

Согласно первому из них эти термины являются синонимами. Это понимание опирается на неустойчивые и потому недифференцируемые их определения.

Согласно второму, наиболее широко распространенному пониманию структура является свойством (даже атрибутом) любой системы, как связь ее элементов, определяющая ее организацию. В этом случае структура, являясь только синонимом организации системы, также теряет свой смысл, так как наука не признает синонимов, а слово «организация» более понятное.

Согласно третьему, опирающемуся на ленинскую теорию отражения пониманию взаимодействия этих феноменов структура — реально существующее единство целого, его подструктур, элементов и их всесторонних связей как явление объективной диалектики, т. е. как отражаемое, а система — это более или менее полное и точное ее познание, т. е. отраженное, и следовательно, явление субъективной диалектики.

Система может быть ошибочной, а структура — только непознанной или недостаточно полно познанной. Такое их понимание не только теоретически глубже, но и практически может лучше «работать», опираясь на метод системно-структурного анализа.

---

[25] См.: *Платонов К. К.* Понятие «структура» в теории личности // Проблемы личности. Л., 1970. Т. 1. С. 190—217.

Глава седьмая

КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ

1. Критерии понимания динамической структуры личности

Эта глава является центральной для книги, посвященной обоснованию психологической концепции динамической функциональной структуры личности, как стержневой концепции теории психологии личности. Предыдущие главы излагали материал, ее обосновывающий. Последующие за ней будут развивать и наполнять содержанием даваемую в ней схематическую модель психологической процессуальной структуры личности.

О психологической концепции и психологической структуре сказано, чтобы сразу оговорить, что везде, где говорится о концепции и о структуре, конечно, подразумевается это прилагательное, упускаемое по приему, называемому в лингвистике эллипсом, не только позволяющему, но и рекомендующему избегать громоздкости повторения слов, понятных из контекста. Так, говоря о зеркалах, не надо к слову «отражение» добавлять «физическое». Это правило может, а иногда и должно нарушаться, только когда опущение слова может исказить понимание текста.

Итак, излагаемая концепция подразумевает психологическую структуру. Но еще не совсем понятно, что в ней речь идет о динамической и функциональной структуре, поэтому правило эллипса на эти прилагательные не может быть распространено.

Давно уже было понято, что в реальной действительности существует два рода структур: статическая и динамическая. А точнее, что это два аспекта обязательной динамичности любой структуры, определяемые временным параметром ее изменения под влиянием не только внешних воздействий, но и внутренней ее закономерности. Ведь, казалось бы, наиболее статична структура кристалла. Но и она статична только с позиций «человеческого» времени и динамична с позиций времени геологического.

Нельзя не согласиться с определением, данным В. Д. Шадриковым: «Динамическая система — это систе-

ма, развивающаяся во времени, изменяющая состав входящих в нее компонентов и связей между ними при сохранении функции»[1]. Это определение относится и к динамической структуре личности. Причем если ее динамика совпадает с прогрессивным развитием, то результатом может быть не только сохранение, но и улучшение функций; при социальной или биологической деградации личности, наоборот, будет ухудшение.

Вот почему утверждение К. А. Абульхановой-Славской: «Попытки чисто структурного подхода к личности, статические методы ее познания сегодня все более обнаруживают свою неудовлетворительность. Они не могут дать ответа на основной вопрос — вопрос о развитии личности»[2] — правильно только в отношении статической структуры, как условного «среза» личности. Но следующие за этим утверждением рассуждения, к сожалению, не только не оговаривают понятия «динамическая структура», но и, более того, показывают, что эти два понятия, как и понятие «иерархическая структура», чужды автору, и это обедняет ее понимание развития личности.

Динамичность структуры личности неразрывно связана с иерархией ее уровней, что и определяет закономерности развития личности и особенно ее формирования, чему будет посвящена гл. XI, как обязательная часть общей концепции личности. Здесь же надо отметить, что субординационное влияние высших уровней на низшие обычно больше влияет на развитие последних, чем их изолированное формирование. В качестве многочисленных примеров здесь можно привести влияние заинтересованности на запоминание.

Но чтобы формировать структуру личности, надо ее понимать и уметь анализировать. Как было сказано выше, при описании основных этапов системно-структурного анализа он начинается с установления того, что взято за целое. Концепция динамической функциональной структуры личности за целое берет личность, т. е. человека как носителя сознания и как одну из двух подструктур человека, взятого за еще более широкое целое (напомним, что другая подструктура его — организм).

---

[1] *Шадриков В. Д.* Психологический анализ деятельности. Ярославль, 1979. С. 14.

[2] *Абульханова-Славская К. А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 19.

Вторым этапом системно-структурного анализа является уточнение элементов этого целого. Если рассматривать личность как целое, то элементами этого целого будут стойкие психические свойства, обычно называемые «чертами личности». Это не вызывает разногласий ни у кого из советских психологов, как и понимание психических свойств (черт) личности, данное С. Л. Рубинштейном, который писал: «Психическое свойство — это способность индивида на определенные объективные воздействия закономерно отвечать определенными психическими деятельностями» [3]. Исходя из такого понимания свойства личности, являясь элементами ее структуры, вместе с тем являются и ее элементарными видами деятельности, о чем речь уже шла в § 3 гл. IV.

Далее, проводя системно-структурный анализ личности, надо учесть возможно более полное число этих элементов. В данном случае это было достигнуто путем составления списка и подсчета числа слов, которые могут рассматриваться как названия свойств личности в Словаре русского языка С. И. Ожегова (2-е изд. М., 1952).

Оказалось, что из 52 000 слов этого словаря около 1 500 могут рассматриваться как элементы личности. Было установлено также, что в грузинском языке этих слов более 4000 [4], а в болгарском — около 2500 [5]. Надо отметить, что, во-первых, эти слова были введены в обиход не психологами, а народом и обозначают чаще не элементарные свойства, а весьма сложные особенности личности, которые обычно называют чертами. Во-вторых, заслуживает внимания, что народу надо было почти в 2 раза больше слов, более дифференцированно обозначающих отрицательные свойства. И в-третьих, свойств личности еще больше, так как многие из них не могут быть определены одним словом.

Далее для структурного анализа надо выделить необходимое и достаточное число подструктур. В концепции динамической функциональной структуры личности таких подструктур выделено четыре. Это число подструктур необходимо и достаточно, так как в них могут быть включены все известные свойства личности, число которых не только не одинаково, как было показано, в различных

---

[3] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 287.

[4] См.: Советская психология личности в свете ленинских идей. Пермь, 1971. С. 51.

[5] *Платонов К. К.* Психология възпитания // Проблеми комунистического възпитание. 1979. № 5. С. 48.

языках, но и в каждом из них в дальнейшем может увеличиваться.

Вычленение именно этих основных подструктур личности определяется рядом следующих критериев.

Первым таким критерием является отношение биологического и социального, врожденного (но не обязательно наследственного) и приобретенного, процессуального и содержательного. Различие этих трех пар понятий (оно будет уточнено в гл. IX), по-разному проявляется в разных подструктурах. При этом в 1-ю подструктуру, наиболее существенную для личности в целом, входят почти исключительно социально обусловленные содержательные черты личности (направленность в ее различных формах, отношения, моральные качества личности и т. д.). Во 2-й подструктуре — опыта, в которую входят знания, навыки, умения и привычки, наряду с личным опытом, включающим в себя и социальный, уже отмечается заметное влияние врожденных, биологических процессуальных свойств. Это влияние еще более усиливается в 3-й подструктуре, в которую входят черты личности, зависящие от индивидуальных особенностей психических процессов как форм отражения действительности. И наконец, в 4-й биопсихической подструктуре личности врожденность процессуального резко преобладает над приобретенностью.

Этот критерий определяет как различение, так и последовательность подструктур, расположенных в порядке их «человеческой значимости», хотя в генетическом аспекте их было бы логичнее располагать в обратной последовательности. Эта последовательность помогает глубже понять соотношение социального и биологического не только в личности в целом, но и в подструктурах различных уровней, вплоть до отдельных свойств личности. При этом правильнее говорить о значении, а не о доле, так как в последнем случае соотношение социального и биологического в каждой подструктуре и в личности в целом может пониматься, как «смесь зерна и песка», а это и есть пресловутая теория двух факторов. Но этому вопросу будет специально посвящена гл. IX.

Вторым критерием выделения этих четырех подструктур личности является внутренняя близость черт личности, входящих в каждую из них, и уже достаточно общепринятое и научно доказанное выделение в каждой из этих подструктур, принятой за целое, своих подструктур более низкого уровня. По этому же критерию выделяют

свои подструктуры личности (хотя и не применяют этого термина, а чаще говорят «сфера», «сторона») В. Н. Мясищев, А. Г. Ковалев, В. С. Мерлин, Б. Г. Ананьев и др., хотя в излагаемой концепции характер и способности считаются «наложенными» подструктурами личности, общими качествами личности. Но этот вопрос требует особого рассмотрения, что и будет сделано в следующей главе.

Третьим критерием выделенных четырех основных подструктур является то, что каждая из них имеет свой особый, основной для нее, вид формирования. В выделяемых подструктурах 1-я формируется путем воспитания, 2-я — обучения, 3-я — упражнения, 4-я — тренировки. Взаимодействие этих специфических для каждой подструктуры видов формирования определяет индивидуальную особенность развития каждой личности.

Четвертым по рассматриваемому порядку, а по существу наиболее значимым критерием выделения именно этих подструктур является объективно существующая иерархическая зависимость этих подструктур. Различные структурные связи координаций существуют и между подструктурами, и внутри каждой из них. Но каузальные связи субординации более отчетливо выражены во взаимодействии различных подструктур, чем внутри каждой одной подструктуры. При этом каузальная зависимость черт личности 1-й подструктуры от черт 2-й, и вместе — от черт 3-й, и их всех вместе — от черт 4-й выражена отчетливо и объективно.

Пятым критерием, определяющим выделение именно этих четырех подструктур личности, является уже не логический, а исторический, возвращающий читателя к четырем этапам изучения советскими психологами личности, описанным в главе I (кроме 1-го этапа и 6-го). Ведь 1-й этап (личность как душа) развития учения о личности давно отброшен, а 6-й (личность как человек) непродуктивен, но четыре промежуточных, по очереди абсолютизируя одну из сторон (можно сказать и аспектов) личности, весьма продуктивно накопили большой эмпирический материал и тем, по существу, доказали объективную реальность каждой из четырех подструктур личности.

Этот пятый критерий говорит, что описанные четыре подструктуры личности, по существу, только обобщают четыре этапа развития в советской психологии учения о личности, опираясь на весь добытый материал, только

изменив соотношение последовательности подструктуры этапов.

Эти пять критериев позволяют считать, что четыре выделенные подструктуры отражают объективную реальность и потому являются основными подструктурами личности, а не ее, могущими быть и условными, подсистемами; число их отражает также объективно существующие четыре группы психических свойств личности; порядок их также отражает объективно существующую иерархическую и динамическую субординацию.

Понятие «структура» может и должно применяться к личности в его прямом смысле — как единство элементов их связей и целого. Но поскольку здесь речь идет о взаимосвязи не материальных, а функциональных свойств и качеств личности, то полезно напомнить, что речь идет о функциональной структуре личности.

Ни отдельные черты личности, входящие как элементы в ее функциональную структуру, ни личность в целом не остаются неизменными в течение жизни человека. Изменения личности могут быть связаны не только с ее развитием в результате возрастного созревания и формирования, но и с социальным распадом, со старческой деградацией и с патологическим развитием. Кроме того, изменчивость личности зависит от компенсации одних, недостаточно развитых черт личности другими, и от изменения способов и степени этой компенсации. Ведь дефект памяти у одного и того же человека в одном случае может компенсироваться произвольным вниманием, а в другом — сообразительностью. Вот почему надо говорить еще более точно «динамическая функциональная структура личности».

Структура личности может быть более детальная, индивидуальная, но может быть и более грубая, общая. Индивидуальность или общность структуры говорит о ее присущности только единичной личности, или типам личности, или всем личностям без исключения. В связи с этим надо различать индивидуальную, типовую и общую структуры, отражающие единичное, особенное и общее в личности. Но об этом подробнее — в гл. XII.

Итак, концепция динамической функциональной структуры личности представляет собой стержневой раздел учения о личности, потому что теоретически она позволяет глубже раскрыть сущность личности как структурного феномена, практически она позволяет система-

тизировать весьма большое число свойств личности и преодолеть их многообразие.

Изложенные критерии позволяют определять число необходимых и достаточных подструктур не произвольно, а на основе отражения объективно существующей реальности и располагать их в объективно существующий иерархический ряд.

2. Взаимодействия иерархий подструктур личности и их свойств

Выделенные по описанным критериям подструктуры личности и их основные свойства с совпадающей иерархией отражены в таблице. Не останавливаясь на частностях этой таблицы, разберем наиболее существенные взаимодействия этих иерархий.

1-я подструктура личности объединяет направленность и отношения личности, проявляющиеся как ее моральные черты. Элементы (черты) личности, входящие в эту подструктуру, не имеют непосредственных врожденных задатков, а отражают индивидуально преломленное групповое общественное сознание. Эта подструктура формируется путем воспитания. Она может быть названа социально обусловленной подструктурой, но может более коротко быть названа и направленностью личности. Направленность, взятая в качестве целого, в свою очередь, включает в себя такие ее формы, как подструктуры: влечения, желания, интересы, склонности, идеалы, мировоззрение, убеждения. В этих формах направленности личности проявляются и отношения, и моральные качества личности, и различные формы потребностей.

В эту подструктуру включаются различные проявления отношений исходя из пятого приведенного критерия выделения подструктур — общепринятости психологических понятий. Однако отношение более правильно рассматривать не как свойство личности, а как атрибут сознания, наряду с переживанием и познанием, определяющими различные проявления его активности. Но более всего активность направленности проявляется через убеждения. Изучение этой подструктуры требует социально-психологического уровня.

Упомянутый термин «убеждение» требует уточнения. В одном значении это синоним уверенности в истинности конкретного факта или положения. В этом значении

Схема иерархии основных рядоположенных подструктур

Краткое название	Подструктуры подструктур	Соотношение социального и биологического	Основные связи с				Уровень анализа	Виды формирования
			отражением	сознанием	потребностью	активностью		
Направленность личности	Убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы, желания	Биологического почти нет	Отношение к отражаемому на основе опыта	В основном от сознания будущего	Через отражение социальной нужды	Через убеждения	Социально-психологический	Воспитание
Опыт	Привычки, умения, навыки, знания	Значительно больше социального	Динамика форм отражения	Необходимость осознания прошлого	Через привычки	Через волевые навыки	Психолого-педагогический	Обучение
Особенности психических процессов	Воля, чувства, восприятие, мышление, ощущения, эмоции, память	Чаще больше социального	Формы психического отражения	Достаточно осознания настоящего	Через личностную нужду	Через волю и эмоции	Индивидуально-психологический	Упражнение
Биопсихические свойства	Темперамент, половые, возрастные свойства	Социального почти нет	Механизмы психического отражения	Только стиль осознания	Через биологическую нужду	Через силу и подвижность нервных процессов	Психофизиологический Нейропсихологический	Тренировка

убеждения являются компонентом мировоззрения, притом наиболее существенным.

Но во втором значении, акцентируемом психологами, убеждение — наивысший уровень направленности, в структуру которого входит не только мировоззрение, могущее быть пассивным, но и активизирующая его воля к борьбе за него. В этом значении убеждение — высший итог идеологического воспитания личности.

2-я подструктура личности объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные в личном опыте путем обучения, но уже с заметным влиянием и биологически, и даже генетически обусловленных свойств личности. Эту подструктуру иногда называют индивидуальной культурой, или подготовленностью, но лучше ее кратко называть опытом. Активность опыта проявляется через волевые навыки, а его изучение требует психолого-педагогического уровня.

Свойства, входящие в эту подструктуру, далеко не все психологи рассматривают как свойства личности. Действительно, только начинающий формироваться навык, как и всякое однократное действие (как и однократное, кратковременное проявление интереса в предыдущей подструктуре или психической функции в следующей), еще не свойство личности, а только кратковременный психический процесс или состояние. Но их типичные для данного индивида проявления, так же как и закрепленные знания, навык (не только умственный или волевой, но и моторный и сенсорный) и тем более умение и привычка — уже бесспорно свойство личности. В этом ведь и заключается диалектика перехода количества в качество в ряду: кратковременный процесс — состояние — свойство личности.

3-я подструктура личности объединяет индивидуальные особенности отдельных психических процессов, или психических функций, понимаемых как формы психического отражения: памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли. Порядок этот не случаен. Психическая память развивалась на основе физиологической и генетической памяти, и без нее не могли бы ни существовать, ни развиваться другие формы отражения. Потому с нее и начинается этот иерархический ряд психических процессов как форм отражения. Но каждая форма отражения, закрепляясь своим видом памяти, становится свойством личности. Если механическая память открывает этот ряд, то смысловая память как бы замыкает его.

Потому память лучше рассматривать как следовую форму отражения, пронизывающую весь иерархический ряд его форм снизу доверху.

Эмоции и ощущения как формы отражения свойственны и животным. Влияние биологически обусловленных особенностей в этой подструктуре видно еще более отчетливо, поскольку формы отражения являются функциями мозга и зависят от его состояния. Она, взаимодействуя с тремя остальными подструктурами, формируется в основном путем упражнения. Изучается она в основном на индивидуальном психологическом уровне.

Как известно, форм отражения мира больше, чем те две, о которых говорят философы как о чувственном и абстрактном или, точнее, непосредственном и опосредованном познании, что соответствует, говоря языком школы И. П. Павлова, первосигнальному и второсигнальному познанию. Все психические явления являются формами отражения или их комбинациями, хотя не все еще достаточно хорошо изучены в свете ленинской теории отражения.

4-я подструктура личности объединяет свойства темперамента, или, как теперь говорят вслед за Б. М. Тепловым, типологические свойства личности. Сюда же входят половые и возрастные свойства личности и ее патологические, так называемые «органические» изменения. Формируются нужные черты, входящие в эту подструктуру (а точнее, переделываются), путем тренировки, если эта переделка вообще возможна. Большую, чем в предыдущих подструктурах, роль здесь играет компенсация. Свойства личности, входящие в эту подструктуру, несравнимо больше зависят от физиологических особенностей мозга, а социальные влияния их только субординируют и компенсируют. Потому кратко эту подструктуру можно называть биопсихической. Активность этой подструктуры определяется силой нервных процессов, а изучается она на психофизиологическом, а иногда и на нейропсихологическом, вплоть до молекулярного, уровне.

В эти четыре подструктуры могут быть уложены все известные свойства личности. Причем часть этих свойств относится в основном только к одной подструктуре, например убежденность и заинтересованность — к 1-й; начитанность и умелость — ко 2-й; решительность и сообразительность — к 3-й; истощаемость и возбудимость — к 4-й. Другие, и их больше, лежат на пересечениях подструктур и являются результатом взаимосвязей различ-

ных собственных подструктур. Примером может являться морально-воспитанная воля, как взаимосвязь 1-й и 3-й подструктур; музыкальность, как взаимосвязь 3, 4 и обычно 2-й подструктур.

Не только каждая из этих четырех подструктур, рассматриваемая как целое, в свою очередь, имеет свои подструктуры, но и каждая черта личности также имеет свою структуру, в которую входят более тонкие связи. Например, хотя убежденность в основном относится к 1-й подструктуре, в ее структуру входят в качестве элементов воля и соответствующие знания и умственные навыки.

Итак, в итоге изложенного можно утверждать, что четыре основные рядоположенные подструктуры личности включают в себя все известные свойства личности и их уже достаточно хорошо изученные обобщения. Иерархия различных свойств этих подструктур (соотношение в каждой из них роли социального и биологического, особенностей активности, специфических видов формирования и уровней изучения) выявляет их закономерные совпадения. Это будет подтверждено и уточнено специальным рассмотрением социального и биологического в личности (гл. IX) и ее формирования (гл. XIII).

Однако это можно будет сделать окончательно только после рассмотрения и обоснования в следующей главе, являющейся непосредственным продолжением этой, места характера и способностей, как двух подструктур, наложенных на четыре рассмотренные здесь рядоположенные подструктуры.

3. Взаимодействие структур личности, сознания, деятельности

Когда речь шла о структуре сознания (гл. III) и деятельности (гл. IV), было отмечено, что, помимо связей их подструктур между собой, обе эти структуры связаны и со структурой личности. Теперь настало время разобрать эти связи, уточнив два важнейших обстоятельства.

Во-первых, надо напомнить, что во всех трех случаях речь идет о динамической и функциональной структурах, пониманию которых мешает их непроизвольное отождествление с пространственными и морфологическими.

Во-вторых, надо учитывать, что взаимодействие этих трех структур может проявляться как непосредственное

тождество элементов разных структур, лежащих на пересечении их подмножеств (говоря языком теории множеств), и как их причинно-следственные взаимодействия. Так как взаимодействие может иметь место между элементами всех трех структур, дальше речь пойдет не только об этих последних случаях, но и о тех, когда одни и те же психические явления могут быть элементами или даже подструктурами в целом одновременно двух или даже трех структур.

Чтобы уберечь читателя от листания книги, сведем все три структуры в один вывод:

Сознание	Личность	Деятельность
Атрибуты сознания	Направленность	Цель
Свойства динамики	Опыт	Мотив
Свойства форм психического отражения	Особенности психических процессов	Способ
Свойства уровней ясности	Биопсихические свойства	Результат

Элементы направленности личности могут быть тождественны стойким атрибутам сознания, что наиболее отчетливо выражено в связи любых ее подструктур со стойкими отношениями как атрибутами сознания. Но они же могут быть и элементами подструктур цели и мотивов деятельности. Сказанное относится ко всем подструктурам направленности личности, но к убеждениям, понятно, в большей степени, чем к влечениям. Закон иерархии проявляется и здесь.

Наибольшее, фактически абсолютное тождество имеется в подструктурах форм отражения структуры личности и структуры сознания. Это, в частности, подтверждает обоснованность определения: личность — это человек как носитель сознания. Но отдельные элементы этой подструктуры личности могут являться и элементами подструктуры мотивов деятельности, что особо отчетливо проявляется в содержательной стороне мотивов.

Не менее отчетливо тождество элементов проявляется в подструктуре опыта личности с элементами подструктуры способа деятельности, с одной стороны, и высшей по иерархии подструктурой стойкости сознания. Ведь ею, как было сказано в § 2 гл. III, являются те элементы сознания, которые являются свойствами личности. Конечно, здесь речь идет только о тех из них, которые ими стали в личном опыте, а не явились результатом врожденных задатков.

Подструктура форм психического отражения, общая и только по-разному называемая в структуре сознания и личности, наиболее отчетливо проявляется в структуре действия.

Биопсихическая структура личности имеет тождественные элементы только патологические, в столь же патологических элементах структур и сознания и деятельности. Ясность сознания связана со структурой личности и деятельности по форме ее влияния, а не тождественности. А результат деятельности связан со структурами личности и сознания только через предшествующие ему подструктуры структуры деятельности — ее способ.

Личность, сознание и деятельность взаимодействуют и в целом, меняя свои причинно-следственные связи в соответствии с общим для всего существующего законом взаимодействия. Личность, проявляясь в деятельности, является ее причиной, но, формируясь в деятельности, она ее следствие. Деятельность как проявление личности — ее следствие, а как фактор ее формирования — причина. Деятельность, формируя не только личность, но и сознание, является причиной и его. Но сознание в форме сознательной цели является причиной деятельности. Эта смена причинно-следственных связей, понимание и использование которой имеет важнейшее значение для теории и практики формирования личности, побудила сформулировать принцип единства личности, сознания и деятельности, о котором речь шла в гл. IV и еще будет сказано в гл. X.

В заключение этого краткого обзора взаимодействий структур личности, сознания и деятельности надо отметить, что все же личность, сознание и деятельность — это не тождественные феномены, а различные проявления одного и того же феномена — человеческой психики. Потому, говоря языком теории множеств, их структуры — только пересекающиеся подмножества множества — человеческой психики, у которых, как и у любых пересекающихся подмножеств, есть только отдельные общие элементы.

Итак, теоретически имеются основания рассматривать структуры сознания личности и деятельности в качестве подструктур единой динамической функциональной структуры психики, если ее взять за целое.

Сопоставление структуры личности с ранее изложенными (в гл. III и IV) структурами сознания и деятельности выявляет их закономерные взаимодействия, под-

тверждая связи структур сознания и деятельности, изложенные в гл. IV.

Теоретическое предположение подтвердилось, хотя ранее каждая из этих трех структур была выявлена и описана независимо друг от друга.

Рассмотрение соотношения социального и биологического (гл. IX), методов ее изучения (гл. XI) и формирования (гл. XIII) поможет глубже понять все эти взаимодействия.

* * *

Поиск структуры личности привел к весьма различным ее трактовкам. Но ни одна из них, кроме изложенной в этой главе и уточняемой всей книгой, не может считаться достаточно обоснованной, чтобы выделенные условные подсистемы и их порядок считать объективно существующими подструктурами, расположенными в объективно существующий иерархический ряд.

Все опубликованные и известные устные возражения против концепции динамической функциональной структуры личности либо относятся к более ранним ее формулировкам, без учета последующих публикаций, либо получают изложенные выше достаточно веские контрвозражения. Вместе с тем число сторонников излагаемой концепции, опирающихся на нее в своей исследовательской и практической работе, быстро увеличивается.

Закончить же данную главу уместно словами И. П. Павлова, имеющими неустаревающее общенаучное значение: «Можно с основанием ожидать, что эта схематизация сначала прямо-таки восстановит против себя некоторых из тех, кто стоит перед огромной сложностью обсуждаемых явлений. Но это участь всех схем. Всякое новое понимание предмета начинается неизбежно с таких общих построений, которые только постепенно наполняются конкретным содержанием» [6].

---

[6] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 3. Кн. 2. С. 152.

Глава восьмая

МЕСТО ХАРАКТЕРА И СПОСОБНОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

1. Характер и способности как качества личности

При описании в предыдущей главе структуры личности ничего не было сказано ни о характере, ни о способностях. Это было сделано сознательно для того, чтобы подчеркнуто преодолеть широко распространенную (в частности, свойственную оглавлениям почти всех учебников по психологии) их рядоположенность с направленностью и темпераментом. Задача этой главы — показать их место в динамической функциональной структуре личности и обосновать их отличие от других ее качеств.

Б. Г. Ананьев первым в советской психологии поставил проблему взаимосвязи способностей и характера[1]. На первом форуме советских психологов, специально посвященном проблеме личности, он выделил два самостоятельных учения — о характере и о способностях — в общем учении о психических свойствах. Эти два общих качества личности им были отграничены от других ее свойств, и вместе с тем им была показана необходимость поиска их взаимосвязей[2]. Эти положения весьма существенны для развиваемой в этой книге концепции динамической функциональной структуры личности.

Однако это бесспорно точно и правильно намеченное Б. Г. Ананьевым сближение способностей и характера и противопоставление их другим группам свойств и подструктурам личности было учтено только В. Е. Спиркиной, показавшей необходимость формировать способность в единстве с формированием характера и, по существу, включавшей ряд характерологических черт в структуру способностей, а способностей — в структуру характера[3].

В дальнейшем эта идея была почти забыта. Вышедшие вскоре два тома капитальной монографии А. Г. Ковалева и В. Н. Мясищева «Психические особенности челове-

---

[1] *Ананьев Б. Г.* Очерки психологии. Л., 1945. С. 131.

[2] *Ананьев Б. Г.* О взаимосвязях в развитии способностей и характера // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М., 1956.

[3] *Спиркина В. Е.* Развитие способности и характера // Сов. педагогика. 1947. № 2.

ка» рассматривали характер и способности отдельно, вне их взаимосвязи. Приведенные выше мысли Б. Г. Ананьева там только пересказывались, причем основное внимание уделялось тому, что возникающие противоречия между способностями и характером, по мнению Б. Г. Ананьева, объясняются объективными условиями формирования личности, в частности противоречием между обучением и воспитанием[4]. Сформулированную мысль о противоречиях между способностями и характером в близком аспекте развивает и А. Г. Ковалев. «Противоречия между способностями и характером,— пишет он,— как и порождаемые ими внутренние конфликты, объясняются условиями жизни и воспитания»[5].

Напомнил о проблеме близости способностей и характера С. Л. Рубинштейн, введший в своих последних работах понятие «сложные психические свойства человека», которые «образуют две основные группы — характерологические свойства и способности»[6], хотя в «Основах общей психологии» он еще рядополагал направленность личности, способности, темперамент и характер. Выделение сложных психических свойств было существенным шагом в развитии им теории личности.

Из сказанного видно, что мысль советских психологов не раз вплотную подходила к рассмотрению проблемы взаимосвязи способностей и характера. Однако эта проблема ни разу не подверглась специальному анализу. Более того, на двух конференциях, специально посвященных проблеме способностей[7], в двух посвященных ей сборниках[8] о ней вообще не было сказано ни слова.

Итак, вопросы о специфическом отличии характера и способностей от других свойств личности, входящих в ее подструктуры, разобранные в предыдущей главе, и проблема взаимодействия характера и способностей, поставленная Б. Г. Ананьевым и С. Л. Рубинштейном, оказались надолго забытыми.

---

[4] *Ковалев А. Г., Мясищев В. Н.* Психические особенности человека. Л., 1960. Т. 2. С. 54.

[5] *Ковалев А. Г.* Психология личности. М., 1965. С. 175.

[6] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 289.

[7] Конференция по проблеме способностей: Тез. докл. Л., 1960; Материалы конференции по проблеме способностей. М., 1970.

[8] Склонности и способности. Л., 1962; Способности и интересы. М., 1962.

Анализ современного состояния учений о характере и о способностях дает возможность рассмотреть их взаимодействие с позиций концепции динамической функциональной структуры личности.

2. Структура характера

Свою обзорную статью В. А. Крутецкий начинал словами: «Проблему характера нельзя отнести к числу детально разработанных. Это — сравнительно мало исследованная область» [9]. А ведь этот обзор опирался на 111 работ советских психологов, и в том числе на четыре докторские диссертации и монографию [10], посвященные проблеме характера.

Казалось бы, что в последующие годы под влиянием возрастающего общественного интереса к проблеме личности, учение о характере должно было бы успешно развиваться. Фактически же после 40—50-х годов, «периода повышенного интереса к характерологии в советской науке, произошло достаточно резко выраженное падение интереса...» [11], как был принужден констатировать Н. Д. Левитов, отдавший много сил изучению проблемы характера. Он верно констатирует явление и заканчивает статью правильным призывом: «Следует восстановить в правах психологию характера как предмет человековедения; что, несомненно, должно помочь глубже понять личность во всем многообразии ее индивидуальных и типических вариантов» [12]. Но в этой работе не были вскрыты причины падения интереса к проблеме характера и не указано путей для его повышения. Но если считать, что характерология зашла в тупик, то это только результат ошибочного понимания сущности характера и фактического отождествления его с личностью в целом, что от-

---

[9] *Крутецкий В. А.* Проблема характера в советской психологии // Психологическая наука в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 47.

[10] *Страхов И. В.* Эмоциональные компоненты характера школьников в связи с общей характерологией. М., 1940; *Левитов Н. Д.* Проблема характера в психологии. М., 1942; Вопросы психологии характера. М., 1956; *Филатов В. С.* Учение о характере и его формировании в условиях социалистического общества. Л., 1952; *Ковалев А. Г.* Типические особенности характера старшего школьника. Л., 1953.

[11] *Левитов Н. Д.* Проблема характера в современной психологии // Вопр. психологии. 1970. № 5. С. 12.

[12] Там же.

четливо видно из понимания характера современными советскими психологами.

Так, В. А. Крутецкий определяет характер как «индивидуально-своеобразное сочетание устойчивых и существенных психических особенностей (свойств, качеств) человека, обусловливающих образ его поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах» [13]. Это описательное определение, не раскрывая сущности характера, близко к определению характера в его же учебнике психологии: «Характер — это индивидуально-своеобразное сочетание существенных свойств личности, выражающих отношение человека к действительности и проявляющихся в его поведении, в его поступках» [14].

Эти определения даны первыми потому, что В. А. Крутецкий — признанный специалист по характерологии. Но и в последнем учебнике для студентов педагогических институтов В. С. Мерлин дает близкое определение. «Под характером,— пишет он,— в психологии понимают совокупность индивидуально-своеобразных психических свойств, которые проявляются в типичных для данной личности способах деятельности, обнаруживаются в типичных обстоятельствах и определяются отношениями личности к этим обстоятельствам» [15].

Но вот определение личности, которое В. С. Мерлин давал в главе своей монографии, названной им «Проблемы экспериментальной психологии»: «Под психическими свойствами личности в психологии понимают только такие относительно устойчивые и постоянные свойства, которые отличают одного человека или одну группу людей от другого человека или другой группы людей. Первый основной вопрос, который возникает при определении предмета психологии личности, все ли такого рода психические свойства представляют собой свойства личности. В утвердительном или отрицательном ответе на него всегда содержится скрытая или явно выраженная теоретическая концепция личности». Так В. С. Мерлин начинал первую главу своей книги, пока опубликованную в фрагментах. Кончал он эту главу словами, показывающими, что, по его мнению, не все психические свойства определяют личность, а только те, «которые определяются активными, высокообобщенными, относительно устойчивыми и постоянными отношениями личности к объек-

[13] Педагогическая энциклопедия. М., 1968. Т. 4. С. 564.
[14] Психология. М., 1962. С. 498.
[15] Общая психология. М., 1976. С. 423.

тивным сторонам действительности»[16]. Иными словами, В. С. Мерлин не только не дает в своих определениях различия между личностью в целом и ее характером, но и сводит личность только к ее направленности и отношениям.

Он в этом был не одинок. Так и Л. И. Божович в заключение своей книги, подводя итог всему изложенному, также писала, что «целостная структура личности определяется прежде всего ее направленностью»[17]. Направленность, как устойчивые отношения личности, как и характер, всегда проявляется в деятельности, и, читая книгу Л. И. Божович, часто понимаешь, что она пишет больше о становлении личности, чем о характере.

Если В. С. Мерлин и Л. И. Божович включали только определенные, с относительно устойчивыми и постоянными отношениями психические свойства в понятие личность, то В. А. Крутецкий и А. Г. Ковалев, по существу, так же определяют характер. «Характер — это сложившаяся и укрепившаяся под влиянием жизненных воздействий и воспитания система отношений и поведения человека»[18]. Еще более определенно связывал характер только с направленностью Б. Г. Ананьев, который рассматривал его как такое проявление личности, «которое выражает основную жизненную направленность и проявляется в своеобразном для данной личности образе действия»[19].

Это отождествление характера и личности, с одной стороны, и характера и направленности, с другой, имеет свои глубокие исторические корни. Аристотель для обозначения деятельной, практической стороны личности пользовался словом «этос», означавшим нрав, обычай, образ мыслей. Его друг Теофраст первым ввел вместо «этоса» термин «характер». И в современной буржуазной психологии до сих пор нет четкого разграничения понятий личности и характера.

У нас это исторически сложившееся смешение понятий было закреплено в наиболее капитальной монографии о характере Н. Д. Левитова «Вопросы психологии характера», больше говорившей о личности, чем о ха-

---

[16] *Мерлин В. С.* Проблемы экспериментальной психологии личности // Тр. Перм. пед. ин-та. 1968. Т. 59. С. 3, 18.
[17] *Божович Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. С. 422.
[18] Психология. М., 1966. С. 384.
[19] *Ананьев А. Г.* Воспитание характера школьника. Л., 1941. С. 11.

рактере. Нельзя не остановиться на выделении Б. М. Тепловым в учебнике для средней школы трех групп черт характера, а именно черт, в которых выражается отношение человека к другим людям, к самому себе, к труду, и четвертую группу черт, образующих «психический склад личности». К первой группе он отнес, например, откровенность, ко второй — скромность, к третьей — трудолюбие и к четвертой — принципиальность. Вскоре эти «четыре группы черт характера» не только стали почти общепризнанными и вошли в учебники, но и стали отождествляться с сущностью характера.

Но ведь каждая из перечисленных, как и все указанные Б. М. Тепловым да и другими авторами, «черт характера» не только может быть таковой, но и может быть столь слабо выражена, что не будет чертой характера, а только чертой личности. Ведь выраженные трудолюбие и лень, как полярные черты характера, могут иметь степень выраженности, достаточную для того, чтобы, не считаясь чертами характера, быть все же чертами личности. Наконец, есть люди, для которых и трудолюбие и лень столь нечетко выражены, что ни то ни другое не является у них свойством личности и сказать, что у них преобладает, просто невозможно. Сказанное об этих чертах относится и ко всем без исключения другим. Вот почему упомянутая выше монография Н. Д. Левитова «Вопросы психологии характера», как уже было сказано, в значительно большей степени говорит о чертах личности, которые только могут быть, а могут и не быть чертами характера.

Ведь хотя каждая черта характера является чертой личности, далеко не каждая черта личности является чертой характера. Для того чтобы иметь основание считаться чертой характера, черта личности должна быть достаточно выражена, достаточно тесно взаимосвязана с другими чертами характера в одно целое (которым и является характер), чтобы систематически проявляться в различных (обязательно различных) видах деятельности. Эти три свойства черт характера необходимы и достаточны для их отличия от тех свойств и особенностей личности, которые не являются чертами характера.

Надо напомнить, что как всякое целое не равно только сумме его элементов, так и характер в целом — это нечто большее, чем просто сумма отдельных черт характера. В это большее, в частности, входят связи между чертами характера. Вместе с тем не все свойства характера в целом (например, доброта Обломова) и есть его до-

минирующие свойства, как, например, лень и нерешительность, определяющие «обломовский характер», или оторванная от жизни мечтательность, определяющая «маниловщину».

В соответствии с таким пониманием характера его можно определить как ту часть структуры личности, в которую входят только черты личности, достаточно выраженные и достаточно связанные друг с другом как целое, чтобы постоянно проявляться в различных видах деятельности.

Образно можно сказать, что характер — это каркас личности, с которым связаны и все остальные ее свойства как элементы, которые, однако, не входят в этот каркас. Выраженность характера определяется выраженностью доминирующих его черт и связей между ними и целым, иногда называемым «ядром личности».

Поэтому сейчас общепринятое в советской психологии деление всех психических явлений у человека на три категории может быть дополнено еще двумя явлениями более высокого уровня.

Доминирующие свойства характера; свойства характера; свойства личности; психические состояния; психические кратковременные процессы.

Изложенное структурное понимание характера разрешает очень много неясных вопросов. К числу таковых относится вопрос о связи характера и темперамента, очень по-разному понимаемый различными психологами. С позиций излагаемой концепции достаточно выраженные черты инертности, неуравновешенности и слабости, отличающие личность от «нормотипа» — сангвиника с выраженными чертами подвижности, уравновешенности и силы, бесспорно, входят в структуру характера. Это же относится и к отчетливо выраженным привычкам, которые, как говорит пословица, «вторая натура».

Черты подструктуры личности не равноценны и рядоположены, а иерархически соподчинены по своему значению как для личности в целом, так и для характера. Подструктура направленности личности занимает ведущее место. Из форм направленности ведущее место в ее иерархии занимают убеждения, а из качеств направленности — ее социальный уровень. Они и определяют социальную значимость (с положительным или отрицательным знаком) характера.

Поскольку из основных форм отражения для личности наибольшее значение имеет воля, определяющая ее ак-

тивность, она и в структуре характера занимает более существенное (но не единственное, как думают последователи Аристотеля) место, чем мышление и чувство. Преобладание волевых черт над другими чертами характера определяет его «силу».

Поскольку из трех атрибутов сознания — переживания, познания — только отношения являются элементарной формой активности и обратной связью сознания с отражаемой реальностью, именно они лежат в основе характера, но только в основе, а не являются его сущностью, не дублируют и тем более не исчерпывают его. При выделении из всех четырех подструктур личности только их элементов, характер окажется не самостоятельной подструктурой, а наложенным на них общим качеством личности.

Такое понимание характера дает перспективы дальнейшей разработки его проблем. Это хорошо было доказано Б. Басаровым [20]. Из его исследования, выполненного с позиций концепции динамической функциональной структуры личности, убедительно явствует, что характер в свете теории отражения может быть понят как одно из системных качеств личности, а именно как продукт общественного бытия человека.

3. Структура способностей

Вторым общим качеством личности являются способности, которые являются также наложенной, а не рядоположенной с другими четырьмя подструктурой личности. У этой подструктуры так же, как и у характера, общие с основной структурой личности элементы. Но критерии, по которым они выделяются, у способностей другие. Эти критерии определяются сущностью способностей, которые существуют только соотносительно с тем или иным видом деятельности, что с предельной ясностью было подчеркнуто К. Марксом. Он четко отождествлял «духовные и физические» качества человека с его способностями и указывал, что только различные виды труда требуют от рабочего различных способностей.

«Под рабочей силой, или способностью к труду, — писал К. Маркс, — мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход

---

[20] *Басаров Б.* Вопросы психологии характера. Ашхабад, 1974.

всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»[21]. Несколько далее он конкретизировал эти физические и духовные способности: «Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, предъявляют к нему различные требования. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере»[22].

В. И. Ленин также писал о физических и душевных способностях: «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство *способностей* или *одинаковость* физических сил и душевных способностей людей.

Само собой разумеется, что в этом смысле люди не равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого»[23].

Можно различать четыре основных рода способностей по двум основным критериям: элементарные и сложные, общие и особенные. К элементарным общим способностям относятся основные формы отражения, свойственные всем людям, хотя и неодинаково у различных личностей выраженные. Отдельные свойства личности, такие, как ловкость и внимательность, о которых говорил К. Маркс, являются элементарными, но уже не общими, а особенными способностями, поскольку не каждый обладает этими свойствами. В качестве примеров можно привести память, храбрость, любовь к детям. Сложными общими способностями являются прежде всего две профессиональные способности, образовавшиеся в результате разделения труда и возникших из труда других видов деятельности.

Об элементарных способностях обычно говорят в единственном числе. Так до сих пор в большинстве учебников психологии воля определяется как «способность человека совершать преднамеренные действия». Говорят и о способности запоминания, мышления, воображения и т. д. Но о сложных способностях, в структуру которых входят элементарные, всегда говорят во множественном числе:

---

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 178.
[22] Там же.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 361; Подробный обзор высказываний В. И. Ленина о способностях см.: *Платонов К. К.* В. И. Ленин и проблема способностей // Сов. педагогика. 1969. № 12. С. 18—27.

«музыкальные способности», «летные способности», «математические способности» и т. д.

Сейчас уже достаточно общепризнано, что способности — это либо свойства личности, либо структуры этих свойств, определяющие возможности личности более или менее качественно выполнять определенную деятельность и совершенствоваться в ней. Но на соотношение способностей и свойств личности в целом еще существуют разные взгляды. Это во многом определяется тем, что выражение «не способен» чаще всего рассматривается только как отсутствие способностей.

На конкретном примере многолетнего изучения летных способностей было показано, что проблема способностей и неспособности (а точнее, плюс способностей и минус способностей) — это единая проблема о благоприятной или неблагоприятной для данной деятельности структуре личности [24].

Исходя из этого, нельзя не согласиться с широко распространенным тезисом Б. М. Теплова, выдвинутым им в 1941 г. в статье «Способности и одаренность»: «... способностями называют не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей» [25]. Те свойства личности: вспыльчивость, вялость, медлительность, которые им были приведены сразу за этим тезисом в качестве примеров свойств, не являющихся способностями, являются примерами «минус способностей» для ряда деятельностей. Кроме того, поскольку медлительности противоположна торопливость, являющаяся «минус способностью» для бухгалтеров, медлительность скорее является их «плюс способностью».

Анализируя качества личности в их соответствии с определенной деятельностью, их прежде всего надо делить на более и менее «профессионально значимые», а уж потом первые делить на «положительно значимые» и «отрицательно значимые». Кроме того, одно и то же качество в одной структуре личности может быть профессиональ-

[24] См.: *Платонов К. К., Шварц Л. М.* Очерки психологии для летчиков. М., 1948. С. 170—178; 181—185; Опыт изучения летных способностей: Докл. на совещ. по психологии личности. М., 1956; Психология летного труда. М., 1960. С. 234—237; Спорные и решенные вопросы теории летных способностей // Воен.-мед. журн. 1961. № 1.

[25] *Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. С. 10.

но отрицательно значимым, а в другой — положительно. Примером может служить значение вспыльчивости для способностей актера, приведенной Б. М. Тепловым.

С позиций излагаемой системы понятий надо считать ошибочным до сих пор еще бытующий, но никем никогда не доказанный взгляд на способности, как на некие особые, обладающие какими-то «специфическими» качествами свойства личности.

Этого взгляда придерживается, в частности, Т. И. Артемьева[26]. Подробнее на этом понимании способностей останавливаться здесь нет оснований, так как этому была посвящена специальная работа[27].

Любое свойство личности, входящее в любую из четырех подструктур личности, может и должно рассматриваться как элементарная способность или как элемент (а более сложное — как компонент) структуры сложных (+) или (—) способностей к определенной деятельности, если это свойство личности профессионально положительно или отрицательно значимо. Здесь мы полностью исходим из понимания этого вопроса С. Л. Рубинштейном, писавшим, что «психическое свойство — это способность (надо бы уточнить — элементарная способность.— *К. П.*) индивида на определенные объективные воздействия закономерно отвечать определенными психическими деятельностями» и что «способность (здесь надо бы уточнить — сложные способности.— *К. П.*) — это закрепленная в индивиде система обобщенных психических деятельностей...»[28].

Здесь нет необходимости останавливаться более подробно на вопросе о месте способностей в структуре личности, поскольку взгляды по этому вопросу уже не раз были опубликованы[29].

---

[26] См.: *Артемьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977. С. 48.

[27] *Платонов К. К.* О системе психологических понятий, включенных в Конституцию СССР // Вопросы психологии труда и эргономики. Ярославль, 1978. С. 9—13.

[28] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 129, 292.

[29] *Платонов К. К.* К проблеме профессиональных способностей // Тезисы докладов на совещании по вопросам психологии труда. М., 1957; *Он же.* Место профессиональных способностей в структуре личности // Вопросы психологии труда, трудового обучения и воспитания. Ярославль, 1966; *Он же.* Личностный подход в профориентации // Проблемы профориентации и профконсультации в школе. М., 1969; *Он же.* Профессиональная ориентация и способности // Школа и выбор профессии. М., 1969; *Он же.* Проблемы способностей. М., 1972.

Но на двух вопросах остановиться здесь надо.

Первый из них — понимание способностей как системного качества. О сущности системных качеств, как не любых качеств системы, а являющихся продуктом менее организованной иерархической системы, шла речь в § 2 гл. II-й. Применение создавшейся в настоящее время теории системных качеств к учению о личности позволяет лучше понять до сих пор идущую дискуссию о том, сводимы ли способности человека к его обычным психическим свойствам или способности — как считают другие психологи — это некие особые свойства личности.

В числе критериев классификации способностей есть и такой, по которому они делятся на две наиболее существенные подсистемы: актуальные способности, уже проявляющиеся в деятельности, и потенциальные, еще не проявляющиеся, но предполагаемые на основе наличия способностей к близким по структуре видам деятельности.

Следовательно, потенциальные способности — это, бесспорно, ансамбль свойств личности и, как любые психические явления, ее системные качества как продукты корковой нейродинамики мозга.

Несколько иначе обстоит дело с актуальными способностями. Их, по крайней мере в условиях капиталистического общества, в котором трудящийся продает свой труд, можно сравнить с товаром. Они, как товар, переходя в более высокую иерархическую систему производственных отношений, становятся системным качеством трудовой деятельности и продуктом системы свойств действующей личности. Но вместе с тем они не перестают оставаться способностями и, следовательно, функциональными свойствами личности трудящегося.

Следовательно, актуальные способности трудящегося, не переставая быть функциональными качествами его личности, вместе с тем становятся и системными качествами его деятельности, как качество способов ее выполнения. В этом проявляется связь структуры личности и структуры деятельности, о которой речь шла в § 3 предыдущей главы.

Не случайным и глубоко психологическим обоснованием является сочетание слов «талантливая деятельность». Этими словами обозначается деятельность, качеством которой являются способности, достижение уровня таланта. Но ведь с таким же правом можно говорить и о «бездарной деятельности», а следовательно, о всех ее про-

межуточных проявлениях, при которых способности остаются системным качеством деятельности.

Рассмотрение актуальных способностей в любых условиях в системе не только категории личности, но и категории деятельности, а следовательно, и как системное качество последней — компетенция психологии. Поэтому об этом и идет речь в этой книге.

Сказанное определяет ответ и на второй вопрос, требующий раскрытия,— о диалектике развития способностей. Чем более определенные способности определяют достижение цели определенной деятельности, тем успешней они в ней формируются в единстве и соподчинении четырех видов формирования четырех подструктур личности (о которых речь подробней пойдет в гл. XIII). Воспитания, опирающегося на обучение, обучения, опирающегося на упражнение, и упражнения, опирающегося на тренировку. Поскольку способности, как и характер и личность в целом, и проявляются, и формируются в деятельности, они являются саморазвивающимся процессом. Вне деятельности существуют только свойства личности, являющиеся потенциальными способностями. А проявляясь в деятельности и становясь актуальными способностями, они одновременно в ней и проявляются, и развиваются.

Но не все способности и не у всех личностей развиваются равномерно. В каждой способности заложена не у всех одинаково выраженная «способность второго порядка» — способность к ее развитию. Ошибочно как отождествление самих способностей и способностей к их развитию, так и подмена первых вторыми. А ведь и то и другое отмечается не так уж редко в педагогической практике.

Наиболее отчетливо способность к развитию способностей проявляется в возможности формирования таланта как высшей способности к творчеству в определенной деятельности[30], в то время как и само творчество является высшим проявлением активности, а ее элементом является отношение как один из атрибутов сознания. Формулировка «талант как высшая способность к творчеству» не обмолвка, хотя противоречит определению: «гений — высшая творческая способность». Дело в том, что гений — понятие не психологическое, а социальное. Гений появляется тогда, когда особенности проявления ярко

[30] *Кондратьева Л. Л., Платонов К. К.* Формы творчества личности в труде // Тезисы докладов на XVIII Международном психологическом конгрессе. М., 1966. Вып. 3.

выраженного таланта совпадают с потребностью общества в таком его проявлении и потому находят (не обязательно сразу) поддержку, подражание и развитие.

Итак, в современном учении о способностях в советской психологии еще не закончена борьба мнений в трех направлениях.

Одним из них, имеющим глубокие исторические классовые корни, является сведение всех способностей только к интеллектуальным, а по существу к способностям ко всеобщему среднему обучению.

Другим из них, также заведшим проблему в тупик, являются недоказуемые попытки считать за способности какие-то самостоятельные «специфические» свойства личности, причем требуемые не для всех, а только для некоторых видов деятельности.

Третьим, также заводящим в тупик и также исторически классово обусловленным, является отождествление любых способностей с врожденными свойствами личности.

Четвертым, противостоящим предшествующим, является понимание способностей как свойств всех основных четырех подструктур личности в их соответствии или несоответствии требованиям любой определенной деятельности, для которой они и являются потенциальными, но могут стать и актуальными способностями (как системным качеством данной деятельности). Такое понимание способностей, опираясь на определение, данное К. Марксом, и их понимание В. И. Лениным, показывает их место в единой системе психологических явлений, понятий и терминов и выводит эту проблему на широкий простор дальнейших исследований и практического применения.

Вопрос же о связи способностей с наследственностью требует рассмотрения их раннего проявления, иногда принимающего форму гиперспособностей.

4. Раннее проявление способностей

Наиболее неоспоримым доказательством наличия хотя бы иногда проявляющихся врожденных способностей являются случаи очень раннего и отчетливого проявления самых различных способностей. Эти случаи Б. М. Теплов объяснял быстро развивающимися задатками. Он писал: «Одним из характерных признаков хороших задатков к развитию какой-нибудь способности является раннее и притом самостоятельное, т. е. не требующее специальных

педагогических мероприятий, проявление этой способности»[31]. Конечно, самые способные в музыкальном отношении дети должны научиться правильно петь или узнавать мелодию, как пишет дальше Б. М. Теплов. Но уже до этого научения они обладают не только анатомо-физиологическими особенностями, но и потенциальными способностями, как свойствами их психики и личности а, следовательно, и отличающими их от менее способных.

Наиболее широко известны ранние проявления музыкальных способностей. Описание феноменальных способностей Вольфганга Амадея Моцарта (1756—1791) стало хрестоматийным. Его музыкальные способности поражали, когда ему было всего 3 года. С 4 лет он играл на клавесине, с 5 — сочинял музыку и в 8 лет создал свои первые сонаты и симфонии, в 11 — оперу. В 6 лет он уже пользовался мировой славой. В 14 лет он был избран членом филармонической академии в Болонье.

Вот еще несколько примеров. Н. А. Римский-Корсаков (1844—1908) обратил на себя внимание музыкальной памятью уже в 2 года. У австрийского композитора Гайдна (1732—1809) музыкальные способности проявились в 4 года, у немецкого композитора, дирижера, пианиста и органиста Феликса Мендельсона-Бартольди (1809—1847) — в 5 лет; в качестве композитора он выступал с 11 лет, как и австрийский композитор Франц Шуберт (1797—1828). М. И. Глинка (1804—1857) в 7—8 лет развешивал по комнате тазы и «устраивал перезвоны», советский композитор, дирижер и пианист С. С. Прокофьев (1891—1953) выступал как композитор в 8 лет, немецкий композитор и дирижер Карл Вебер (1786—1826) — с 12 лет, итальянский композитор Луиджи Керубини (1760—1842) — с 13 лет.

Музыкальные способности не всегда легко отчетливо проявляются в детском возрасте. Рисовать и лепить детям легче, и потому здесь способности выявляются более отчетливо. Гениальный художник И. Е. Репин (1844—1930) в 3-летнем возрасте вырезал из бумаги лошадок, а в 6 лет писал красками. Знаменитый портретист В. А. Серов (1865—1911) с 3 лет лепил, а с 6 — рисовал с натуры, хорошо усвоив уже в этом возрасте перспективу. У гениального итальянского живописца и архитектора Рафаэля и у талантливого французского живописца Жан-Батист Греза (1725—1805) художественные способ-

[31] *Теплов Б. М.* Психология. М., 1946. Ч. 210.

ности проявились в 8 лет, у выдающегося фламандского живописца Ван Дейка (1599—1641) — в 10 лет, а у гениального итальянского скульптора Микеланджело (1475—1564) — в 13 лет. Рисунки нашей современницы Нади Рушевой (1952—1969) начали издавать, когда ей было 13 лет. С 14 лет она уже систематически печатались как художник-иллюстратор, и ее талант получил широкое признание.

Стремление к ритмичной и рифмованной речи отмечается у некоторых детей дошкольного возраста. Его можно рассматривать как одно из ранних проявлений одаренности в области поэзии. А это встречается нередко, одним из наиболее ярких примеров чему был А. С. Пушкин. Он начал сочинять стихи, и притом уже обращавшие на себя внимание, будучи 7—8-летним мальчиком. А его стихи «Воспоминания в Царском Селе», прочтенные им на публичном экзамене в Лицее, когда ему было 15 лет, как известно, привлекли к себе особое внимание Державина.

Очень показательно раннее проявление способностей у многих шахматистов (см. табл. 2, составленную по нашей просьбе гроссмейстером Н. В. Крогиусом). Так, например, Хосе Капабланка, ставший в 13 лет чемпионом Кубы (а в 33 года чемпионом мира) первую свою шахматную победу одержал в 4 года, через сутки после того, как впервые увидел игру своего отца с соседом, и сам разобрался в правилах увлекшей его игры [32].

Ранних проявлений талантов известно немало в самых различных видах деятельности. Так, итальянец Джиованни Бартоломео Баско (1793—1863) уже с детских лет сам увлекался и восхищал других своими фокусами. Он стал всемирно известным фокусником, отказавшимся от всякого рода аппаратуры иллюзионистов и удивлявшим публику ловкостью своих манипуляций с шариками, монетами, картами и платками.

Ньютон в детстве конструировал механические игрушки, поражавшие взрослых. Ребенком он придумал и изготовил мельницу, которую вращала мышь; школьником — экипаж, движимый самими пассажирами. Тринадцатилетний Фарадей сконструировал и изготовил электрическую машину, с которой делал им самим придуманные опыты. Эдисон начал свою изобретательскую деятельность в 12 лет, когда работал «поездным мальчиком» по развозке

---

[32] *Котов Л. Л.* Белые и черные. М., 1966. С. 26—29.

Таблица возрастных проявлений шахматных способностей у выдающихся шахматистов

Фамилия	Начало игры	Возраст заметного проявления выдающихся способностей	Выход на международную арену	Сильнейший шахматист (чемпион) мира периода
Андерсен А. (1818–1879)	6	12	33	1851–1857 1859–1866
Стейниц В. (1836–1900)	7	22	26	1866–1894
Морфи П. (1837–1884)	10	11–12	20	1857–1858
Чигорин М. И. (1850–1908)	17	17	31	–
Тарраш З. (1862–1934)	15	19	21	—
Ласкер Эм. (1868–1941)	7	12	24	1894–1921
Пильсбери Г. (1872–1906)	16	17	23	–
Рубинштейн А. (1882–1961)	14	18	21	–
Видмар М. (1885–1962)	8	17	19	–
Нимцович А. (1886–1935)	8	16	20	–
Капабланка Х. Р. (1888–1924)	4	11	21	1909–1915
Левенфиш Г. Я. (1889–1961)	6	19	22	–
Алехин А. А. (1892–1946)	8	11	16	1927–1935 1937–1946
Эйве М. 1901	6	11	20	1935–1937
Рагозин В. В. (1908–1962)	10	16	26	–
Ботвинник М. М. 1911	12	16	16	1948–1957 1958–1960 1961–1963
Решевский С. 1911	5	8	21	–
Керес П. П. 1916	5	13	19	–
Симагин В. П. (1919–1968)	8	14	27	–
Смыслов В. В. 1921	6	14	19	1957–1958
Глигорич С. 1923	6	13	22	–
Петросян Т. В.	12	15	22	1963
Полугаевский Л. А. 1934	8	13	22	–
Ларсен Б. 1935	6	10	19	–
Таль М. Н.	8	13	20	1960–1961
Спасский Б. В. 1937	8	19	18	1969–1972
Портиш Л. 1937	6	11	21	–
Фишер Р. 1943	6	12	14	1972–1975
Георгиу Ф. 1944	6	14	19	–
Карпов А. Е. 1951	5	9	19	1975–1985

газет и организовал в багажном вагоне целую лабораторию.

Способности к деятельности в области науки, понятно, в детском возрасте достаточно полно и выраженно проявляться не могут. Наука — это система знаний, накопленных человечеством, и без достаточных знаний, накопленных индивидом, не может быть ни самой научной деятельности, ни проявления способности к ней. Однако известно, что Норберт Винер, основоположник кибернетики, уже в 5 лет начал серьезно заниматься наукой, а в 14 лет получил ученую степень.

Это далеко не единственный пример. Гениальный французский математик и физик Блез Паскаль (1623—1662) в 15 лет написал уже тогда прославивший его трактат «Опыт конических сечений». Рене Декарт, его старший современник, так и не поверил, что этот трактат написан юношей, а не опытным математиком. Крупнейший немецкий математик и астроном Карл Фридрих Гаусс (1777—1855) в 14—17 лет задумал и начал выполнять все то, что сделал потом в области математики, поражая всех своими математическими способностями.

Но еще более убедительным примером раннего проявления ярко выраженных способностей к науке и отличного их дальнейшего развития является академик, лауреат Государственной, Ленинской и Нобелевской премии, член Английского королевского общества, Датской и Нидерландской академий наук, Национальной академии наук и Академии наук и искусств США советский физик Лев Давыдович Ландау (1908—1968). В 13 лет он окончил 10 классов средней школы. В 14 лет он был студентом двух факультетов: физико-математического и химического. В 18 лет, еще будучи студентом, он стал заочным аспирантом и опубликовал первую научную работу, в 24 года он возглавлял теоретический отдел Харьковского физико-технического института, в 26 лет ему без диссертации присваивают степень доктора наук, в частности, за работу, по которой физики всего мира теперь говорят о «диамагнетизме Ландау».

Очень раннее проявление математических способностей отмечалось давно. Вот некоторые выдержки из сводки таких случаев. Знаменитый французский математик Мари Ампер (1775—1836), не зная цифр и не умея еще писать, производит различные вычисления с помощью бобов и камешков. Блез Паскаль, о котором только что было сказано, ранее 12 лет, играя с «палками» и «коль-

цами» (как он называл прямые и окружности), чуть ли не заново создал Евклидову геометрию. Талантливый английский математик Уильям Гамильтон (1805—1865) к 12 годам овладел столькими языками, сколько ему было лет, в том числе арабским, персидским и малайским. В 10 лет он полностью сам прочел «Начала геометрии» Евклида. Когда в Англию из Америки приехал «феноменальный счетчик» Кольбург и показывал свое искусство в быстром счете, Гамильтон ни в чем не уступал ему. В 22 года он уже был профессором Дублинского университета.

А. В. Крутецкий всесторонне изучил 16 московских математически высокоодаренных школьников, 14 мальчиков и 2 девочек, у которых математические способности проявлялись уже в дошкольном и младшем школьном возрасте. Он пришел к выводу, что их математические способности в общем имеют ту же психологическую структуру, что и у взрослых, но у изученных им детей эти способности проявились более отчетливо и раньше, чем обычно, хотя далеко не всегда раннее формирование математических способностей связано с какими-либо особо благоприятными условиями среды и воспитания. На «сакраментальный» вопрос: «Математиком можно стать или им нужно родиться?» — он отвечает (осторожно оговаривая — «гипотетически») так: «Обычным математиком можно стать, выдающимся, талантливым математиком нужно и родиться» [33].

Десять одаренных детей было детально изучено Н. С. Лейтесом. Вот краткие характеристики 2 из них.

«Шуре не было 4 лет, когда он научился читать. В 4 года он с неугомонной настойчивостью стремился производить математические действия. В начале 5-го года он увлекся географией и с удивительной точностью сделал карту полушарий. Несколько позже он начал заниматься зоологией. В 7 лет он поступил в 4 класс. За все время учения в классе учительница не обнаружила у него ни одной грамматической ошибки. Он хорошо рисует: в его «работе» о птицах Советского Союза 314 тетрадей, которые он помнит на память, и огромное количество рисунков. У него отличная зрительная память. Ум отличается четкостью и систематичностью, опирающимися на анализ и обобщения, хорошее чувство юмора. Но основ-

---

[33] *Крутецкий В. А.* Психология математических способностей школьников. М., 1968. С. 399.

ная его особенность — любовь к труду и повышенная потребность в умственной деятельности.

Эдик на 5-м году самостоятельно и даже вопреки желанию матери в течение нескольких месяцев научился читать, писать и считать. Шести лет он уже мог производить арифметические действия с многозначными числами. Семи лет он усвоил основы алгебры, самостоятельно читая учебник алгебры. В те же годы он выучил склонения и с большим интересом устанавливал падежи слов и даже сам начал писать «учебник грамматики». В 8 лет он поступил во 2-й класс. Хотя во 2—3-м классах он много болел, он освоил, в числе прочего, начальные главы вузовского учебника неорганической химии. В 4-м классе он свободно перемножает трехзначные числа. Придумывает язык, «в котором все правила наоборот». Постоянная готовность к активной деятельности у него создает потребность в усиленной умственной работе. Феноменальная работоспособность и трудолюбие проявляются и в склонности к ручному труду».

Детальное изучение этих ярко одаренных детей привело автора к выводу, что склонность к труду играет очень существенную роль в умственной одаренности [34]. Способность к усилиям — кардинальное свойство психики — у различных людей развито не в одинаковой степени. Прирожденная выраженность этого свойства всегда выступает в тесной связи с значительной умственной одаренностью. «Динамическая природа склонности к труду придает и самой одаренности человека динамический характер» [35],— пишет Лейтес.

Говоря о раннем проявлении способностей, нельзя хотя бы кратко не сказать и об их позднем развитии, наглядно демонстрирующем сочетания в любых из них потенциального и актуального. Так, известно, что у П. И. Чайковского музыкальный талант и у М. А. Врубеля — художественный проявились только в 20 лет, а у Поля Гогена — в 38 лет. И. А. Крылов начал писать в 40 лет, а С. Т. Аксаков — в 50.

Проблему поздних способностей мы изучали вместе с Г. С. Алексеевич на примере появления новых способностей и хобби у пенсионеров [36]. Выводы были следующие.

---

[34] *Лейтес Н. С.* Склонность к труду как фактор одаренности // Изв. АПН РСФСР. 1950. Вып. 25.
[35] *Лейтес Н. С.* Об умственной одаренности. М.. 1960. С. 201.
[36] Подробней см.: *Платонов К. К.* Проблемы способностей. М., 1970. С. 135—136.

Во-первых, это скорее закономерное, чем случайное явление. Во-вторых, это не «проявление новых», а быстрый и четкий переход ранее заторможенных бытом потенциальных способностей в актуальные, легко перерастающие в хобби. В-третьих, это «послепенсионное явление» заставило иначе оценить сущность хобби, на чем также здесь следует остановиться.

Хобби (англ. hobby — излюбленное занятие) — слово, получившее во второй половине XX в. мировое признание в специфическом его значении, как увлечение какой-либо деятельностью, заполняющей досуг: коллекционированием, каким-либо ремеслом, искусством, решением кроссвордов и т. п. По практическим результатам хобби чаще всего бесполезно. Но человек, им увлеченный, достигает в нем иногда более высокого мастерства, чем в своей основной работе, и даже большего, чем профессионалы в области его хобби.

Итак, наличие различных рано проявляющихся способностей, проявляющихся как гиперспособности,— это научно доказанный факт, он существен для понимания взаимодействия процессуального биологического и содержательного социального в личности. Более глубокое понимание этого взаимодействия даст, надо думать, новая, только создаваемая наука — пренатальная психология.

Склонность к труду и учению также является способностью, по-разному проявляющейся и выраженной у различных детей и взрослых. Говоря о ней, нельзя ограничиться только детьми и необходимо напомнить о совершенно различной этой активности у пенсионеров в Советском Союзе и у рантьеров капиталистических стран. Есть основания в системе психологических понятий наряду с понятием «работоспособность» иметь понятие «работопотребность».

5. Взаимодействие способностей и характера

Б. Г. Ананьев справедливо утверждал, что «для понимания явлений и сущности таланта необходимо сочетание двух психологических теорий — теории способностей и теории характера, т. е. целостного учения о психических свойствах личности» [37]. К этому можно только добавить,

---

[37] *Ананьев Б. Г.* О взаимосвязях в развитии способностей и характера // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. С. 96.

что, лишь опираясь на достаточно четкую систему понятий учения о личности, можно получить согласованную систему теорий способностей и характера. Потому только на основе изложенного в предыдущих параграфах можно перейти к раскрытию взаимосвязей характера и способностей как общих качеств личности, чтобы, поняв, целенаправленно их формировать.

Связи эти многообразны и противоречивы, причем наиболее существенны в таланте. Дело здесь в том, что особенностью таланта «является включение способностей в характер»[38], как писал Б. Г. Ананьев. Отдельные, отчетливо выраженные способности если не всегда, то очень часто становятся компонентами структуры характера. Это ведь и есть то, что называют «профессиональным характером». Талант же — это тот уровень свойств личности, являющихся способностями к данному виду деятельности, который целиком входит в характер.

Поскольку метафизическому мышлению свойственна рядоположенность понятий и поскольку талант и характер традиционно рассматривались именно в такой рядоположенности, для обыденного сознания непривычно звучит фраза: «Чайковский был по характеру композитором, а у Лермонтова был характер поэта». Но как научная психологическая формулировка она правильна. И это относится не только к таланту этих двух личностей и не только к музыкальному и поэтическому таланту. Известно немало талантливых летчиков, которые легко могли бы быть объединены в тип характера, отличный от типа характера художника в той же мере, как оба эти типа отличны от типа характера математика или изобретателя.

Можно дать два определения таланта: талант — это высокое развитие способностей, дающее возможность личности создавать новое в данной области, и талант есть способности к данной деятельности, развитые до уровня черт характера.

С позиций концепции динамической функциональной структуры личности эти два определения являются синонимическими. Второе определение имеет ряд научных преимуществ. Во-первых, оно устанавливает связь способностей и характера. Во-вторых, оно вкладывает более точное содержание в ту степень развития способностей, которая дает их переход в новое качество — в талант.

---

[38] *Ананьев Б. Г.* Очерки психологии. С. 131.

Но есть еще одно, наиболее существенное преимущество второго, непривычного, но более точного определения таланта. Оно кардинально решает давно идущий спор об узости и специфичности или, напротив, широте и универсальности таланта. Талант, понимаемый как способность развития до уровня характера, по самой сути способностей связан с определенной деятельностью, но по самой сути характера должен проявляться в различных видах деятельности, а не от случая к случаю. Талантливый педагог — всегда и во всем педагог, как и талантливый художник — всегда и во всем художник. В этой фразе, понятно, «всегда и во всем» должно пониматься не абсолютно, но вместе с тем достаточно широко.

Понимание и способностей (а следовательно, и таланта), и характера как наложенных подструктур на основную структуру личности в целом, объясняет, почему талант более широк и разносторонен, чем способности. Ведь характер, как каркас личности, всегда более разносторонен, чем отдельное, даже весьма сложное свойство личности или даже отдельная способность. Вместе с тем такое понимание таланта не исключает, а только углубляет приведенное выше понимание таланта как включения способностей в характер.

Типология характеров по талантам не должна рассматриваться как полное отождествление характеров отдельных представителей определенных талантов. При общности поэтических характеров Пушкина, Лермонтова, Блока и Маяковского их характеры в целом были весьма различны. Излагаемая концепция позволяет глубже понять подобные общности и различия в характере в целом, чего нельзя достичь, отвергнув ее.

Взаимосвязь способностей и характера наиболее четко проявляется в призвании. Понятие это в психологии и педагогике долго игнорировалось, и его нет ни в Педагогической энциклопедии (1966), ни в кратком словаре для учителей «Трудовое воспитание и политехническое обучение» (М., 1968).

Чаще всего под призванием понимают совпадение ярко выраженных способностей и склонности к какой-либо деятельности, а под склонностью — направленность личности на выполнение определенной деятельности. В. Н. Мясищев, уделявший много внимания проблеме склонности, считал, что «склонность к той или иной дея-

тельности...это вид потребности к данной деятельности»[39]. Но ни в этой его статье, ни в сборнике в целом понятие «призвание» не раскрывается. Но понимание призвания как только ярко выраженной склонности неверно. Склонности и способности действительно часто совпадают, однако А. В. Ярмоленко убедительно показала на примере ученика с математическими способностями, но ненавидящего математику, что такое совпадение бывает не всегда[40].

Кроме того, соглашаясь с этой традиционной точкой зрения на склонности как вид направленности и, следовательно, как на определенную потребность, не надо противопоставлять их способностям. Потому случай, приведенный А. В. Ярмоленко, надо рассматривать как пример неполноценной структуры математических способностей с отчетливо выраженными одними ее компонентами при отсутствии «математической направленности», без которой нет полноценных математических способностей, как нет полноценных летных способностей без «летной направленности».

Призвание же к определенной деятельности — это качество личности, в структуру которого способности к данной деятельности входят обязательно. Потому соотношение между этими понятиями таково: способности — компонент склонности, которая, в свою очередь, является компонентом призвания; призвание — это компонент характера, в структуру которого входят способности и склонности к определенной деятельности.

Конечно, в структуры характеров конкретных личностей, имеющих то или иное призвание, входят и другие компоненты. Две личности, имея одинаково выраженные призвания к музыкальной деятельности, могут иметь совсем различные моральные качества и темперамент, выраженные до уровня черт характера. Да и призваний в структуру характера конкретной личности может входить нередко больше одного, но редко больше двух. Примером тут являются не только химик и композитор А. П. Бородин или космонавт и художник А. А. Леонов, но и любой способный специалист, имеющий хобби (это понятие теперь получило мировое признание).

Изложенное понимание таланта и призвания раскры-

---

[39] *Мясищев В. Н.* О связи склонностей и способностей // Склонности и способности. С. 13.

[40] *Ярмоленко А. В.* Об ошибках в определении способностей // Склонности и способности. С. 78.

вает основные сущностные взаимосвязи между способностями и характером. Оно может быть пояснено следующей схемой, которая, как всякая схема, упрощая связи явлений, делает их более наглядными.

Взаимосвязи проявлений свойств личности в деятельности

Доминирующие свойства характера	Талант
Свойства характера	Призвание
Свойства личности	Способности
Психические состояния	–
Психические процессы	–

Понятие «призвание» потребовало дальнейшей его разработки, когда оно было включено в статью 40 Конституции СССР. Это позволило уточнить его определение как свойство личности, в структуру которого входит как интерес к определенной деятельности и стремление ее выполнять, так и обоснованная самооценка способности к ней. В нем проявляется соотношение способностей личности с ее потребностями и ее уровнем притязаний. Необходимо различать потенциальные и актуальные призвания. Деятельность по призванию, помимо внешнего ее результата, дает и внутренний, как чувство удовлетворения не столько этим ее внешним результатом, сколько самим процессом деятельности. Оно взаимодействует с профессиональным самоопределением личности.

Но бывают противоречия между способностями и характером, и не зависящие от таланта и призвания, а возникающие между теми или иными способностями или неспособностями (+ или – способностями) и различными чертами характера. Так, например, нередки противоречия между наличием неспособности и упрямством (именно упрямством, а не настойчивостью) как чертой характера, побуждающей продолжать освоение деятельности, к которой личность неспособна, даже вопреки полному отсутствию склонности к ней.

В подобных противоречиях обычно существенное значение имеет и третий их компонент – жизненные обстоятельства. Здесь примером могут быть нередкие противоречия между способностями к одному роду деятельности и высоко развитым чувством долга как чертой характера, побуждающим выполнять другую деятельность. Все подобные противоречия могут быть кратковременны как процессы, могут они быть и причиной состояний и даже, становясь жизненными конфликтами, изменять

свойства личности и ее характер в том или ином направлении.

Итак, изложенное понимание таланта как способностей, развитых до уровня характера, позволяет более своевременно увидеть назревающие противоречия и целенаправленным воздействием на те или иные подструктуры личности не только разрешать их, но и (это главное!) использовать их для развития и способностей в талант и характер, а следовательно, и личности в целом.

* * *

Отсутствие четкого определения характера привело к потере его различия с личностью в целом и завело характерологию как отрасль психологии личности в тупик.

Закономерная борьба с пониманием фатальной обусловленности способностей наследственностью привела к другой крайности — к теории эквипотенциализма. Он лег в основу ложно понимаемого педагогического оптимизма: «каждый способен к чему угодно», в то время как истина в ином оптимистическом положении: «каждый более способен к чему-нибудь, и это должно быть обнаружено возможно ранее».

Вместе с тем есть способности, равно необходимые для каждого, развитие которых определяется только правильным воспитанием, коррегируемым самовоспитанием. Это способности к грамотной и культурной по форме и содержанию речи; способности к общественно полезному труду, опирающемуся на коллективизм и взаимопомощь; способности к общению, важнейшими компонентами которых являются нравственные и правоправные способности. Поэтому за недостаточное их развитие для нормальной жизнедеятельности здорового ребенка отвечают до его совершеннолетия воспитатели (прежде всего родители, если они есть). Они обязаны воспитывать у него его чувство ответственности, заменяющей их ответственность при наступлении совершеннолетия и «минимума социальной зрелости», о чем подробнее речь пойдет в гл. XIII.

На тесное взаимодействие способностей и характера и отличие их от других свойств и качеств личности уже давно указывали авторитетные психологи. Но правильно понято это может быть только в свете ленинской теории отражения. Поскольку личность — это человек как носитель сознания, все ее свойства — это проявления различ-

ных форм и свойств психического отражения. И способности, и характер, как два общих качества личности, каждое по-своему, интегрируют эти формы и свойства психического отражения в зависимости от того, что каждое из них отражает. Способности — это отражение личностью требований только той или иной, но всегда определенной деятельности; характер — это отражение личностью всего ее общественного бытия.

В этом их различие. Но талант, как высшее проявление способностей, делает эту определенную деятельность и все с ней связанное наиболее значимым для ее общественным бытием. Именно поэтому в таланте проявляется общность отражаемого и способностями, и характером. Общность же отражаемого определяет и общность их самих, как отраженного в их содержательной стороне.

Последнее требует более подробного рассмотрения уже не раз применявшихся понятий «содержательное» и «процессуальное», что возможно только на основе уточнения понятий «социальное» и «биологическое». Этому и будет посвящена следующая глава.

Глава девятая

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО В ЛИЧНОСТИ

1. Биосоциальная сущность человека

Основополагающим для марксистской психологии является понимание сущности человека как ансамбля общественных отношений, сформулированное Марксом еще в «Тезисах о Фейербахе» [1] и прошедшее красной нитью через все его дальнейшие работы. Важнейшим для понимания соотношения биологического и социального в человеке является следующий классический фрагмент Маркса о голоде. «Голод есть голод,— писал Маркс,— однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» [2].

А Энгельс, по существу, то же самое сказал о наиболее сильной биологической потребности, миллионы лет

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 3.
[2] Там же. Т. 12. С. 718.

двигающей животный мир и тормозившей все остальные еще у первобытного человека. «Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних,— писал он.— Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу... И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет?» [3]

Однако справедливая борьба с биологизацией человека и личности, как было показано в § 5 гл. I, приводила, да и теперь иногда приводит к третьему и последнему, кроме теории двух факторов и биологизации, ошибочному пониманию проблемы соотношения биологического и социального в личности — к ее вульгарной социологизации. Понятно, что этот ошибочный взгляд, как и два предыдущих, проявляется в различных видах. Иногда это упрощенное понимание термина «снятие», введенного Гегелем, как одновременное не только уничтожение, но и сохранение чего-либо (в данном случае — биологического). Иногда это то «неогельвецианство», отождествляющее всю психику с социальным как индивидуально приобретенным в процессе «всемогущего обучения» и отрицающее все биологическое в личности не только как наследственное, но и как то, что человек имеет при рождении.

Проблема соотношения биологического и социального в человеке, бесспорно, сложна, так как объединяет в себе понимание генетики, эволюционной биологии и физиологии, эмбриологии, зоопсихологии, развития психики в филогенезе, антропогенеза личности и ее развития и формирования в онтогенезе, в том числе и пренатальном. Но она не только сложна, но и крайне запутана неоднозначным толкованием ее основных категорий и понятий. А ведь эта проблема, как и каждая наука, теория и проблема, имеет свои категории, т. е. основные для нее по-

---

[3] Там же. Т. 21. С. 79—80.

нятия, антиномичный объем которых совпадает с объемом проблемы. Для разбираемой проблемы это будут понятия «биологическое» и «социальное», как результаты разных причин, обобщенных в едином целом — биосоциальном; «созревание» и «формирование», также как результаты разных причин, обобщаемые в едином целом — развитии.

Излагая понимание проблемы взаимодействия биологического и социального в личности, надо исходить из следующих предпосылок и иерархии определений исходных понятий.

«Предпосылки, с которых мы начинаем...— писал Маркс,— это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни... предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [4]. Предпосылкой для рассматриваемой проблемы является человек как индивид.

Природное — это существующее и развивающееся в человеке независимо от влияния на него других людей.

Биологическое — это общее по происхождению (гомологичное), хотя и не обязательно тождественное у человека с животными.

Наследственное — это существующее и развивающееся на основе генного фонда его родителей. Оно биологическое, но не все биологическое наследственно. Все наследственное генно обусловлено, но последнее может быть не только наследственным, но и обусловленным изменениями генов индивида в его начальном пренатальном развитии (например, в результате употребления матерью алкоголя). Потому термины «генно обусловленное» и «наследственное» не синонимы, хотя и близки. Оба они связаны с понятием «задатки».

Задатки — это врожденные, обусловленные иногда генным фондом, а иногда пренатальными условиями потенциальные возможности развития большинства анатомических, ряда физиологических и некоторых психических свойств человека, и в частности процессуального в личности.

Широко распространено мнение, что задатки могут быть «только анатомо-физиологическими» [5]. Оно определяется непониманием различия процессуального и содержательного в психике личности и по существу являет-

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 18.

[5] См., напр.: *Крутецкий В. А.* К вопросу о природе способностей; *Сазонтьев Б. А.* Модель равноценной одаренности людей // Матер. конф. по проблеме способностей. М., 1970.

ся замаскированной глубоко ошибочной теорией психофизиологического параллелизма.

Социальное — категория всех наук о человеке. Это все то в человеке, что возникло в нем как члене общества в процессе антропогенеза и истории человечества и возникает в онтогенезе в результате общения с другими людьми. Социальное не всегда совпадает с приобретенным, так как не все приобретенное социально, и в человеке есть социальное не только как прирожденное, т. е. уже имеющееся в момент рождения, но и как врожденное, т. е. то, что в человеке существует на основе его пренатальных свойств.

Развитие человека на основе врожденных, биологических, внутренних для него причин — это его созревание. В результате созревания развиваются биологические свойства организма человека, но и те психические, которые непосредственно от них зависят.

Когда речь идет о животных, то антиномичным понятием «созреванию» является «влияние среды». Но в применении к человеку последнее понятие входит в понятие формирования. Если и не все воздействия среды на современного человека, то большинство их в конечном счете социальны, хотя далеко не всегда целенаправленны.

Определив эти исходные понятия, включим их в описанный в § 1 гл. V системно-структурный анализ человека. На первом его этапе в рассматриваемом случае этой целостностью, как эмпирически нам данной предпосылкой, будет человек, который с равным правом в дальнейшем может приниматься и как индивид, и как родовое понятие.

К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о человеке как индивиде, продолжая приведенное выше высказывание о человеке как предпосылке дальнейших исследований, писали: «Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию,— телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [6]. Это положение ни у кого не вызовет разного понимания применительно к организму человека. Значительно сложнее обстоит дело с пониманием его применения к личности.

Довольно широко распространенное понимание биологического и социального в человеке по признаку: организм биологичен, личность социальна — неточно. Организм че-

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 19.

ловека в основном, конечно, биологичен, но все же не только биологичен. Еще Энгельс показал значение труда как социального явления для образования кисти руки человека. О социальном в организме человека писал Ленин: «Разделение труда в капиталистической мануфактуре ведет к уродованию и калечению рабочего ... Появляются виртуозы и калеки разделения труда, первые — как редкостные единицы, возбуждающие изумление исследователей; вторые — как массовое появление „кустарей" слабогрудных, с непомерно развитыми руками, с „односторонней горбатостью" и т. д. и т. д.» [7]. Вряд ли возможно более яркое описание социальных изменений организма. Но надо отметить, что единично они могут проявиться и в условиях социализма, и именно потому понятия «техника безопасности и промышленная санитария», как и «оздоровление труда», не отмирают и никогда не отомрут, хотя все более принимают форму профилактики.

Итак, все сказанное относится ко всем подструктурам организма, взятого как целое. Их обычно называют системами организма: опорной, двигательной, нервной, сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, эндокринной и выделительной. В этом перечне они расположены в порядке убывания роли социальных влияний на их материальные (морфологические) и функциональные качества. Однако этот порядок не абсолютен, так как влияние социальных воздействий на отдельные системы организма может быть не только прямым, но и косвенным.

Изменения опорной и двигательной системы организма под влиянием социальных условий, описанные выше словами В. И. Ленина,— это прямые изменения, как профессиональная патология в виде плоскостопия и расширения вен нижних конечностей при работе, связанной с длительным стоянием, близорукость часовщиков и корректоров, заболевания связок — «узелки певцов», пневмокониозы и силикозы у работающих при повышенной запыленности и т. д.,— все это прямые социальные влияния на различные системы организма.

Значительно более сложны косвенные, так называемые психосоматические явления. Они были предметом обсуждения на специальном симпозиуме, на котором речь шла о механизмах психосоматических, в большинстве случаев

---

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 430.

социальных влияний на организм[8]. Понятно, что к этой же группе социальных влияний на организм относится и психотерапия, в частности гипнотерапия и аутогенная тренировка (которую правильнее назвать психосоматической тренировкой). Поскольку же эти социальные суггестивные влияния в той или иной степени изменяют все системы организма, эти изменения организма также отчетливо демонстрируют его социально обусловленные свойства. А это в контексте разбираемой проблемы показывает неточность первой части тезиса: организм человека биологичен, личность социальна.

2. Взаимодействие процессуального и содержательного в личности

На предыдущих страницах книги не раз применялись понятия «процессуальное» и «содержательное». Настало время остановиться на них более подробно.

Понятие «процессуальное», как свойство психического, принадлежит С. Л. Рубинштейну, и в частности развивалось им весьма глубоко на ряде страниц его основной монографии[9]. В качестве синонима этого термина обычно применяют выражение «психологические механизмы», хотя употребление его некорректно.

Механизм — объект изучения механики, которая является разделом физики и изучает движение. Психические явления, будучи продуктом физиологических явлений (имеющих физиологические механизмы), имея своим продуктом социальные явления (также имеющие механизмы социальных движений), отражают явления, существующие в пространстве и времени, но сами существуют только во времени, объективируясь в пространстве. Поэтому, не имея пространственного измерения, психические явления не имеют своих механизмов, хотя порождаются механизмами (физиологическими) и порождают механизмы (социальные). Корректным синонимом выражения «психологические механизмы» и является научный термин «процессуальное» в психике.

---

[8] См.: *Платонов К. К.* Личностный подход в понимании психосоматических взаимодействий // Роль психологического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. М., 1972. С. 47—55.

[9] См.: *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 4, 38—42, 215—219, 255—264, 318—319.

Процессуальное в психике — это все то, что, как отражающая система, обеспечивает появление субъективного переживания, образа или отношения и тем осуществляет скачок от физиологического отражения к психическому. Понять процессуальное в психическом явлении — это ответить на вопрос, как, каким образом оно стало отраженным.

Процессуальное в психике личности, также некорректно, иногда называют «индивидным», о чем речь шла в предыдущем параграфе. Еще менее удачен также применяемый без его объяснения термин «формально-динамичное». Но само это обилие синонимов подтверждает наличие психических явлений (или их компонентов), которые должны быть противопоставлены содержательным.

Содержательное в любом психическом явлении и в личности в целом — это результат процессуального как единство отраженного с отражаемым (сиюминутно или в прошлом), закрепленное памятью. Отвечая на вопрос: «Что отражено?» — и определяя единство субъективного — отраженного с объективным — отражаемым, содержательное и в любом психическом явлении, и в личности в целом — всегда приобретено в личном опыте. В динамической функциональной структуре личности оно определяет уровень ее развития и ее индивидуальную неповторимость.

Поскольку личный опыт человека приобретается им в общении с другими людьми и социален, содержательное в личности в основном социально. К содержательному полностью относится утверждение об отсутствии задатков, наследственности и врожденности. Но эти утверждения нельзя, как это иногда делается, распространять на все психическое, а следовательно, и на все процессуальное в личности.

Процессуальное в значительной мере, хотя и далеко не полностью, генно обусловлено. Примерами этого является механическая память, эмоциональная возбудимость, психомоторная подвижность или инертность и координация, легкость образования ассоциаций, устойчивость внимания. Это не значит, что процессуальное не меняется под влиянием социального развития и что многое содержательное не становится при развитии личности процессуальным. Примером последнего является ассоциативная память, апперцепция, нравственно-правовые способности, призвания, интересы, убеждения и вообще все особенности направленности личности, хотя вместе с тем почти все в

этих психических явлениях остается содержательным. Поэтому в процессуальном необходимо различать «врожденно-процессуальное» и «приобретенно-процессуальное».

Взаимодействие содержательного и процессуального — это свойство всех форм психического отражения. И только их. Потребности как отражения нужды и пусковые толчки к возникновению соответствующей каждой из них формы отражения имеют только процессуальный аспект. Содержательное в любой потребности это содержание той формы отражения, которую она вызвала и усилила, включившись в ее процессуальную структуру. Сказанное относится и к вниманию. Оно, организуя формы отражения, включается в их содержательные структуры и усиливает ясность их субъективного содержательного.

Итак, при всем значении проблемы биологического и социального в человеке и в личности, ее приходится признать все же более исторически отягощенной, чем логически неясной. Эту ясность в нее вносят два производных от ленинской теории отражения понятия: процессуальное и содержательное, определяемые двумя сторонами каждого психического явления, и личности в целом. И процессуальное, и содержательное — это качества любого, именно психического процесса. Потому процессуальное, обычно называемое «психологическими механизмами» и отвечающее на вопрос, как, в какой форме отражено, отнюдь не тождественно «физиологическим механизмам».

Психологические структуры сознания, личности и деятельности, являющиеся подструктурами единой психологической структуры — психики человека, представляют собой процессуальные стороны психики человека. Индивидуальные (и тем более сиюминутные) структуры наполнены индивидуальным содержанием, отвечающим на вопрос,— что отражено. Потому эти индивидуальные структуры неповторимы.

Сказанное заставляет признать бесспорно правильной формулировку академика Н. Т. Дубинина: «Никаких генов для духовного содержания человека не существует, черты человеческой психики формируются с помощью общественно-практической деятельности людей» [10] — только в ее первой части, где речь идет о содержательном в психике. Поскольку «черты человеческой психики» включают в себя не только содержательное, но и процессуаль-

---

[10] *Дубинин Н. Т.* Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 68.

ное, вторая часть его формулировки не столь безоговорочна.

Генетической обусловленности процессуального и изменяющегося под влиянием физической и социальной среды, генетикам надо бы уделить большее внимание, чем пока уделяется.

* * *

В заключение главы в целом уместно напомнить слова Б. М. Кедрова, сказанные им на заседании Круглого стола журнала «Вопросы философии», посвященного обсуждению той же проблемы, которой посвящена и эта глава.

«Оценивая две полярности — социальную и биологическую, нельзя сказать, что в том случае, когда человек стоит на марксистских позициях, он обязательно будет подчеркивать социальный фактор. Можно подчеркивать социальный фактор и не стоять на позициях марксизма и, наоборот, подчеркивать природные факторы и стоять на позициях марксизма» [11]. Забвение этого положения мешает творческому развитию теории личности и практическому ее применению.

* * *

Заканчивая первую часть книги, можно утверждать, что излагаемая концепция личности, опирающаяся на ленинскую теорию отражения и обобщившая ряд относительных истин о сущности личности, уже полученных советской психологией, заслуживает дальнейшего рассмотрения в качестве основы практического изучения и формирования конкретных личностей.

Этому и будет посвящена вторая часть книги, не только опирающаяся на теоретические положения первой, но и обосновывающая и дополняющая их.

---

[11] Социальные и биологические факторы развития человека // Вопр. философии. 1972. № 9. С. 114.

Часть вторая

ОБ ИЗУЧЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Глава десятая

ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ПСИХОДИАГНОСТИКИ

1. Сущность и задачи психодиагностики

Психолог-теоретик, если он марксист, не может довольствоваться только пониманием и объяснением сущности личности. Он пытается и сам понять, и другим объяснить, как надо не только изучать личность, но и изменять ее. Тем более это важно для практика, который, чтобы полноценно руководить личностью и формировать ее, должен понимать ее сущность. Сказанное обосновывает, почему эта книга, написанная как для теоретиков, так и для практиков, содержит эту вторую часть.

Изучение личности не самоцель, а средство, обеспечивающее эффективное руководство ею и ее эффективное формирование. В его основе лежит методологическое требование, которое широко известно в одной из его формулировок, принадлежащих К. Д. Ушинскому. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [1],— писал он в 1868 г. в книге «Человек как предмет воспитания». Значительно менее известно, что за два года до этого, в 1866 г., К. Маркс написал в «Инструкции делегатам временного центрального Совета по отдельным вопросам» это же указание в более четкой и общей его формулировке: «Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать» [2].

Исходя из понимания науки как системы не только теорий, но и методов, им подчиненных, их проверяющих и углубляющих, а потом передаваемых практике, психодиагностику надо рассматривать как одну из психологи-

[1] *Ушинский К. Д.* Собр. соч. М., 1950. Т. 8. С. 23.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 195.

ческих наук. Это наука об определении свойств и особенностей психических явлений по их признакам. Доминирующее место среди этих явлений занимают свойства личности.

Поскольку все психические явления исчерпываются нормой и патологией психических процессов, состояний и свойств личности, все явления, означенные этими тремя категориями,— это объекты психодиагностики. Но, поскольку каждое психическое явление обладает практически необозримым числом свойств и особенностей, психодиагностика всегда изучает и определяет их применительно к четко поставленным целям, конкретизирующим объем каждого изучаемого понятия [3].

Уже имеется немало содержательных работ, освещающих различные стороны связи психодиагностики и педагогики, и ей посвящено уже немало работ [4]. Особое значение психодиагностика имеет в профессиональной педагогике, поскольку данные психодиагностики ее интересуют не только для личностного подхода при обучении знаниям, но и для обучения профессиональным навыкам. Ведь не случайно последние более тонко и более дифференцированно связаны с проблемой способностей. Однако должного развития там она еще не нашла. Зато она четко оформилась применительно к аттестации инженеров в работах Э. С. Чугуновой, Н. А. Викторова и И. В. Фаустовой [5].

---

[3] Вопросы диагностики психического развития // Тез. симпозиума. Таллин, 1974; Психодиагностика в школе. Таллин, 1980.

[4] *Гуревич К. М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М., 1970; *Он же.* Тесты интеллекта в психологии // Вопр. психологии. 1980. № 2. С. 53—64; *Он же.* Проблемы современной психологической диагностики // Психологическая диагностика: Пробл. и исслед. М., 1981; *Он же.* Современная психологическая диагностика: пути развития // Вопр. психологии. 1982. № 1. С. 9—18; *Гильбух Ю. З.* Психологические проблемы прогнозирования академической и профессиональной успеваемости молодежи, поступающей в вузы // Прогнозирование развития школы и педагогической науки. М., 1974. С. 287—294; Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов. Л., 1976; Профконсультационная работа со старшеклассниками. Киев, 1980.

[5] См.: *Чугунова Э. С.* Социально-психологические характеристики творческой активности инженеров в НИИ и КБ // Научный сотрудник и научный коллектив как объекты социологического исследования. М., 1982. С. 127—141; *Викторов Н. А., Чугунова Э. С.* Социально-психологические проблемы диагностики инженерных кадров в автоматизированных системах управления разрабатывающих предприятий (АСУРП) // Психол. журн. 1983, № 4. С. 87—95.

Без психодиагностики не могут обойтись юридические науки. Учет мотивации преступных действий и личности преступника необходим при уточнении приговора в пределах, предусмотренных соответствующими статьями как гражданского, так и уголовного кодекса. А это ведь и является одной из задач психодиагностики, хотя и выходящей за рамки трудовой экспертизы, но небезразличной для нее. Здесь можно согласиться с мнением А. М. Ларина, что переломным моментом в истории судебно-психологической экспертизы «следует признать издание в 1977 г. книги М. М. Коченова» [6]. Вместе с тем, высоко оценивая этап развития как юридической психологии, так и психодиагностики и психологической экспертизы в целом, связанной с книгой М. М. Коченова [7], все же надо уточнить, что этот переломный момент в истории юридической психологии в целом был определен выходом в свет книги А. Р. Ратинова [8].

Психодиагностика своей неотъемлемой частью имеет психопрогностику как прогнозирование особенностей деятельности психодиагностированных личностей и установление специфических для определенной профессиональной деятельности типичных синдромов неуспеваемости.

Синдром неуспеваемости — это структура взаимосвязанных профессиональных ошибочных действий, закономерно связанных с соответствующими им особенностями психопрогнозируемых личностей.

Результаты психодиагностирования оформляются в виде прогноза, который может быть либо общим, ближайшим и пассивным, предсказывающим только, как человек будет в ближайшее время работать по такой-то профессии, либо структурным, т. е. отмечающим у данного свидетельствуемого проявление определенной структуры неспособности, определяющей вероятность появления у него определенного синдрома неуспеваемости; возможно, более отдаленным — отмечающим динамику ожидаемых изменений личности; активным, т. е. содержащим рекомендации мероприятий, нацеленных на формирование недостаточно развитых способностей и профилактику ожидаемого синдрома неуспеваемости. Он, как и психодиаг-

---

[6] *Ларин А. М.* К вопросу о внедрении судебно-психологической экспертизы в практику судопроизводства // Вопросы судебно-психологической экспертизы. М., 1978. С. 21.

[7] *Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.

[8] *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967.

ностика в целом, по возможности должен оценивать не только отдельные психические функции, но и личность в целом с учетом всего сказанного в предыдущих главах.

Итак, психодиагностика в ее единстве с психопрогностикой — это основной выход любой теории личности в практику большого числа наук: педагогики, медицины, юридических и военных наук и т. д. Вместе с тем это основная причина все более четко проявляющегося процесса, получившего в последнее время название «психологизация ряда наук». Это социальное требование побуждает психологию уделять все большее внимание четкости и практической значимости ее теории личности.

Основным принципом психодиагностики (а следовательно, и психопрогностики) является подчинение ее общепсихологическим принципам, которым подчинена теория личности и ее изучение. Им будут посвящены следующие параграфы этой главы.

2. Общее и особенное в принципах психодиагностики

Принцип в логике — это основное положение, исходный пункт, предпосылка какой-либо теории, концепции. Принцип психологии — это кратко сформулированная теория, подытоживающая прошлый ее опыт, проверенный практикой и временем, и не имеющая контрфактов, ставшая исходным положением для дальнейших исследований. Они, как и вообще все принципы науки, взаимосвязаны друг с другом и, конечно, не могут друг другу противоречить. Они не изобретаются, а открываются в уже накопленном опыте психологии по соотнесении его с опытом смежных наук, и прежде всего с философией диалектического материализма. Законы диалектики для психологии — это ее всеобщие принципы. Принципы же психологии — это ее наиболее всеобщие законы.

Принципы психологии расположены не в случайном, а в иерархическом порядке: принцип детерминизма, развития, психики, общественно-исторической обусловленности развития сознания, историзма, структурности, единства личности, сознания и деятельности, личностного подхода, иерархии.

Эти принципы, являясь принципами общей психологии, распространяются на все психологические науки и отрасли, в том числе и на теорию личности, являясь общими принципами ее изучения. Но существуют и ее осо-

бенные, специально для этой цели понятные и сформулированные и уточненные принципы.

Принципы изучения личности впервые были опубликованы применительно к изучению курсантов авиационных училищ [9]. В ней были особо выделены и раскрыты следующие принципы: принцип объективности изучения; принцип изучения в деятельности; принцип целенаправленности изучения; принцип динамичности изучения; принцип комплектности изучения.

В дальнейшем эти принципы применительно к целям медицинской психологии были сформулированы несколько иначе: принцип единства личности и сознания; принцип единства личности и деятельности; принцип структурности личности; принцип динамизма личности; принцип компенсационности личности [10].

На современном уровне теории личности основные принципы изучения личности могут быть сформулированы так.

1. Принцип целенаправленности изучения личности. Своеобразие, неповторимость личностей требует в первую очередь индивидуального изучения для нахождения личностных особенностей и понимания того, что и зачем изучается у каждого конкретного человека. Главная цель изучения личности — выявить то положительное, что свойственно ей, ибо только через опору и дальнейшее развитие полезных, позитивных качеств личности происходит как гражданское возмужание, так и профессиональное совершенствование личности [11].

2. Принцип изучения единства личности, сознания и деятельности опирается на сказанное выше, и кратко он может быть сформулирован так: личность, как носитель сознания, вместе с ним и проявляется, и формируется в деятельности. Он вытекает из положения Ленина: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его ... т. е. что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [12].

3. Принцип комплексности изучения требует сопоставления всех данных, получаемых при изучении личных

[9] *Платонов К. К.* Основные принципы и методы изучения личных качеств курсантов // Медицина на воздушном транспорте. М., 1949. С. 56—65.

[10] См.: *Платонов К. К.* Проблема личности в медицине // Философские и социальные проблемы медицины. М., 1966. С. 227—242.

[11] Подробней см.: *Макаренко А. С.* Восприятие гражданина. М., 1968.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194, 195.

качеств человека, проявляющихся в различных видах его деятельности. Чем в больших видах деятельности и видах общения с другими людьми изучен человек, тем глубже и лучше он изучен. Но никто один не может изучить другого в различных видах его деятельности, потому собственное наблюдение каждый должен дополнять сведениями, полученными от других. На этом и основывается метод обобщения независимых характеристик, о котором пойдет речь в следующей главе.

4. Принцип объективности изучения. Любые данные, полученные при однократном их выявлении, позволяют только предположить наличие тех или иных особенностей и обязательно требуют дальнейшей проверки. Нет худшей ошибки, чем поспешный необъективный вывод. Принцип объективности требует взаимопроверки данных, получаемых различными путями (в ходе дополнительных наблюдений, бесед с учетом мнений других лиц). Нужно строго разделять предположения и убеждения о качествах человека, причем убеждения должны опираться на неопровержимые факты.

5. Принцип динамичности изучения. Личные качества человека не остаются неизменными, они более или менее быстро меняются в процессе его деятельности и под влиянием воспитания и самовоспитания. В одних случаях этот процесс идет легко и скоро, в других — медленно и трудно. Поэтому неоднократные наблюдения психологических качеств у изучаемого лица недостаточны, а иногда и неверны. Данные, полученные в настоящий момент, следует сопоставить с прежними наблюдениями; сравнивать со сведениями о личности, полученными в процессе воспитания. Надо стараться разбираться в истории развития личности.

Но динамичность изучения не сводится только к учету особенностей развития личности под влиянием воспитания. Любая производственная деятельность может протекать в усложненных условиях, вызванных вынужденным быстрым темпом работы, эмоциональным фоном деятельности в усложненных, вплоть до экстремальных, условиях. Некоторые личные качества, изученные в благоприятной, спокойной, обычной обстановке работы, могут оказаться совершенно несвойственными этому же человеку в неблагоприятных условиях. Поэтому каждое свойство личности должно анализироваться и оцениваться по степени его выраженности в настоящее время; изменению по сравнению с прошлым; устойчивости при про-

явлении его в усложненных условиях, тенденции к дальнейшему развитию.

6. Принцип изучения структуры. На него опирается понимание динамической функциональной структуры личности, о которой уже шла речь в гл. VI.

Принципам личностного подхода и иерархии будут посвящены следующие параграфы.

Итак, приведенные формулировки систем принципов, не отрицая друг друга, показывают, что при постановке различных задач и решении их в разных условиях на первое место ставятся различные принципы, которые к тому же могут и несколько различно формулироваться. Два последних из приведенных принципов требуют особого и более подробного изложения, потому что они еще не общепризнаны и были сформулированы автором этой книги.

3. Личностный подход как принцип психологии

Слова «личностный подход» сейчас все чаще и чаще можно слышать не только от психологов, но и от педагогов, врачей и социологов. Иногда это только модная формулировка старого и давно уже оправдавшего себя индивидуального подхода как одного из основных принципов педагогики. Но чаще эти слова подразумевают новый принцип психологии, получающий сейчас все более широкое признание после опубликования его истории становления и формулировки [13].

Значение этого вопроса возрастает в связи с тем, что в последнее время получает широкое распространение понятие «индивидуальность», которое иногда рядополагается с личностью, а иногда же ставится выше ее, о чем речь шла в § 1 гл. III.

О личностном подходе, пожалуй, впервые в истории отечественной психологии сказал В. М. Бехтерев. В речи на Международном съезде врачей в Амстердаме (1907 г.) он сформулировал тезис, по-новому прозвучавший в мировой психологии и не устаревший поныне: «Если мы будем подвергать несколько лиц определенным экспериментам,— сказал он,— то окажется, что каждое лицо даст свои особые результаты, вытекающие из особенностей его личности. Иначе говоря, при совершенно одинаковых

[13] См.: *Платонов К. К.* Личностный подход как принцип психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 190—217.

внешних условиях различные лица будут испытывать неодинаковые переживания, что с некоторым сожалением отмечается психологами, как обстоятельство, затрудняющее перенесение результатов, полученных при исследованиях одного лица на другое».

Большая заслуга в развитии личностного подхода принадлежала К. Н. Корнилову. «Марксистская психология рассматривает каждого человека, как вариацию определенного класса. Вот почему в изучении поведения людей мы должны идти не от индивидуальной психологии к социальной, а обратным путем: от социальной, классовой психологии к профессиональной, групповой и, наконец, уже к индивидуальной психологии»,— говорил он [14]. Понятно, что этим путем можно было идти только с позиций личностного подхода.

Но наиболее глубоко сущность личностного подхода понял С. Л. Рубинштейн, сформулировав свой, теперь уже общепризнанный тезис «внешнее через внутреннее». Напомним его. «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия ... Все в психологии формирующейся личности так или иначе обусловлено внешне, но ничто в ее развитии не выводится непосредственно из внешних воздействий ... Внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств» [15].

В дальнейшем личностный подход был понят, показан и сформулирован как принцип советской психологии, заключающийся в понимании личности как воедино связанной совокупности внутренних условий, которыми и является структура ее свойств, качеств и особенностей, через которые преломляются все внешние воздействия.

В соответствии с личностным подходом ни одно психическое явление (будь то процесс, состояние или свойство личности), проявляющееся в деятельности (а следовательно, и сама эта деятельность, и ее элементы — действия и поступки), не могут быть правильно поняты без учета этой личностной их преломленности.

Концепция динамической функциональной структуры личности наиболее соответствует принципу личностного

---

[14] *Корнилов К. Н.* Современная психология и марксизм. Л., 1924. С. 75.

[15] *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 308, 315, 226.

подхода и помогает осуществлять его в различных областях практики [16]. Но этот принцип «работает» и с позиций любой другой концепции личности, развиваемой советскими психологами.

Давно уже понятый и сформулированный как принцип педагогики индивидуальный подход кратко может быть определен как обязательный учет конкретных индивидуальных особенностей, присущих данному учащемуся в данных условиях. Индивидуальный подход включает учет не только психических, но и соматических качеств человека. Так, сажая более низких по росту учащихся на первые парты, педагог осуществляет индивидуальный подход. При этом надо помнить, что индивидуальный подход в отличие от личностного возможен не только к человеку, но и к животному. Более того, ветеринария и дрессировка животных так же невозможны без индивидуального подхода, как и медицина и педагогика.

Но сказанное не означает, что личностный подход к человеку равнозначен учету его индивидуально-психологических особенностей и везде, где имеет место учет последних, имеет место и личностный подход. Психотехнические обследования 20-х годов учитывали индивидуально-психологические свойства и, следовательно, индивидуальные особенности отдельных свойств личности. Но они были весьма далеки от личностного подхода к обследуемому, так как весьма мало учитывали его личностные свойства в целом. Об этом весьма своевременно напомнить сейчас, поскольку в связи с возросшим интересом к психологическому отбору и тестам уже отчетливо намечается тенденция к воскрешению старых ошибок и к игнорированию или только к формальному декларированию личностного подхода.

Итак, принцип личностного подхода допускает иногда сознательный отказ от него и оценку изолированного психического явления (психической функции, процесса

---

[16] См., напр.: *Иванова И. И., Платонов К. К.* Личностный подход как методологический принцип психологического изучения больного // Психологические методы исследования в клинике. Л., 1967. С. 12—15; *Платонов К. К.* Личностный подход в профориентации // Проблемы профориентации и профконсультации в школе. М., 1969. С. 138—140; *Он же.* Личностный подход к проблеме безопасности движения. М., 1969. С. 33—34; *Он же.* Личностный подход в понимании психосоматических взаимодействий // Роль психического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. М., 1972. С. 47—55.

и т. д.), но и при их изолированном изучении он никогда не допускает игнорирования личности в целом.

Сказанное раскрывает теоретическое различие и практическую общность применения индивидуального подхода (как более общего) и личностного (как более существенного). Однако при всей их практической общности их теоретическое различие не позволяет индивидуальным подходом подменять личностный подход.

4. Принцип иерархии в психологии личности

Есть принципы психологии, непосредственно заимствованные из диалектического материализма, конкретизирующиеся для психологии в целом, и единичные, уточняющиеся для ее отдельных проблем и теорий. Именно так в психологии конкретизированы принципы детерминизма и развития.

Есть принципы психологии, определяемые сущностью самой психологии, как это было показано в предыдущем параграфе при обосновании и формулировке принципа личностного подхода. Но есть и третий вид принципов психологии, также спонтанно возникающих в самой психологии и формулируемых как принципы под влиянием опыта смежных наук и практики. К ним и относится принцип иерархии.

Само слово «иерархия» греческого происхождения. «Иерархия — порядок подчинения низших (чинов, должностей и т. п.) высшим» [17]. Понятие — иерархическое деление классов давно уже вошло в логику. Оно определяется там как «последовательное деление классов на подчиненные им классы», как пишет Н. И. Кондаков и дает пример: «Формация, общественно-экономическая формация, антагонистические формации, капитализм, монополистический капитализм, английский монополистический капитализм». Эти два понятия, «иерархическая лестница» и «иерархические классы», так же как и понятие «субординация», удобны для пользования и в психологии.

В последние годы понятие «иерархия» включено в теорию систем и в кибернетику. Так, в статье, включенной в «Энциклопедию кибернетики», дается определение «Иерархические системы управления (ИСУ) — системы произвольной природы (технические, экономические, био-

---

[17] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1971. С. 166.

логические, социальные) и назначения, имеющие многоуровневую структуру в функциональном, организационном или каком-либо ином плане»[18]. Однако в этом определении обращает на себя внимание, что между биологическими и социальными иерархическими системами явно упущены психологические. Вместе с тем понятие иерархии в психологии давно уже используется, хотя первая работа, рассматривающая ее как принцип психологии, появилась относительно недавно[19], после чего в психологический обиход вошла формулировка «принцип иерархии».

Сказанное может быть обобщено в следующее определение: принцип иерархии в психологии — это психологическая теория, которая учит рассматривать психические феномены как ступени иерархических лестниц, в которых низшие ступени субординированы (т. е. подчинены и управляются) высшими и высшие, включая в себя низшие и опираясь на них, не сводятся к их сумме, так как переходы от ступени к ступени осуществляются как скачки на основе появления новых системных качеств.

Четыре подструктуры личности, являющиеся ее иерархическими уровнями, связаны между собой последовательными субординационными связями и функцией регулирования верхними уровнями — низших. Их последовательность не случайна, а закономерна, что наиболее убедительно демонстрирует значение принципа иерархии для понимания личности. Это может быть продемонстрировано на примерах двух параметров из многих.

Во-первых, здесь существует очень четкая последовательность возрастания степени социализации подструктур по мере перехода от низших к высшим, что было показано в гл. 9. Об иерархии второго параметра из ряда параметров этой иерархической лестницы — о закономерных видах формирования различных подструктур личности будет сказано в гл. XII.

Принцип иерархии распространяется и на иерархию психологических категорий, расположенных в силу отражения ими иерархии категориальных психических явлений также не в случайном, а в строго упорядоченном ряду. Об этом речь уже шла выше, но их иерархию уместно повторить и здесь: психика как психическое отражение; формы психического отражения; психические явле-

[18] Энциклопедия кибернетики. Киев, 1974. Т. 1. С. 345.
[19] См.: *Платонов К. К.* Принцип иерархии в психологии // Проблемы психологического воздействия. Иваново, 1978. С. 30—49.

ния; сознание; личность; деятельность; развитие психики.

Итак, принцип иерархии в психологии требует рассматривать все психические феномены как ступени, включенные в иерархическкую лестницу, в которой нижние ступени субординированы высшими, а высшие, включая в себя низшие в измененном, но не устраненном виде и опираясь на них, к ним не сводятся; переходы от ступени к ступени, осуществляясь скачками, приводят к появлению системных качеств.

Принцип иерархии, заимствованный психологией из других наук, оказался адекватным реально существующей иерархии если не всех, то большинства психических явлений, и прежде всего структуры личности.

* * *

Психодиагностика с позиции принципа личностного подхода является практическим выражением и частью теории личности. Она позволяет глубже проникать в сущность изучаемых как отдельных психических явлений, так и личности в целом.

Глава одиннадцатая

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

1. Методология методов изучения личности

Начиная эту главу, необходимо напомнить о двуединой задаче этой книги: теоретически обосновать развиваемую в ней концепцию личности и оказать помощь ее практическому использованию теми, для кого личность является объектом изучения, управления и формирования. В задачу книги, и этой главы в частности, не входит всесторонний анализ или описание всех методов изучения личности. Она должна показать только то, что в теории и в методологии методов психологии связано с излагаемой концепцией личности и теорией отражения.

Хотя слово «метод» происходит от греческого méthodos, означавшего и «путь», и «исследование», им давно обозначили способ исследования в целях познания объекта, в данном случае — личности, или способ целенаправленного изменения объекта. В системе понятий теории отражения метод, как и отражающая система, находится между отражаемым и отраженным и является способом орга-

низации и улучшения отражающей системы в целях лучшего познания того, что познается, или лучшего воздействия на объект. В соответствии со сказанным в психологии личности различают методы ее исследования как познания и методы ее формирования. В этой главе речь идет о первых, вторые будут рассмотрены в гл. XIII.

О значении метода для результата исследования лучше всего напомнить меткие слова И. П. Павлова, сказанные им в 1911 г.: «Метод — самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследований. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных» [1]. В другом месте он говорил: «... наука движется толчками в зависимости от успехов, делаемых методикой» [2]. Эти два высказывания И. П. Павлова, отлично знавшего греческий язык, позволяют глубже уточнить, почему он в первом случае говорил «метод», а во втором — «методика», не смешивая эти понятия, что нередко имеет место.

Методика — это совокупность способов целесообразного проведения какой-либо работы, в частности исследования, о чем И. П. Павлов говорил во втором высказывании. Методика изучения особенностей личности не только может, но и должна опираться на ряд методов, обобщая их результаты. Но, придавая такое большое значение методу, и тем более методике, И. П. Павлов вместе с тем настойчиво подчеркивал значение теории. «Не превращайтесь в архивариусов фактов»,— писал он в письме молодежи [3], тем солидаризируясь с К. А. Тимирязевым, также говорившим, что «истинный ученый ... не должен сводить науку на голую регистрацию фактов» [4]. Ведь факт, пока не раскрыта его сущность и связи, включающие его в систему других фактов, научно не познан. Для доказательства этого достаточно напомнить формулировку Маркса, данную им в «Капитале»: «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [5].

---

[1] *Павлов И. П.* Соч. М. 1952. Т. 5. С. 26.
[2] Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 22.
[3] Там же. Т. 1. С. 22—23.
[4] *Тимирязев К. А.* Исторический метод в биологии. М., 1922. С. 55.
[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 384.

В психологии личности, как и в большинстве других наук, факты получаются двумя основными методами: наблюдениями и экспериментами (или, что то же самое, опытами). И. П. Павлов еще в 1889 г. указал на предельно четкое формальное их различие: «Наблюдение собирает то, что ему предлагает природа, опыт же берет у природы то, что он хочет» [6]. Добавить здесь можно только к слову природа — «и общество» и напомнить, что наблюдение может быть не только визуальное, но и аудиальное при опросе.

С позиций теории отражения познавательная сила эксперимента — в активном изменении взаимодействия как связей отражаемой системы с отражаемой средой, так и связей элементов самой этой системы. Именно это изменение связей позволяет разносторонней и, следовательно, глубже познать отражаемое. Правильно задуманный и поставленный эксперимент всегда является моделью, сравнимой с основной отражаемой системой, моделью, специально ослабляющей несущественные и оставляющей неизменными или даже усиливающей существенные элементы отражаемой системы. Это отчетливо проявляется в методе беседы, отличающейся от опроса (интервью) экспериментальной направленностью. Фиксация психических явлений, будь то в условиях наблюдения или эксперимента, взаимосвязана с их измерением, психомоторикой.

Измерение — это, как известно, метод познания величины чего-либо путем сравнения с величиной, принятой за меру. Маркс, по свидетельству Лафарга, считал, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой» [7]. Эти слова применимы и к психологии, но при этом сразу же необходимо предостеречь от той ошибки, о которой лучше всего сказать словами Е. С. Венцель: «Перед нами все время проходит громадное число работ, которые страдают одной и той же особенностью: грамотно и правильно примененный аппарат и наряду с ним — совершенно произвольная, неубедительная постановка задачи» [8]. Эта ошибка в психологии личности определяется забвением того, что свойства личности, как субъективные явления, имеют протяженность только во времени и не дискретны.

С точки зрения теории отражения можно установить

[6] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 274.
[7] *Лафарг П.* Воспоминания о Марксе. М., 1967. С. 11.
[8] Исследование операций: Методол. аспект. М., 1972. С. 107.

следующую иерархию методов изучения личности: наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент.

Главным методологическим требованием к любому методу является то, что он всегда вырастал из определенной теории, которую он должен проверить, подкрепить, уточнить или опровергнуть. Как правило, связь метода с теорией осуществляется осознанно создателем этого конкретного метода или его модификации. Но часто, и это очень плохо, методы из одной теории переносятся в другую, которой они, при более их глубоком рассмотрении, противоречат.

Эти ошибки обычно являются примерами того, «как старые, удобные, приспособленные к прежней обычной практике методы переносятся в другие отрасли знания, где они оказываются тормозом» [9].

Метод не обязательно должен соответствовать всем принципам, но он не должен ни одному из них противоречить. Так однократное исследование одной-двух психических функций не соответствует ни принципу развития, ни принципу личностного подхода, но и не противоречит им, если не имеет цели оценить личность в целом. Оценка же личности только на основе ее самооценки противоречит принципу единства личности и деятельности. Ее оценка только на основе методов изучения типологических свойств или только отношений противоречит как принципу структурности, включающему в себя понятие целостности, так и принципу иерархии.

Это, конечно, не означает, что методы самооценки, изучения темперамента или отношений личности должны быть исключены из арсенала психологических методов. Но это говорит о том, что для изучения психологии личности в целом нужен широкий комплекс взаимодополняющих, взаимоуточняющих и взаимопроверяющих методов, отражающих все ее подструктуры.

Итак, психологические методы изучения личности, будучи путями познания сущности этого психического явления, тем самым взаимосвязаны с двумя системами феноменов психического отражения: с отражающей (познающей) и с отражаемой (познаваемой) системами. Понимание их с позиций теории отражения позволяет глубже проникнуть в сущность различных особенностей личности, которые эти методы моделируют.

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 608.

Основным требованием к методам изучения личности является необходимость их соответствия принятой марксистской психологией теории личности. Любые попытки «адаптации» методов, построенных на основе неприемлемых для марксистской психологии теорий личности, заводят исследователя в тупик.

2. О тестах и тестировании

Вокруг вопроса методологии тестов до сих пор продолжаются споры. Вместе с тем тесты все более широко применяются в практике изучения личностей в целях психодиагностики, поэтому на этом вопросе нельзя не остановиться.

Рождение тестов по времени совпало с рождением экспериментальной психологии. Как известно, в 1861 г. Вильгельмом Вундтом (1832—1920) был сконструирован первый прибор для исследования психических функций, а в 1879 г. им в Лейпцигском университете организуется первая экспериментально-психологическая лаборатория, вскоре преобразованная в институт.

Английский антрополог и психолог Френсис Гальтон (1822—1911), младший двоюродный брат Чарльза Дарвина, автор нашумевшей книги «Наследственность таланта, ее законы и последствия» (1896), первым назвал испытания, проводившиеся в его лаборатории, умственными тестами (test — по-английски проба, испытание). В послесловии к статье американского психолога Джемса Кеттела (1860—1944), работавшего в лаборатории у Вундта и вдохновленного его идеями, Гальтон писал, что психология не может стать прочной и точной, как физические науки, если не будет основываться на эксперименте и измерении. Определенный шаг в этом направлении может быть сделан путем применения к большому числу индивидов серии умственных тестов. Результаты могут иметь значительную научную ценность в открытии постоянства психических процессов, их взаимозависимости и изменении в различных обстоятельствах.

50 тестов, предложенных Д. Кеттелом в статье «Умственные тесты и измерения» в качестве образцов, начали более чем полувековое победное шествие по миру. Уже в 1895—1896 гг. в США были созданы два национальных комитета, призванных объединить усилия тестологов в общем направлении. Особое распространение тесты получили после 1905 г., когда французский психолог Альфред

Бине (1857—1911) вместе с Т. Симоном разработал серию тестов для испытания одаренности детей, а Г. Мюнстерберг разработал в 1910 г. серии тестов для профессионального отбора.

Вскоре тесты начали широко применяться в целях психологического отбора. Трамм предлагает систему тестов для отбора вагоновожатых; Меде и Пиарковский — шоферов. Отбор быстро распространяется и на производственные профессии: Липпман и Штольценберг предлагают систему тестов для отбора учеников-металлистов, Липпман и Крайс — печатников, Арнольд — сталеваров.

Тесты начали различаться по внешнему признаку на бланковые и аппаратурные, на вербальные и действенные, на индивидуальные и групповые (последние иногда называли и до сих пор ошибочно называют коллективными). Более глубоким их делением было различение аналитичных «функциональных» и синтетических «моделирующих деятельность» тестов. Так в 20-х годах система отбора летчиков А. П. Нечаева опиралась на аналитические тесты, а система С. Е. Минца — на синтетический аппарат Кронфельда.

Аналитические тесты обычно бывают легче для структурного понимания их результатов. Синтетические бывают только тогда хороши, когда по своей конструкции и методике применения предусматривают соответствующие подструктуры и элементы деятельности, учитываемые на них. Примером здесь может служить аппарат Абдив (В. Л. Марищук, 1959), позволяющий исследовать скорость и точность психомоторики, внимание и эмоциональную устойчивость. Синтетические аппараты, не предусматривающие структурного анализа результатов их применения, созданные обычно под влиянием идей гештальтпсихологии, подменявшей структуру целостностью, для анализа очень трудны.

В начале 20-х годов швейцарский психолог Г. Роршах предложил новый тип тестов — проектный (прожективный), выявляющий скрытые качества личности, не поддающиеся математической обработке, трактовка применения которых целиком зависит от квалификации экспериментатора. В настоящее время широкое распространение получил «метод тематической апперцепции» — *ТАТ*, предложенный еще в 30—40-х годах Мюрреем и состоящий из картин неопределенного, а иногда и противоречивого содержания, по каждой из которых испытуемый должен придумать рассказ.

Очень четкое определение психотехнического теста было дано И. Н. Шпильрейном. «Тест отличается от исследовательского психологического опыта своей целью. Цель теста не установление общепсихологических закономерностей, а психологическая квалификация подвергающихся обследованию тестов коллективов или отдельных лиц»,— писал он [10]. Не устарело поныне и другое определение того времени: «Тест — средство в кратчайший срок получать наиболее сравнимые, выраженные в числах сведения о признаках испытуемого» [11].

Но наиболее точное определение теста дал С. Л. Рубинштейн. «Это — испытание,— писал он,— которое ставит своей целью градуирование, определение рангового места личности в группе или коллективе, установление его уровня. Тест направлен на личность, он должен служить средством диагноза и прогноза». И несколько дальше он вскрывал методологическую сущность теста. Он считал тестирование «порождением механистической психологии, представляющей себе психику человека как совокупность раздельно действующих механизмов, для которых существует постоянное однозначное отношение между стимулом и реакцией» [12]. Вот почему, признавая не только бесспорное значение тестов, ошибочность «тестобоязни», свойственной некоторым психологам, но и необходимость усиления внимания к их разработке с позиций марксистской теории личности, надо четко различать понятия «тест» и «тестирование».

К сожалению, не только зарубежные, но и некоторые советские психологи-практики продолжают бороться за ту методологию тестирования, которую Б. М. Теплов называл «клерковой психологией», считающей, что метод должен (и может) быть настолько «адекватным» (термин С. Г. Геллерштейна), что применение его, математическая обработка и вынесение заключения могут осуществляться механически аккуратными, но психологически совершенно не подготовленными «испытателями» типа клерков.

Математический фетишизм с самого возникновения тестов стремился превратить методику их применения в методику тестирования. Различие этих понятий до сих

---

[10] *Шпильрейн М. Н.* О прикладной психологии и ее применении военными врачами // Военно-санитарный сборник. М., 1925. Ч. 2. С. 47.

[11] Профессиональный отбор. М.; Л., 1925. С. 10.

[12] *Рубинштейн С. Л.* К критике метода тестов // Против педологических извращений в педагогике. Л., 1938. С. 27, 31.

нор понимается далеко не всеми. В основе методологии тестирования лежит абсолютизирование понятий валидности теста, понимая под таковой соответствие теста тому, что он предназначен измерять, и его константность (надежность), понимая под этим устойчивость результатов при повторном испытании. Оба эти качества теста определяются статистическим путем в виде соответствующих коэффициентов.

Сейчас все чаще и чаще говорят об этих коэффициентах [13]. Но вычисление коэффициента валидности одного теста, как корреляция его с «общей оценкой качества работы» (так называемой «оценкой администрации» или в авиации, например, «налета до самостоятельного вылета»), практически всегда дает очень мало. Ценность теста может и должна проверяться по его значению в оценке структуры личности. Так, например, известно, что скорость простой реакции очень плохо коррелирует с успехами летного обучения, давая «низкую валидность». Но без ее измерения нельзя понять ни особенностей сложных реакций, ни сенсомоторной координации; тем более важно быть убежденным в отсутствии резкой замедленности реакции.

Что касается констатантности (надежности) тестов, то это требование еще более относительно. Есть, например, тест на сообразительность — «проба Хайдера». Он не зависит от свойств 2-й подструктуры личности (знаний, навыков, умений) и дает очень высокий коэффициент валидности с мышлением. Но его можно применять только один раз, так как повторно время его решения определяется не сообразительностью, а психомоторикой.

Сказанное отнюдь не означает, что от вычислений коэффициентов валидности и констатантности надо отказаться. Это значит, что надо понимать, откуда они появились в науке, и ждать от них только то, что они могут дать. Но главное, что надо помнить, что результат применения теста дает не познание способностей испытуемого, а только материал для их познания.

Итак, термин «тестология», заимствованный из буржуазной психологии, не корректен. Тест — это только один из методов психологии, и специальная наука о нем так же не нужна, как и «анкетология» или «эксперимен-

[13] См.: *Гильбух Ю. З.* О взаимосвязи надежности и валидности в оценке психологических тестов // Тез. науч. сообщений советских психологов к XXII Междунар. психол. конгрессу. М., 1981. Ч. 2. С. 30—31.

тология»; общую теорию тестов, как и всех других методов, изучает методология.

Поэтому и различие между «применением тестов» и «тестированием» не игра словами, а различие их методологии. Сами тесты при их правильном применении и структурном анализе их результатов, сопоставлении и обобщении могут давать весьма ценный материал для оценки и элементарных, и более сложных способностей и для структурного прогноза деятельности. Более того, дифференциальная психология не может развиваться без тестов, они нужны и в патопсихологии для уточнения диагноза заболеваний, и при профессиональной консультации как важнейшем этапе профессиональной ориентации[14].

3. Метод обобщения независимых характеристик

Этот параграф посвящен методу, полное название которому (если не бояться его длины) «метод обобщения независимых характеристик, получаемых при изучении личности в различных видах ее деятельности» (МОНХ).

Идейной основой этого метода стало следующее высказывание В. И. Ленина: «По каким признакам судить нам о *реальных* „помыслах и чувствах" *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей ...»[15]. Это положение перекликается с мыслью И. М. Сеченова: «Психическая деятельность человека выражается, как известно, внешними признаками, и обыкновенно все люди, и простые, и ученые, и натуралисты, и люди, занимающиеся духом, судят о первой по последним, т. е. по внешним признакам»[16].

Одним из первых отечественных психологов, кто с полной определенностью понял, что человек раскрывается лишь в своей общественной деятельности и что изучать его внутренний мир поэтому можно лишь «через отправление им своих общественных обязанностей, так как лишь через них обнаруживается темперамент, качество разума и крепость духа»[17], был видный представитель русской просветительной философии Я. П. Козельский (1728–1793).

---

[14] Проблема профориентации осталась за рамками этой книги // Профессиональная ориентация молодежи. М., 1978.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.
[16] *Сеченов И. М.* Избр. произведения. М., 1952. Т. 1. С. 8.
[17] *Козельский Я. П.* Философические предложения. СПб., 1763. С. 48.

Для понимания сущности и значения метода обобщения независимых характеристик весьма важен следующий исторический факт. В. И. Ленин, желая составить возможно более правильное мнение о способностях В. Г. Яковенко, писал Е. М. Ярославскому: «Прошу Вас дать самому и собрать от всех находящихся здесь ответственных и влиятельных сибирских товарищей отзывы о крестьянине Яковенко ...
Отзывы нужны поподробнее ...
Возраст?
Опыт?
Уважение крестьянства?
Знание хозяйства?
Твердость?
Ум?
Преданность Соввласти? ...» [18].

Полученные сведения убедили Ленина в возможности назначения Яковенко на пост Наркомзема.

Обобщение сведений, полученных при наблюдении ряда личностей в определенном виде деятельности, и в частности их ошибочных действий, будет раскрывать психологическую сущность этой деятельности и ее требования к личности; обобщение же сведений, полученных при наблюдении одной личности в различных видах деятельности, будет раскрывать свойства этой личности, ее способности. В этом проявляется один из основных принципов психологии — единство личности, сознания и деятельности.

Однако наблюдение за человеком только тогда становится психологическим методом, когда наблюдаемые факты трактуются в системе психологических понятий. Психологическое наблюдение надо уметь вести, и этому надо учиться и уметь не только для научно-исследовательской работы, но и с практическими целями изучать особенности личности наблюдаемых. В психологической литературе существует немало «программ изучения личности», от программы А. Ф. Лазурского до программы Л. И. Божович [19]. Однако все они учат тому, какие психологические качества личности надо изучать, но очень мало учат тому, за какими особенностями и какой деятельности надо наблюдать, чтобы изучить эти качества

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., Т. 54. С. 92—93.
[19] *А. Ф. Лазурский.* Программы исследования личности. СПб., 1911; *Божович Л. И.* Психологическое изучение детей в школе-интернате. М., 1960.

личности. А ведь вместе с тем именно в этом заключается главная задача обучения психологическому наблюдению за личностью. Впервые такие программы были составлены для авиационных училищ, а в дальнейшем для профессионально-технических училищ [20].

Чем в больших видах деятельности изучается личность, тем она разнообразнее и глубже раскрывается, тем легче разобраться и в ее особенностях. Но ни один человек, будь то специалист-психолог или педагог, парторг, мастер или начальник цеха, не может изучить человека во многих видах его деятельности. Четыре подструктуры личности, описанные в гл. VII, позволяют образно представить личность в виде трехгранной пирамиды, поворачивающейся всеми своими четырьмя сторонами по-разному к наблюдающему ее в разных видах ее деятельности. Так, врач лучше увидит и оценит ее психобиологическую сторону; политработник — идеологическую направленность; преподаватель — опыт, причем преподаватель математики, кроме того, и мышление, а преподаватель физической подготовки — психомоторику, руководитель самодеятельности — эмоции и т. д. Но только они все вместе смогут оценить личность «в целом» по методу обобщения независимых характеристик.

Этот метод впервые описан применительно к изучению курсантов-летчиков [21]. В дальнейшем он был использован для изучения рабочих [22]. Техника получения таких характеристик различна. Иногда это только устные беседы с рядом лиц, знающих изучаемого рабочего, причем число этих лиц может быть различным. В других случаях это письменные характеристики, полученные по произвольной форме от всех опрашиваемых лиц или только от их части. В третьем случае такие характеристики составлялись применительно к единому плану, сведенному, например, в Карту личности. Иногда характеристика может быть нацелена на изучение только определенных способностей, иногда — на личность в целом, с учетом всех ее особенностей. Но во всех случаях техника этого метода должна быть подчинена теории, которая заключается в следующем.

---

[20] *Платонов К. К.* Психология летного труда. М., 1960; *Он же.* Об изучении психологии учащегося. М., 1961.

[21] См.: *Платонов К. К.* Основные принципы и методы изучения личных качеств курсантов // Медицина на воздушном транспорте. М., 1949. Вып. 2.

[22] См.: Личность и труд. М., 1965. С. 66—74.

Вся предусматриваемая работа с этим методом есть не самоцель, а средство, путь изучения особенностей индивидуальной структуры личности. Опыт использования этой системы показывает, что ее применение обеспечивает решение задачи психологического изучения личности. Наконец, называя эту систему методом и давая ему уточняющее определение, мы тем самым противопоставляем его как методу тестирования (но отнюдь не применению тестов!), так и эмпирическим, порой весьма поверхностным практическим попыткам изучения личности. Давая эту систему способов и приемов в руки практиков (партийного, комсомольского, профсоюзного и хозяйственного актива, мастеров, педагогов, врачей и т. д.), этим вооружаем их доступным методом изучения вверенных их попечению личностей. Обобщение сведений — не случайная деталь, а сущность метода, и, следовательно, одного человека должен изучать ряд лиц. Качественное обобщение всех собранных о личности материалов противопоставляется количественному суммированию баллов, на котором основано тестирование. Обобщение характеристик должно включать в себя анализ (сопоставление, сравнение, выделение главного от второстепенного, выделение характерного и повторяемого от случайного) и синтез всего собранного материала.

Если речь идет об определении способностей, то это обобщение должно быть подчинено сравнению с требованиями данного вида деятельности к личности. Это обобщение и сравнение отличаются от ошибочной психотехнической и тестологической схемы, имеющей такой вид: 1) перечень профессионально значимых психологических качеств (профиль профессии); 2) набор методов для определения каждого из этих качеств, подходящего как ключ к замку; 3) сопоставление результатов обследования личности этими методами (профиля личности) с профилем профессии; 4) вынесение экспертного заключения на основании степени совпадения этих двух профилей.

Чтобы быть методологически правильным, это обобщение должно проводиться по такой схеме: 1) понимание психологических особенностей данной трудовой деятельности (в частности, причин наиболее частых и опасных ошибочных действий); 2) обобщение сведений о структуре данной личности; 3) вынесение экспертного заключения на основании всестороннего сопоставления этих двух структур с обязательным учетом компенсаторных возможностей личности.

Обобщать можно и должно данные, полученные при изучении личности в различных условиях и в различных видах ее деятельности, а по возможности и на различных этапах ее развития и овладения ею профессиональным мастерством. Независимые характеристики противопоставляются «заимствованным»: хотя ряд сведений об изучаемой личности можно и даже должно заимствовать от других лиц, основные сведения об изучаемом у каждого должны быть собственные, полученные независимо от данных других.

Независимые характеристики могут быть получены как на основе наблюдения в условиях различных видов деятельности (учебной, профессиональной, спортивной, общественной, бытовой и т. д.), так и на основе естественных экспериментов в этих видах деятельности, и, наконец, на основе индивидуальных экспериментально-психологических или массовых тестовых исследований. Ведь любой вид психологического эксперимента должен пониматься как искусственно сформированная деятельность. Вместе с тем, поскольку число различных видов деятельностей в этом методе строго не ограничено, он может применяться и без данных экспериментов. В этом также смысл слова «независимые».

Надо подчеркнуть, что как первоначальная, независимо от других составленная характеристика, так и итоговая характеристика, обобщающая сведения, полученные от других лиц, и тестовых испытаний, если они были, являются только приемом, входящим в метод изучения психологической структуры личности. Практической целью изучения конкретной личности и ее способностей является активное целенаправленное ее формирование. В других случаях это может быть психологический профессиональный отбор или профессиональная консультация. Но изучение личности может преследовать и теоретические цели. Вставленное в определение метода слово «характеристика» напоминает, что изучение личности и составление характеристик не является самоцелью.

Психологическая характеристика личности может быть в различной степени широкой, более или менее всесторонне рассматривающей особенности личности. Различная степень глубины характеристики определяется раскрытием наиболее существенных, иногда не сразу заметных особенностей личности. Характеристика именно потому и должна быть возможно более всесторонней, широкой, чтобы не пройти мимо существенных особенностей лич-

ности, чтобы не подменить главное второстепенным. Наконец, психологическая характеристика может быть с различной степенью достоверности объективной, т. е. соответствовать истинным особенностям изучаемой личности. Одним из проявлений недостоверности характеристики является ее субъективизм, при котором личное, ничем не обоснованное, случайное мнение выдается за объективное, обоснованное. Здесь уместно уточнить три нередко неверно определяемых понятия.

Субъективное — это свойственное субъекту как носителю субъективного. Субъективное — обязательный компонент психического, как его системное качество и продукт особым образом организованной материи коры головного мозга. Субъективистское — это недостаточно объективное, обычно из-за предвзятости субъекта, мнение о чем-либо или такая же оценка им чего-либо. Этот термин применялся В. И. Лениным.

Расхождения в оценке особенностей изучаемой личности, получающиеся в различных независимых характеристиках, должны быть предметом специального изучения. Эти расхождения, как показала практика, могут быть двух родов: в одних случаях расхождения характеристик вызываются тем, что чье-то мнение оказывается необъективным, необоснованным. В этих случаях правильная оценка выясняется по обоснованию оценки фактами.

Более сложными, но и значительно более интересными являются другие случаи, при которых в двух характеристиках даются различные, иногда даже противоположные оценки личности, причем обе оценки убедительно обосновываются фактами различной деятельности. Для этого, в свою очередь, могут быть две причины. Возможно, что одна из характеристик уже устарела, хотя и была раньше объективной. Человек просто изменился и соответствует второй характеристике. Но может быть, что обе характеристики подтверждаются современными фактами деятельности, но фактами, полученными в различных деятельностях.

Иногда метод обобщения независимых характеристик, уже примененный в десятках исследований (в том числе и кандидатских и докторских диссертациях), отождествляются с широко понимаемым методом экспертов, или методом рейтинга. Но эти методы только учитывают мнения, которые в идеале должны совпадать, тогда как метод обобщения независимых характеристик нацелен на анализ ожидаемых расхождений.

Итак, метод обобщения независимых характеристик наиболее отвечает требованию, согласно которому о человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по тому, что он делает.

Это требование нарушается различными опросниками, опирающимися на самооценку опрашиваемых, хотя данные самооценки косвенно также могут давать полезные сведения о личности — потому данные этих двух методов требуют сопоставления и обобщения.

Этот метод может рассматриваться как специфическая разновидность метода экспертов, причем специфичность его в ожидании не одинаковых, а различных оценок экспертов, соответствующих различным видам деятельности, в которых каждый из них изучает одну и ту же личность.

Изучение личности методом обобщения независимых характеристик оказывается более эффективным при сочетании его с методом полярных баллов.

4. Метод полярных баллов и Карта личности

Психометрия как отрасль психологии, предметом которой является измерение психических явлений, знает их два вида. Это могут быть непосредственные измерения времени их протекания или сохранения, их интенсивность, число воспринимаемого, запоминаемого, точно или ошибочно выполняемых действий и т. д. Но это может быть и измерение путем условных шкалированных баллов. Минимальная шкала оценки свойств личности трехбалльная: 1 — нет, 2 — слабо выражено, 3 — отчетливо выражено.

Но чаще используется пятибалльная шкала.

При количественной оценке свойств личности надо помнить, что большинство свойств личности полярно. Баллы переутомления, например, имеют один вектор, так как переутомления может не быть (балл 0), оно может быть начинающимся (балл 1), легким (балл 2), выраженным (балл 3) и тяжелым (балл 4). Но оценка свойств личности и теоретически и практически начинается со среднего балла (3), определяющего, что нет преобладания того или иного полярного качества, в резко выраженной степени определяемого крайними баллами (5 и 1); а в умеренной — промежуточными (4 и 2).

Так, личности может быть свойственна отчетливо выраженная идейность или безыдейность, принципиаль-

ность — беспринципность, активность — пассивность и т. д., причем это может быть не только в сложных чертах характера, но и в свойствах основных подструктур, например внимательность — невнимательность, сообразительность — несообразительность, решительность — нерешительность и т. д.

Название «метод полярных баллов» было предложено еще в начале 30-х годов для оценки выраженности коленных рефлексов и других неврологических симптомов, имеющих полярное проявление.

В названии отражена методологическая сущность этого метода, что оказалось сейчас весьма актуальным, так как подобный метод Гибш и Форверг в ГДР, а за ними В. Н. Шубкин и другие назвали «метод полярных профилей». Напомним, что в «профиле личности» связь между рядоположенными свойствами личности совершенно случайна, так как зависит от произвольного порядка расположения этих свойств. Так его понимал и Г. И. Россолимо[23], таков подход к проблеме личности и В. Н. Шубкина[24]. Понятие «профиль личности» несовместимо с задачей выявления связей между свойствами личности и, следовательно, с ее структурным пониманием.

Указанные выше критерии пятибалльной оценки свойств личности в общем виде могут быть сформулированы так. Балл 5 — названное в Карте свойство личности развито очень хорошо, выражено ярко и проявляется часто и в различных видах деятельности. Балл 4 — оно заметно выражено, но проявляется непостоянно, хотя полярное ей свойство проявляется очень редко. Балл 3 — оно, как и полярное свойство личности, выражено нерезко и в проявлениях одно уравновешивает другое, хотя оба проявляются нечасто. Балл 2 — заметно более выражено и чаще проявляется свойство, полярное названному. Балл 1 — полярное названному свойство личности проявляется часто и в различных видах деятельности. Балл 0 — нет сведений о деятельности, в которой проявляется у данной личности названное или ему полярное свойство. При статистической обработке балл 0 суммируется с баллом 3.

---

[23] См.: *Россолимо Г. И.* Психологические профили. М., 1917.

[24] См.: *Карпов Ю. Д., Кочетов Г. М. Шубкин В. Н.* Применение количественных оценок в исследовании социально-психологических отношений коллективов и личностей // Социология в СССР. М., 1966. Т. 2. С. 410—426.

Метод полярных баллов применим к любому набору свойств личности. Но в середине 60-х годов стала осознанной необходимость, во-первых, уложить изложенную в главах VII и VIII структуру личности в Карту личности, учтя в ней необходимое и достаточное число параметров для характеристики личности. И во-вторых, дать в специальной инструкции для каждого из этих параметров уточнение баллов его определения на основе изучения личности в различных видах ее деятельности методом и обобщения независимых характеристик, и полярных баллов [25].

Это было выполнено и многократно опубликовано [26] и поэтому здесь не приводится. При этом индивидуальная Карта личности (ИКЛ) предусматривала ее статистическое обобщение в групповую (ГКЛ) [27].

Итак, метод полярных баллов является существенным дополнением к методу обобщения независимых характеристик; будучи сам дополненным Картой личности и инструкцией к ее заполнению, он позволяет дать краткую, формализованную и выраженную в числовых величинах (и потому сравнимую с подобными другими) характеристику личности.

Имеющийся уже достаточно широкий опыт применения этих трех методов говорит о практической целесообразности использования не только индивидуальных, но и групповых карт личности.

* * *

Как метод обобщения независимых характеристик, так и метод тестов отвечает требованиям марксизма оценивать человека не по его словам, а по его делам. Этим оба они

---

25 Здесь автор считает необходимым с глубокой благодарностью отметить, что сделано это было в результате активного настояния профессора Н. Н. Тимофеева.

26 Впервые «Карта личности и инструкция к ее заполнению» была опубликована в виде отдельной брошюры Институтом философии АН СССР в 1967 г. и потом переиздана более 10 раз (в том числе Институтом социологических исследований АН СССР, Норильским и Иркутским педагогическими обществами, а также в Кишиневе, Ереване, Кирове, Ставрополе, Смоленске). Кроме того, этот материал можно найти в книгах: *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. М., 1970; *Платонов К. К., Голубев Г. Г.* Психология. М., 1970.

27 В более полном виде эта методика изложена в сб.: Психологические структуры личностей различных групп / Ред. К. К. Платонов. Деп. ИНИОН АН СССР. 1981. № 842. Этот сборник, кроме методики сбора и обработки материала, содержит ГКЛ 20 различных групп.

отличаются от вопросников самооценки, ответы на которые, как и данные самонаблюдения, могут рассматриваться только как объекты для их дальнейшего изучения.

Преимущество тестов в моделировании в каждом из них определенной, как правило элементарной, деятельности, недостаток — в искусственности этой деятельности. Преимущество метода обобщения независимых характеристик — в получении данных по учету качества естественных видов деятельности; недостаток — в трудности структурирования интегральных результатов деятельности и низкий уровень психологических знаний у экспертов.

Включение в метод обобщения независимых характеристик применения тестов хотя и повышает достоверность его результатов, но все же не обязательно, как и дополнение его методом полярных баллов и использование Карты личности.

Использование Карты личности и метода полярных баллов помогает целенаправленному формированию личности и получению групповой и типовой структур личности.

Глава двенадцатая

ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ

1. Личность в группе и коллективе

Учебники и учебные пособия по психологии, составлявшиеся в традициях функциональной психологии, после вводных глав о предмете и методах психологии и о развитии психологии, начинались анализом психических функций и заканчивались разделом о личности.

Т. Г. Егоров (1891—1959) был первым нарушившим эту традицию и поместившим главу о личности в своих учебниках[1] раньше психических функций. Это было пусть формальным, но все же проявлением личностного подхода. Его попытка так преодолеть индивидуально-психологический аспект учебников оказалась неудачной: глава «Личность и коллектив» в 1-м издании заняла только две, а во 2-м — три страницы. Первое учебное пособие, в котором это удалось сделать в специальной гла-

---

[1] *Егоров Т. Г.* Психология. М., 1953.

ве (второй), вышло в свет много позже[2], и вскоре же вышел учебник, в котором был уже специальный раздел из шести глав, посвященных проблемам социальной психологии[3]. Однако это еще не стало традицией.

Вместе с тем, поскольку сознание «с самого начала есть общественный продукт»[4], а личность — это человек как носитель сознания, она также общественный продукт и не может ни изучаться, ни быть понятой вне данных социальной психологии и в русле только индивидуальной психологии. Однако это отнюдь не значит, что личность не должна изучаться в аспекте индивидуальной психологии. Возможность и необходимость этого показывают все предыдущие главы этой книги. Но это хоть и необходимо, но недостаточно. Основополагающим для этого является следующее положение.

«Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»[5],— писал В. И. Ленин. Это значит, что для более глубокого изучения личности необходимо изучать и те общественные отношения, которые слагаются из их действий. Ведь в этих отношениях проявятся те ее свойства, которые вне этих отношений не только не проявляются, но и просто не существуют. Эти свойства изучает социальная психология как психологическая наука, изучающая психические явления, существующие либо только в группе людей, либо у личности только в группе.

Наиболее четким примером последних и вместе с тем наиболее существенным для их понимания и формирования советского человека является свойство личности, которое может появиться у человека только в группе (и притом не любой, а только определенной), называемое коллективизмом.

Это свойство личности — осознанная солидарность с целями группы как коллектива, членом которого она является, и, следовательно, с целями и развитием своего общества в целом и наличие у нее стремления действовать согласно этим целям.

---

[2] См.: *Платонов К. К.* Психология межличностных отношений // Психология: Учеб. пособие для пед. ин-тов. М., 1970. С. 123—137.
[3] См.: *Глоточкин А. Д.* Психология воинского коллектива // Военная психология. М., 1972. С. 210—347.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 29.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 424.

Это определение двуедино определяет включение проблемы личности в русло социальной психологии. Во-первых, потому, что понятие «группа» — это категория социальной психологии, во-вторых, потому, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков»[6], как писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Без рассмотрения этого вопроса, а следовательно, и без уточнения понятий «коллектив» нельзя раскрыть психологической сущности задатков, а без них — способностей, а следовательно, и личности в целом

Каждый коллектив — это группа людей, но не каждая группа людей — коллектив. Известно, что В. И. Ленин понятие «класс» также определял через понятие группы: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства»..[7] — писал он. Коллектив — это малая группа, объединенная совместной деятельностью и межличностными отношениями, возникающими в процессе непосредственного или опосредованного общения.

Но сказанного еще мало для раскрытия сущности коллектива. Группа, объединенная только целями, не выходящими за ее рамки, есть не коллектив, а корпорация. Сущностью корпорации является ее враждебность смежным с нею группам. Так же как в условиях классового антагонистического общества «человек человеку волк», так и корпорации враждебны друг другу как стаи волков. Шайка бандитов, община сектантов, группа бизнесменов, столковавшихся для борьбы с конкурентами,— все это примеры корпораций, а не коллективов.

Цели деятельности коллектива не могут замыкаться в нем самом, они должны быть вынесены за рамки данной группы. Именно эти цели создают у личностей — его членов те отношения ответственной зависимости внутри группы, которым А. С. Макаренко придавал решающее значение. И это не требование к коллективу, а его сущность, без которой его не существует. Бригада рабочих, замкнувшая цели своей деятельности внутри самой себя, оторвавшая их от целей своего цеха и завода в целом, по существу, перестает быть не только бригадой коммунистического труда, даже если она носит это высокое

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 75.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15

звание, но и просто коллективом. Коллектив превращается в корпорацию. Различение коллективов и корпораций — одна из общих проблем социальной психологии и психологии личности. Решается она через анализ целей деятельности.

Здесь уместно напомнить о различии между понятиями и отраженными ими явлениями «совместная деятельность» и «коллективная деятельность», о чем уже шла речь в § 4 гл. IV. Человек может действовать один, но может и в группе, вместе с другими. Человек, бегущий в толпе, бежит не один, а вместе с другими. Но это еще не совместная деятельность, которая возникает только тогда, когда есть общая и совместно достигаемая цель. Ученик, пишущий под диктовку, если он не пытается «списывать», тоже действует вместе, но не совместно, как на перемене, играя в футбол. Но и не всякая совместная деятельность может быть названа коллективной.

Коллективная деятельность — это только такая совместная деятельность, общие цели которой «вынесены за рамки группы» и подчинены общим целям общества, в которое входит эта группа. Понять это особо важно потому, что это уточняет различие между совместным трудом, свойственным и рабовладельческому, и капиталистическому обществу, и коллективным трудом, свойственным эпохе раннего антропогенеза (о чем шла речь в § 1 гл. IV) и социалистическому обществу. Совместная деятельность — понятие более широкое, а коллективный труд — более существенное и для теории личности, и для социальной психологии.

Межличностные отношения внутри группы, определяя ее внутреннюю структуру (симпатии — антипатии, авторитет, лидерство, разбивку на микрогруппы и т. д.), вместе с тем создают и так называемые социально-психологический климат и атмосферу внутри коллектива. Они проявляются прежде всего в настроении как отдельных членов коллектива, так и всего коллектива в целом. Социально-психологический климат — явление более стойкое, чем атмосфера, которая значительно более динамично может меняться иногда под влиянием одного неудачного слова. Вместе с тем социально-психологический климат и атмосфера представляют собой только одну, хотя и важнейшую, часть психологического климата и атмосферы. Ведь на психологический климат в целом влияют все, и в частности эстетические условия труда, общие цели деятельности.

Межличностные отношения и социально-психологический климат, свойственные коллективу, имеют большое и непосредственное воспитательное влияние на членов коллектива, они определяют тот процесс, который имеет все основания называться «законом самоукрепления коллектива»: чем крепче спаян коллектив, тем лучше он воспитывает всех своих членов, развивая у них их задатки, и он становится еще крепче[8].

О двух пониманиях задатков речь уже шла в § 3 и 4 гл. III. Здесь надо разобрать вопрос, почему они лучше развиваются у личности в коллективе.

Дело в том, что в коллективе благодаря взаимной поддержке крепнет целеустремленность в решении поставленной задачи, обмен мнений позволяет продумать все более разносторонне и сокращает срок решения различных задач. В коллективе каждый обогащает свои знания и опыт за счет знания и опыта других, и решение одного вопроса побуждает решать новые задачи, появившиеся в процессе «коллективного думанья». Такой ответ на этот вопрос был дан на основании исследования, проведенного еще в начале 30-х годов на Горьковском автозаводе[9], и последующие эксперименты-исследования А. Д. Глоточкина[10], а потом и других авторов[11] подтвердили его.

Итак, социальная сущность сознания и личности требует изучать последнюю в аспекте не только индивидуальной, но и социальной психологии и в системе понятий единой для общей, индивидуальной и социальной психологии. Только поняв сущность коллектива и его отличие от корпорации и вместе с тем его общность со всеми видами групп, можно понять такое важнейшее для советского человека свойство, как коллективизм.

2. Коллективные способности и способности коллектива

Эти два термина часто понимаются как синонимы, но обозначают они разные феномены. Понимание их общности и различий и умение оценивать их помогают более

[8] Подробнее см.: *Платонов К. К.* О процессе самоукрепления коллектива // Коллектив и личность. М., 1975. С. 87—96.

[9] См.: *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. М., 1962. С. 93.

[10] См.: *Глоточкин А. Д.* Социально-психологические проблемы формирования первичного коллектива: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1972; *Он же.* О формировании психологии первичного коллектива. М., 1972.

[11] Проблемы общения в психологии. М., 1981.

глубокому пониманию и оценке способностей личностей, входящих в коллектив.

Коллективные способности — это способности к определенной деятельности, свойственные данному коллективу и определяющие качество соответствующей определенной совместной деятельности.

Вопрос о коллективных способностях впервые с предельной четкостью был поставлен В. И. Лениным в речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова. Говоря о коллегиальности, которая дает «если не единоличный, то коллективный организаторский талант» [12], В. И. Ленин по существу показал роль коллективных способностей. Между тем общность и различие понятий «способность личности в коллективе», «коллективные способности» и «способности коллектива» поняты еще не всеми. Так, С. Е. Фейгин и М. А. Голованов творческие способности коллектива по существу рассматривают только как статистическую сумму способностей их отдельных членов [13].

Способности коллектива — это его возможности добиться путем совместной деятельности общих целей, притом не одним общим, а различными способами, определяемыми многообразием способностей его членов; это разносторонняя совокупность различных коллективных способностей и всех способностей его членов. Но она не равна лишь сумме последних. К этой сумме добавляется беспрерывное совершенствование индивидуальных способностей и укрепление призвания, возможные у личности только в коллективе. В структуру способностей коллектива входят его коллективное мнение и традиции; единство целей и соревнование повышают его способности, конфликты чаще понижают, но могут и повышать, а склоки всегда резко понижают их.

Коллективные способности проявляются в самых различных их видах. Хорошо известны выдающиеся мастера советского изобразительного искусства — М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов, объединенные одним именем Кукрыниксы, студия батальной живописи имени М. П. Грекова — яркий пример художественных коллективных способностей; Илья Ильф и Евгений Петров — литературных способностей; «Березка» — танцевальных; групповой пилотаж, демонстрируемый на воздушных парадах,— лет-

[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 79.
[13] См.: *Фейгин С. Е., Голованов М. А.* Оценка творческих способностей квалификации научных коллективов // Проблема деятельности ученого и научных коллективов. Л., 1971. С. 287—314.

вых и т. д. и т. п. Список этот можно продолжать, так как каждый оркестр, хор, театральная группа, спортивная команда и уж подавно цирковой номер — это всегда демонстрация тех или иных, но обязательно конкретных коллективных способностей, которые всегда имеют минимум четыре подструктуры: общую цель деятельности, способствующую проявлению всего последующего; индивидуальные способности каждого члена коллектива, аналогичные их коллективному проявлению, но не тождественные ему; наличие у каждого из членов коллектива коммуникативных способностей; наличие у всех психологической, физической совместимости.

К этим основным могут добавляться другие способности данного коллектива, способствующие уточнению стиля выполняемой ими коллективной деятельности и тем дополняющие конкретные коллективные способности более широкими способностями коллектива. Притом те и другие не сводятся к сумме способностей членов коллектива, о чем писал К. Маркс[14]. Это же относится, в частности, к экипажам транспортных самолетов, что было показано уже в первом социально-психологическом исследовании, проведенном в русле авиационной психологии[15]. Относится это и к коллективам полярных станций да и к любым комплексным бригадам, в которых многопрофильность их членов сочетается с их взаимозаменяемостью в экстремальных условиях совместной деятельности.

Итак, комплектование коллективов, нацеленное на максимальное проявление тех или иных конкретных коллективных способностей, осуществляется, как правило, пока что чисто эмпирически, без учета способностей коллектива, методом проб и ошибок. Исследований, на которые можно было бы опереться, почти еще нет.

3. Трудовое воспитание личности в коллективе

Закономерности, определившие появление минимума человека и личности и дальнейшего их развития в антропогенезе, имеют место и в онтогенезе каждого человека. Еще не родившийся человек в пренатальном периоде своего развития уже не только индивид, но и включен через мать в общность людей и в коллектив, если семья его родителей, как и большинство советских семей, тако-

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 337.

[15] См.: *Ерицян О. П.* Летный экипаж как коллектив // Личность и труд. М., 1975. С. 244—250.

вой является. Но, и родившись, он, конечно, еще не член коллектива. Однако стать им он не только может, но и должен с помощью своих родителей возможно раньше.

Ведь только вступив в постоянное общение с другими людьми, обычно с родителями двух или даже трех старших поколений, его индивидуально-психологические особенности получают возможность, обогащаясь содержательным компонентом, становиться сознательными. Ведь также только с помощью общения со старшими поколениями он приобретает навыки предметной деятельности, овладевая бытовыми, игровыми и трудовыми навыками, становясь все более и более сознательным субъектом как общения, так и предметной деятельности.

Раньше не было необходимости определять эти два последних понятия — предметная деятельность и общение. Но теперь без этого нельзя последовательно раскрыть проблему, поставленную в заголовке параграфа. Нельзя также кончить эту книгу, не включив этих определений в единую систему понятий.

В гл. IV было дано определение деятельности как взаимодействия человека—субъекта — с миром, в процессе которого он достигает сознательно поставленной цели. Правильное для взрослого человека, оно может быть сформулировано и в более общем виде, пригодном и для ранних этапов развития личности как субъекта: деятельность — это сознательное взаимодействие по схеме: субъект (субъекты) — объект (объекты).

Если объектами являются предметы, то эта формулировка принимает вид, определяющий предметную деятельность, становящуюся в процессе развития личности сначала игрой, потом ученьем и потом трудом. В этом случае взаимодействие будет иметь такой вид: субъект (субъекты) — предмет (предметы).

Но если объектом являются другие люди как субъекты, то это будет общение, при котором взаимодействие будет иметь такой вид: субъект (субъекты) — субъект (субъекты).

Психологическую сущность труда К. Маркс раскрыл словами, ставшими хрестоматийными: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой... Простые моменты труда следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда» [16].

---

[16] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 188—189.

Изложенное Марксом понимание сущности трудовой деятельности является исходным и для понимания трудового воспитания личности. Особо существенное значение для этого имеют указания К. Маркса на сознательную цель и целесообразную волю. Они не только проявляются, но и формируются в труде, являясь системообразующим фактором трудовой деятельности в широком смысле последнего понятия.

Дело в том, что для включения ребенка в семейную группу достаточно его общения с другими членами семьи, а его предметная деятельность будет формировать его отдельные навыки. Но трудовое воспитание в подлинном смысле этого слова, включающее воспитание коллективизма, возможно только при сочетании субъект-предметной и субъект-субъектной деятельности, и только при подчинении первой второй. Одно дело, когда ребенок, играя, снимает и надевает носочек, и совсем другое, когда, сам одеваясь, считает, что этим помогает матери.

Чем раньше и чем разнообразнее ребенок учится своими предметными действиями «помогать другим», тем успешнее он становится коллективистом и тем полноценнее его трудовое воспитание. Деятельность ребенка, который в помощь матери одевается, стелет постель или чистит картофель, полностью укладывается в определение труда, данное Марксом. Более того, ребенок при этом не только трудится, но и включен в коллективный труд семьи с общей для всех членов целью. Но если в еще более раннем возрасте он приучен также «в помощь маме» сам одеваться, а раздевшись, аккуратно складывать свою одежду, поднять упавший на пол предмет, прибирать свои игрушки, стелить постель куклы, следить, чтобы в комнате все лежало на своих местах,— психологически он тоже трудится и, главное, готовится тем к общественно полезному труду, приобретая умение ставить перед собой общественно полезную цель и достигать ее в процессе своей деятельности.

Хорошо известно, что не всякий труд формирует личность, а только тот, общественная польза которого трудящемуся видна, и главное — тот труд, в процессе которого он вступает в прямое или косвенное общение с другими людьми, осознает себя членом коллектива. Можно сказать короче: личность формируется в процессе общения и труда.

Воспитывающее обучение — это процесс превращения усвоенного в свойства личности, когда знания становят-

ся убеждениями, их объем — эрудицией, навыки доводятся до умений и привычек, до мастерства и профессиональных способностей. В процессе такого обучения развивается активность, самостоятельность, дисциплинированность, чувство ответственности за порученное дело, коллективизм, творческое мышление и другие свойства личности, необходимые квалифицированному профессионалу. Однако воспитание положительных психических свойств, состояний и процессов возможно только при таком обучении и таких условиях производственной работы, при которых постоянно требуется проявление этих свойств, состояний и процессов.

Обучение даже общественно полезным делам может непроизвольно развивать бесполезную, а иногда и вредную для общества личность. Будут у этой личности специальные знания, профессиональные навыки и умения, возможно и мастерство, но и при всем этом может не быть стремления к труду для других людей, желания помогать совместно работающим, находиться в коллективе, добиваться высокой производительности труда [17].

Обучение воспитывает положительные личные качества учащихся при следующих психологических условиях: когда учащиеся не только усваивают знания и навыки, но и на деле убеждаются в их полезности для общества и для них самих; когда обучение осуществляется в совместной учебной и производственной деятельности с другими учащимися, при обоюдной заинтересованности в успехе каждого соученика своей учебной группы; когда педагог своим примером содействует стремлению учащихся к самосовершенствованию нужных им личных качеств.

Итак, трудовое воспитание в коллективе является основным видом формирования личности, ее гармонического развития. Оно внутренне присуще личности и, определив появление минимума человека и личности в антропогенезе, определяет ее развитие и в онтогенезе.

Трудовое воспитание личности, как формирование стремления «быть полезным другим», должно начинаться с раннего детства, хотя формы его проявления и руководства им, конечно, в разном возрасте различны. Без оценки эффективности воспитательных мероприятий, преднамеренно осуществляемых воспитателем, определить их

---

[17] Подробнее см.: *Смирнов М. И.* Формирование коллективиста в труде // Воспитание коллективиста. Киров, 1973. С. 3—197.

полезность для воспитания невозможно. Трудовое воспитание определяет успешность морального воспитания, о котором речь пойдет в § 4 следующей главы.

4. Модели личности профессионала

Этот параграф, в известной мере подводящий итог изучению личности, в силу этого мог бы заканчивать гл. II. Но его место здесь более логично по двум причинам. Во-первых, модель личности является итогом изучения не одной личности, а многих, а гл. XI рассматривала личность в аспекте индивидуальной психологии. Во-вторых, и это наиболее существенно, содержание модели личности профессионала не может быть оторвано от целей деятельности того коллектива, членом которого является данный профессионал [18].

Проектирование личности профессионала определяется требованиями к личности, предъявляемыми к ней либо уже существующей конкретной профессией, либо новой, проектируемой с учетом существующих. Осуществляется она в форме составления модели проектируемой личности соответствующего профессионала. Эта модель является эталоном, лежащим в основе иногда отбора, и всегда подготовки, расстановки и воспитания кадров этих профессионалов. Существует несколько видов моделей профессионалов, различных и по содержанию, и по методу получения.

Нормативная модель профессионала (или, что то же, модель нормативной личности) составляется чисто теоретически на основе существующих (или проектируемых) нормативных документов: уставов, положений, инструкций, программ подготовки и т. д. Этот этап работы обычно дополняется (но только дополняется) наблюдениями, беседами с уже существующими профессионалами, иногда даже участвующим наблюдением или даже личным освоением психологом соответствующей профессиональной деятельности (так было при изучении профессий наборщика С. Г. Геллерштейном, летчика — автором этих строк). В последнем случае отмечается закономерность: чем труднее психологу освоить изучаемую профессию, тем легче ему выделить ее требования к личности про-

[18] См.: *Пономарева Е. А.* Психологические проблемы управления профессиональным развитием личности руководителей // Тез. науч. сообщений сов. психологов к VI Всесоюз. съезду Общества психологов СССР. М., 1983. С. 203—205.

фессионала. Это одно из проявлений того «Закона о законах», о котором речь шла в § 1 гл. V.

Нормативная модель личности, соответствующей требованиям этих документов, составляется в произвольной описательной форме и, как правило, четко выделяет только наиболее требующиеся для этой профессии способности, и потому она явно недостаточна для окончательной рабочей модели профессионала. Но зато все, что ею предусмотрено, необходимо для последней.

Экспективная (от англ. expectation — ожидание, надежда) модель личности изучаемого или проектируемого профессионала обобщает мнение ряда экспертов, хорошо знающих данную профессию. Они, на основании своего опыта, отвечают на вопрос: какими психологическими особенностями должны обладать работники данной профессии, которые по качеству их работы оправдали бы лучшие ожидания.

Эта модель уже не может быть названа чисто теоретической, так как она обобщает практический опыт экспертов. Оформляться она может и как нормативная, в описательном плане. Можно для ее получения пользоваться еще не устаревшим «Листом Липмана»[19]. Но можно для ее получения использовать Карту личности и метод полярных баллов, описанные в § 4 гл. XI. При этом необходимо учитывать, что экспективная модель обычно завышает требования. Поэтому вопрос экспертам иногда полезно начинать уточненной формулировкой: «Какими минимальными психологическими особенностями ... и т. д.».

Эмпирическая модель личности профессионала — это модель реально существующего в определенных конкретных условиях типичного среднего профессионала. Получается она путем эмпирического изучения и обобщения сведений о структурах личностей достаточно большой и возможно более репрезентативной группы лиц, работающих по изучаемой профессии.

Схема, по которой собирается и обобщается материал для получения эмпирической модели, должна быть та же, что и для экспективной и нормативной моделей. Это не безусловное требование, но оно облегчает последующее сравнение и обобщение этих трех моделей. Кроме того, теоретически обоснованно и практически полезно

---

[19] См.: *Платонов К. К.* Вопросы психологии труда. М., 1970. С. 228—237.

получать эмпирические модели по единой схеме (например, по Карте личности) отдельно на «лучших» и «худших» профессионалов. Но при этом надо не забывать, что сущность эмпирической модели не в этих «крайних», а в получении модели оптимальной, реально существующей личности профессионала. Модель личности проектируемого профессионала получается путем теоретического обобщения — на последнем этапе работы — данных этих трех моделей.

Значение моделей личностей профессионалов было предметом докладов и обсуждений на Всесоюзной научной конференции философского общества СССР (в ноябре 1975 г. в Москве) [20] и на XXI Международном конгрессе психологов (Париж, 1974) [21]. Там особо было подчеркнуто, что психологическая модель личности профессионала может отражать только одну процессуальную сторону личности, если она, в частности, составлена по Карте личности и если она учитывает и ее содержательную сторону. Вместе с тем надо помнить, что психологическая модель личности профессионала всегда уже часть профессиограммы той же профессии [22].

Итак, научно-техническая революция требует не только проектирования новых профессий, но и составления психологических моделей личностей новых профессионалов. Получение оптимальной психологической модели профессионала осуществляется путем обобщения трех предварительных моделей: нормативной, экспектативной и эмпирической. Каждая из этих моделей имеет свой метод ее получения и свои достоинства и недостатки.

Психологическая модель профессионала является эталоном для профориентации, отбора, подготовки и воспитания кадров. Но она столь же у́же профессиограммы, сколь психология у́же профессиологии как синтетической науки.

* * *

Общим системообразующим фактором личности, коллектива, сознания и деятельности является цель, иногда различная, но иногда и общая для этих четырех понятий.

---

[20] См.: *Платонов К. К.* О модели проектируемого профессионала // Комплексное изучение человека и формирование всесторонней личности. М., 1978. С. 7—11.

[21] *Платонов К. К.* Модель проектируемой личности социальной группы // Тез. науч. сообщ. сов. психологов к XXI Межд. психологическому конгрессу. М., 1976. С. 229—232.

[22] Профессиональная ориентация молодежи. М., 1978.

Как на уровне физиологического отражения целесообразность проявления жизнедеятельности, замкнутая внутри организма, обеспечивает сохранение только индивида, а сохранение вида может быть обеспечено только выходом цели за рамки организма, так и на уровне человека, носителя сознания, цель, замкнутая внутри личности или внутри группы, может обеспечить только их сохранение. Развитие как личности, так и группы возможно только в случаях, когда цели деятельности выходят за их рамки.

Иными словами — и личность, и группа, как закрытые системы, могут сохраняться, но не могут развиваться. Цели их деятельности, вынесенные за их рамки, делая их открытыми системами, обеспечивают их развитие. Коллективный труд всегда выносит свои цели за рамки как личности, так и группы.

Труд в условиях антропогенеза по своей сущности был коллективным, классовое общество его лишило коллективности, которая восстановлена социализмом, в новых условиях которого коллективный труд опять стал основным фактором формирования как личности, так и трудящейся группы. Именно поэтому личность лучше и познается, и формируется в коллективе.

Глава тринадцатая

ГАРМОНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

1. Особенное в развитии личности

Основные положения этой главы фрагментарно уже не раз были опубликованы[1], и потому, казалось бы, она может быть сведена только к их обобщению и согласованию, да и предыдущие главы говорили о различных объяснениях личности.

Однако опубликованные в последнее время некоторые статьи и монографии, посвященные этой же проблеме,

[1] См.: *Платонов К. К.* Виды формирования личности и ее структура // Обучение и развитие. М., 1966. С. 30—32; *Он же.* Структурное понимание саморегулирования процесса формирования личности // Проблемы управления процессов воспитания. М., 1971; С. 10—12; *Он же.* О связях структуры личности // Вопросы психологии личности и труда. Свердловск, 1973. С. 5—8; *Он же.* К теории становления Коммунистической воспитанности личности // Психология общения и проблемы коммунистического воспитания. Омск, 1981. С. 3—7.

требуют начать с внимательного анализа как их, так и категории развития психики в целом. Так, Л. И. Анцыферовой в 1978 г. был выдвинут, неоднократно повторен и даже положен в основу ее концепции личности тезис: «Основным способом существования личности является развитие»[2] — с заменой в 1981 г. только слова «существования» на слово «бытия»[3]. Но этот тезис является философским трюизмом, так как с таким же успехом можно утверждать, что «основным способом существования организма является развитие».

Ведь развитие — это форма движения от более простого к более сложному на основе разрешения противоречий. Поскольку движение — этот способ существования материи, последнее определение распространяется и на развитие. Временны́е масштабы и специфика развития у живой и неживой природы и у общества, конечно, различны. Потому задача науки, а в данном случае психологии, заключается не в констатации общности, а в установлении специфики развития, в данном случае — развития личности.

Гегель первым понял диалектику развития как переход количественных изменений в качественные и наоборот. «Всякое рождение и всякая смерть вместо того, чтобы быть продолжающейся постепенностью, есть, наоборот, прерыв такой постепенности и скачок из количественного изменения в качественное»[4], — писал он. Однако он рассматривал это положение в основном только применительно к развитию духа. Перевернув учение Гегеля «с головы на ноги», классики марксизма эту идею положили в основу разрабатываемого ими учения о развитии, вкладывая в это понятие диалектический смысл и борясь с его упрощенным пониманием. «С „принципом развития" в XX веке (да и в конце XIX века) „согласны все", — писал В. И. Ленин. — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское „согласие" есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину»[5].

---

[2] См.: *Анцыферова Л. И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопр. психологии. 1978. № 1. С. 37—48; *Она же.* Психологические закономерности развития личности взрослого человека и проблема непрерывного образования // Психол. журн. 1980. № 2. С. 53.

[3] *Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 4—8.

[4] *Гегель.* Соч. Т. 5. С. 434.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

Концепция личности Л. И. Анцыферовой[6] опирается на понимание развития мышления А. В. Брушлинским, который пишет: «... предельно общее понятие развития раскрыто К. Марксом в следующих словах ...»[7] — и далее приводит их: «...чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»[8].

Далее А. В. Брушлинский пишет: «К. Маркс выделяет следующие наиболее существенные признаки прежде всего развития человека, и в частности, его психического развития: 1) безотносительность к любому заранее установленному масштабу, критерию, образцу, эталону и т. д.; 2) преемственность, т. е. обусловленность предшествующими стадиями развития; 3) целостность; 4) являющиеся самоцелью развития всех человеческих сил как таковых ... Мы рассмотрим здесь лишь первые два признака развития»[9].

К правильно выделенным А. В. Брушлинским четырем признакам развития есть что добавить. Прежде всего надо сказать, что этими словами К. Маркс возражал против теории преформизма развития человека, включаясь тем в старый и, конечно, известный ему спор понимающих развитие человека либо с позиций преформизма, либо эпигенеза и давая третье его понимание.

Здесь уместно напомнить, что преформизм — учение, идущее еще от Анаксагора и Гиппократа, о наличии в зародыше организма материальных структур, предопределяющих его развитие как образец, эталон. Соответственно эпигенез — учение, идущее от Аристотеля, спорившего с

---

[6] См.: *Анцыферова Л. И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 15—16.
[7] *Брушлинский А. В.* Проблема развития и психология мышления // Там же. С. 40.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 476.
[9] *Брушлинский А. В.* Проблема развития и психология мышления. С. 40—41.

Анаксагором (хотя термин был предложен только в 1651 г. Гарвеем), признающее постепенное развитие зародыша как процесс, осуществляемый путем последующих преобразований. Наиболее убедительным примером преформизма является почка дерева, заключающая миниатюрные ветви и листья, а эпигенеза — четыре этапа развития насекомого: яйцо — гусеница — куколка — бабочка.

К. Маркс в приведенном А. В. Брушлинским высказывании, говоря о «творческих дарованиях человека» и не соглашаясь ни с преформизмом, ни с эпигенезом, отмечал «целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых». А целостность иерархии определяется ее верхним уровнем, которым является то, что К. Маркс вначале фрагмента называет «абсолютным выявлением творческих дарований человека». А. В. Брушлинский все мышление отождествляет с творчеством, и потому он не случайно игнорирует слово «здесь», написанное Марксом через два слова после выделенных им курсивом. Если считать с позиции принципа иерархии творчество высшей формой активности, а творческое мышление — высшей формой мышления, это игнорирование нельзя признать допустимым.

Но даже если согласиться с пониманием А. В. Брушлинским приведенных слов К. Маркса применительно к развитию творческого мышления, их никак нельзя отождествлять с понятием «развитие» вообще. Способ бытия личности может быть связан не с ее развитием, а только с особенным в ее развитии, отличающим ее развитие от особенностей развитий объектов иных уровней развития материи. При этом подобное, но отнюдь не тождественное исходное положение должно быть сформулировано так: «Основным способом бытия личности является совокупность только ей присущих особенностей ее развития». Но, положив этот тезис в основу концепции личности, ему надо подчинить и всю концепцию. Для концепции, излагаемой в этой книге, развитие психики — это одна из категорий психологии, а развитие личности — одна из категорий теории личности.

Итак, не сам факт присущего личности, как и всем формам движения материи, развития, а особенное и единичное в ее развитии может рассматриваться как основной способ ее бытия. В предыдущих главах уже было показано, что само название излагаемой концепции — динамическая функциональная структура личности — под-

разумевает (а раскрытие этой концепции обосновывает) динамическую сущность ее структуры, а следовательно, и самой личности.

Понимание личности, как отражающей системы, находящейся между бесконечно разнообразным и динамичным внешним миром как отражаемым и тем отраженным, которое является содержанием личности, частично становящимся процессуальным, определяет это особенное в ее развитии, и в частности в иерархической социализации ее подструктур как уровней, и во взаимодействии созревания и формирования на ее различных возрастных этапах.

Существенной особенностью развития личности является закономерное совпадение иерархии ее подструктур с иерархией специфических видов их формирований. О том и другом пойдет речь в следующих параграфах.

2. Этапы развития личности в онтогенезе

Утверждение, что человек личностью не рождается, а становится, ни у кого из советских психологов, философов и педагогов не вызывает возражений. Не вызывает возражений утверждение, что личностью человек становится только в результате общения с другими людьми, о чем так образно писал К. Маркс: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: „Я есть я", то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода „человек"» [10]. Так вследствие общения образуется системное качество личности — сознание, как у товара — стоимость. Ведь первая фраза этого положения К. Маркса отнюдь не случайна и подтверждает соображения, изложенные в § 3 гл. II этой книги, где речь шла о значении учения в системных качествах.

Здесь уместно напомнить, что только в процессе общения с другими людьми ребенок овладевает речью — сначала внешней, и многим позднее внутренней, как способностью «говорить с самим собой», в частности оценивая свои поступки.

---

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23, С. 62,

Приведенные положения не вызывают возражений. Но вопрос, когда же ребенок становится личностью, и даже более — каждый ли взрослый и здоровый человек — личность, решается еще по-разному.

До сих пор на страницах молодежных газет можно прочитать статьи-лозунги с вопросительным знаком: «Когда же ты станешь личностью?» — или с восклицательным: «Будь личностью!» Если бы из контекста было видно, что это эллипсис, упускающий слова «социально зрелой», это не было бы ошибкой. Но текст этого часто не говорит. Более того, не только журналисты, но и некоторые психологи и философы включают в определение личности столь высокие к ней требования, что многие, прочитав их, могут действительно усомниться, являются ли не только их дети — школьники, но и они сами личностью. В качестве примера здесь можно привести понимание личности Л. И. Анцыферовой, считающей, что человек как личность «всегда сам самостоятельно прокладывает свой уникальный индивидуальный путь» [11].

И. И. Чангли, справедливо возражая против тезиса «всякий человек — личность», так как новорожденный ребенок не личность, распространяет свое возражение и на взрослых людей. Полемизируя, в частности, с концепцией личности, которой посвящена эта книга, она пишет, что ей эта концепция «представляется неубедительной и теоретически не обоснованной ... если всякий (!!) человек — личность, то, может быть, эти понятия попросту идентичны?.. Но с этим нельзя согласиться» [12]. Отсюда она формулирует более четко, чем другие, вывод, что не каждый взрослый человек является личностью. «В социалистическом обществе человек,— пишет она,— становится личностью в полном смысле слова, если он обладает коммунистическим мировоззрением, которое выступает как руководство к деятельности» [13]. Однако это мнение имеет все меньше и меньше сторонников, хотя они еще есть. А формулировка И. И. Чангли — «становится личностью в полном смысле слова» — это не научная, а образная, литературная формулировка типа «будь же человеком!».

Э. В. Ильенков кончал свою статью словами: «Именно всестороннее, гармоническое (и не уродливо-однобокое) развитие каждого человека и является главным усло-

---

[11] *Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. С. 4.
[12] *Чангли И. И.* Труд. М., 1973. С. 298.
[13] Там же. С. 301.

вием рождения личности, умеющей самостоятельно определять пути своей жизни, свое место в ней, свое дело, интересное и важное для всех, в том числе и для него самого. Вот и надо заботиться о том, чтобы построить такую систему взаимоотношений между людьми (реальных, социальных взаимоотношений), которая позволит превратить каждого живого человека в личность» [14].

За этими словами содержится развиваемая статьей мысль, что, если этих условий нет (а их, увы, действительно иногда нет), не каждый человек вторично рождается как личность. Современные примеры этого мнения можно было бы продолжить, но полезней напомнить более старые его примеры: идеи Ф. Ницше (1844—1900) о «сверхчеловеке» и «недочеловеке» и Н. К. Михайловского (1842—1904) о «героях» и «толпе», последние раскритикованы В. И. Лениным.

Основных неверных психологических предпосылок у такого понимания личности две. Во-первых, это понимание личности как альтернативного (да—нет) качества человека. Во-вторых, это отождествление любой личности с высоко социально развитой личностью, т. е. подмена действительного желаемым.

Фактически необходимо различать не менее четырех периодов развития человека как личности: пренатальный; постнатальный (но до того, когда ребенок становится личностью); до того, когда человека можно назвать хоть минимально, но социально зрелой личностью; период дальнейшего его социального совершенствования.

Соответственно надо различать два понятия (которые, к сожалению, часто смешивают) — минимум личности и минимум социальной зрелости личности.

Минимум личности определяется осознанием ребенком своего «Я», активно противостоящего «не Я». Практически можно сказать, что, когда ребенок первый раз скажет: «Я сам!» — он уже личность и противопоставляет свое «Я» другим «не Я».

Значение этих слов для сущности личности, конечно, не ограничивается только этапом появления «минимума личности». Самосознание, самопознание, самокритика, самоутверждение — все это важнейшие компоненты личности. Потому слова: «Я сам», которые были, как известно из биографии, последними, произнесенными Ф. Э. Дзер-

---

[14] *Ильенков Э.* Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1979. С. 237.

жинским, глубоко определяли его яркую личность до последних мгновений жизни.

Минимум социальной зрелости личности определяется наличием осознания человеком своего места среди других людей, принятием личностью социальных норм, определяющих ее способность осознанно, активно и самостоятельно участвовать в жизни общества, к которому он принадлежит, и наличием осознанного стремления к самосовершенствованию. Если периоду от минимума личности до минимума ее социальной зрелости свойственна постепенная интериоризация социальных норм, то на этом этапе они усвоены практически достаточно не только для получения паспорта и признания юридической подсудности, но и для приема в ВЛКСМ. Наиболее частая ошибка в понимании личности определяется игнорированием этих двух (конечно, у разных лиц по-разному проявляемых) скачков развития личности и попытки утверждать, что личность якобы начинается только с этого, по существу не первого, скачка в развитии.

Этапы дальнейшего развития личности изучены еще плохо. Надо отметить еще два рубежа развития личности, их отмечает и Б. С. Братусь: 30±2 года переоценки своего жизненного пути, когда человек не только задумывается над правильностью его выбора, но и многое в нем исправляет; и 55±3 года предпенсионного планирования своего пенсионного периода жизни. Последний неодинаково протекает у разных людей. Иногда он дает новый «расцвет способностей», ранее заторможенных условиями быта и недостатком досуга. Дальнейший этап динамики личности ограничен только смертью или особо тяжелым психическим заболеванием.

Надо особо отметить, что четыре разбираемых периода развития личности в онтогенезе закономерно совпадают с доминированием в каждом периоде соответствующей подструктуры личности, что будет видно из дальнейшего.

Слова П. К. Анохина, обращенные в свое время к философам, долго не принимались ни ими, ни многими психологами: «Я могу доказать,— говорил он,— что много из того, что мы считаем специфически человеческим, приобретенным человеком после рождения на самом деле содержится в нашей генетике, заключено в нашей природе в форме фиксированных соотношений нервных структур.

В течение 15 лет мои сотрудники изучают живой плод человека, начиная с трехмесячного возраста, изъятый по различным медицинским показаниям. Когда мы смотрим

на пятимесячное существо, помещающееся на ладони и весящее всего лишь 500—600 г. и уже имеющее образ человека, то трудно отделаться от впечатления, что это человек. Это существо выражает своей мимикой абсолютное неудовольствие, что его вынули, плачет и всхлипывает, выражая все специфические человеческие черты неудовольствия и обиды. Возникает вопрос: как мимика, это специфически человеческое качество, могла передаться в генотип, идти через все стадии онтогенеза и стать впоследствии мимикой человека?

Следовательно, если взять в сумме всю грандиозную проблему теории познания, то нельзя затемнять эту сторону дела потому, что она относится к таким свойствам человеческой психики, которые имеют биологическое происхождение» [15].

Автору этой книги также не раз приходилось держать на ладони еще не родившегося человека и наблюдать так красочно и точно описанную П. К. Анохиным его мимику даже в еще меньшем возрасте. Сейчас доказано, что «процесс синаптогенеза, который служит основой формирования функциональных систем в нервной системе, а следовательно, в конечном счете и материальной основой для становления интеллекта,— начинается в пренатальном онтогенезе очень рано — по нашим данным, на четвертой неделе внутриутробного развития...» [16] — пишет А. А. Милохин, специально изучающий развитие нервной системы человека.

В силу сказанного можно утверждать, что уже в пренатальный период у человека достаточно выражено формируется и даже может выражаться в поведении темперамент как проявление низшего уровня «будущей личности». Ведь матери нескольких детей, имеющих различные темпераменты, хорошо знают, как они в соответствии со своим темпераментом «по-разному стучали под сердцем».

В нормальном пренатальном периоде нет раздражителей, вызывающих боль, но приведенные слова П. К. Анохина говорят, что у 5-месячного плода возможности для ее переживания уже созрели. Акт родов, бесспорно, болезнен не только для матери, но и для ребенка. Память также существует врожденно.

---

[15] *Анохин П. К.* За творческое содружество философов с физиологами // Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966. С. 221—222.

[16] *Милохин А. А.* Полнее раскрыть и развить возможности человека // Коммунист. 1982. № 4. С. 71.

В первом постнатальном периоде быстро формируются анализаторы, а в дальнейшем доминирующим становится весь ансамбль подструктуры психических процессов как форм отражения, входящих в следующий, более высокий уровень личности, уже имеющих выраженное индивидуальное своеобразие.

В третьем периоде развития личности, когда у ребенка уже есть минимумы и сознания, и личности, все более отчетливо начинает доминировать подструктура опыта. Ее кульминационная точка несколько предшествует периоду окончания среднего образования, получения не только паспорта, но и юридической ответственности за свои поступки и права вступления в комсомол. Но в этом же периоде все более отчетливо формируются и высшая подструктура личности — направленность,— и обе наложенные подструктуры — характер и способности.

И наконец, в четвертом периоде, когда уже есть минимум социальной зрелости личности, в ее структуре доминирует высший уровень — направленность, а в ней ее высший уровень — убеждения, которым подчиняются и характер, и способности, обобщаясь в призвании.

Сказанное может быть уложено в схему этапов и рубежей развития личности (см. с. 231). Конечно, это только схема, имеющая к тому же индивидуальные вариации. Но в целом она вносит ясность в развитие личности, уточняя понятие «динамическая функциональная структура».

На всех этапах развития личности взаимодействуют две формы ее развития: созревание и формирование. Основная роль созревания на первых этапах быстро уменьшается, чтобы исчезнуть на четвертом этапе и замениться к концу его постепенно увеличивающейся биологической деградацией. При этом и созревает, и деградирует только процессуальное в личности. Роль же формирования с начала постнатального периода непрерывно возрастает, адресуясь в основном к содержательному, но в какой-то степени и к процессуальному в личности. Сказанное и подтверждает изложенное в 2 гл. IX о взаимодействии процессуального и содержательного, и подтверждается им.

Надо отметить, что минимум социальной зрелости личности определяется не только возрастом человека и темпом накопления им содержательного в его личности, но и, конечно, социальными условиями его существования. Для понимания этого достаточно сравнить фонвизинского «Недоросля» (подобные великовозрастные «иждивенцы» еще

Схема этапов и рубежей развития личности

Этап	Рубеж	Доминирующая подструктура личности	Примерный возраст в годах
Пренатальный период		Биопсихические свойства	
	Рождение		
Младенчество		Особенности психических процессов	
	Минимум личности		3±0,5
Становление личности		Опыт	
	Минимум социальной зрелости личности		16±1
Профессиональное развитие		Направленность	
	Переоценка жизненного пути		30±2
Гармоничное совершенствование			
	Предпенсионное планирование		55±3
Старческая деградация	Необязательный		
	Смерть		

не перевелись и у нас) с личностью, которой только «шестой миновал», так ярко описанной Н. А. Некрасовым в стихотворении «Крестьянские дети». Здесь надо отметить, что если минимум личности может быть сформирован в условиях микросреды «семейного воспитания», то формирование минимума социальной зрелости требует влияния макросреды, которую, конечно, имел и «мужичок с ноготок».

Хотя советская педагогическая психология декларирует преобладающее значение социального над биологическим и воспитания (а оно — вид формирования) над созреванием, в этих программах и учебниках превалируют сведения о возрастном созревании[17]. Исключением явля-

[17] См., напр.: Возрастная и педагогическая психология. М., 1973.

ются работы В. В. Давыдова с акцентом па содержательное в личности [18].

Концепция, излагаемая в этой книге, полностью совпадает с опубликованным предложением «о необходимости научной разработки системы мероприятий, направленных на максимальное развитие интеллекта человека, на необходимость создания комплексной программы, охватывающей весь процесс индивидуального развития нервной системы человека — от внутриутробного его онтогенеза и вплоть до завершения профессиональной его подготовки» [19].

Итак, непрекращающаяся дискуссия о том, каждый ли взрослый, здоровый человек — личность, объясняется нечеткостью понимания феномена личности некоторыми психологами, педагогами и философами. Включение этого понятия в единую систему психологических понятий делает этот спор беспредметным спором о словах.

Подмена минимума личности социально зрелой личностью есть подмена действительного желаемым, оптимального идеальным и игнорирование реального многообразия личностей, как и содержаний сознания. История литературы давно уже доказала еще не понятое рядом психологов существование самых различных личностей, как гармонически, так и односторонне развитых, как прогрессивных, так и реакционных, как здоровых, так и больных, как высокоморальных, так и преступных.

Понятие социализации личности — существования социального как отражения в индивидуальном сознании идей общественного сознания — неоправданно; но в смысле большего или меньшего и все возрастающего его градиента под влиянием макросреды оправдано, позволяя понять сущность динамики структуры личности.

3. Виды формирования личности

Выше уже было сказано о том, что понятие «развитие личности» обобщает два понятия: ее созревание и формирование. И в этом еще нет ничего специфичного для личности. Развитие организма также обобщает эти два понятия, причем в современной действительности понятие формирования организма человека в его специфическом смысле совпадает с понятием «физическая культура». Но

---

[18] В частности, см.: *Давыдов В. В.* Личности надо «выделяться» // С чего начинается личность. М., 1979. С. 109—140.

[19] *Милохин А. А.* Указ. соч. С. 71.

формирование личности, как и формирование организма, подчинено всеобщему значению понятия «формирование».

Формирование в его всеобщем значении — это развитие чего-либо под влиянием целенаправленных на него воздействий. Однако понятие «формирование личности» содержит и то особенное, что в его специфических для личности видах может быть правильно понято только в свете теории отражения.

Специфическое для личности формирование — это целенаправленное обогащение ее содержательной стороны путем превращения отражаемой реальности, лежащей вне этих рамок, в отраженное, входящее в ее рамки, т. е. беспрерывное присвоение мира ею. Эта функция психики свойственна в какой-то мере и животным, но у личности она достигает апогея в том виде формирования, который называют воспитанием. Эта функция, в частности, определяет, почему развиваемая в этой книге концепция носит название не только динамической, но и функциональной структуры личности.

Есть три основных пути формирования личности: стихийное, целенаправленное и самоформирование.

Стихийное формирование личности — это формирование ее в результате случайных внешних воздействий. Оно не только неминуемо существует, но и играет доминирующую роль в формировании любой личности. Запрограммировать все воздействия на личность и обеспечить доминирование ее целенаправленного формирования практически невозможно даже с целью эксперимента. Улица, соученики, соседи, случайные книги, средства массовых коммуникаций — все это стихийное формирование личности. Результат его зависит как от особенностей формирующих воздействий, так и от процессуальных особенностей личности. При этом последние могут быть как врожденными, так и сформированными в раннем детском возрасте. За время, пока писалась эта книга, психологическая наука получила убедительное подтверждение этого на примере «детей Лыковых» [20]. Трое из них с годовалого возраста и от рождения в течение около 40 лет стихийно формировались в одинаковых условиях таежной среды и общения только друг с другом. Но в силу порожденных процессуальных особенностей характеры у них оказались весьма различными. Но еще более все трое

[20] Подробнее см.: *Песков В. В.* Таежный тупик. М., 1983; *Платонов К. К.* Чему учит «феномен детей Лыковых» // Наука и религия. 1984. № 8. С. 20—25.

отличались от старшего брата, попавшего в тайгу в 11 лет.

Сразу же надо сказать: сверхзадача здесь не в том, чтобы устранить стихийное формирование личности. Задача в том, чтобы стихийное формирование регулировать в нужном направлении. Примером может быть сравнение телепередач, которые смотрит советский и американский школьник. Есть и более трудная, но не менее важная задача: так противопоставить целенаправленное формирование возможным отрицательным влияниям стихийного, чтобы использовать и их в нужном направлении. Этот психолого-педагогический прием носит название психологического (или, в частности, морального) закаливания. Он также является видом регулирования стихийного формирования и включения его в русло целенаправленного.

Из сказанного вытекает понимание целенаправленного формирования личности как формирования ее по заранее спроектированной модели с помощью адекватных мер и приемов воздействия. Последнее обычно называют видами формирования, и о них речь пойдет ниже. Целенаправленное формирование личности, в свою очередь, может быть массовым и потому волей-неволей шаблонным, каковым оно обычно и бывает. Но оно может, и к этому надо стремиться, быть индивидуальным, опирающимся на личностный подход к формируемому.

Виды формирования личности закономерно связаны с четырьмя подструктурами личности и повторяют их иерархию. Причем каждая из четырех подструктур личности имеет свой специфический вид формирования. Они уже давно известны педагогике, но еще не всеми поняты в своем иерархическом соотношении с психологическими подструктурами личности. Вместе с тем понимание иерархии видов формирования личности имеет весьма большое значение для ее целенаправленного формирования, о котором сейчас идет речь, и для самоформирования личности и их саморегулирования, о которых речь пойдет ниже.

Простейшим видом формирования личности, специфическим для четвертой ее подструктуры — ее биопсихических свойств, которые хотя и с трудом, как черты темперамента, но все же поддаются формированию,— является тренировка в ее точном понимании. Ее сущностью является повторение определенных действий, для выполнения которых необходима активизация определенных свойств

личности. Для формирования свойств личности 4-й ее подструктуры тренировка не только необходима, но и достаточна, как она необходима и достаточна для формирования ряда свойств человека как организма: силы его мышц, подвижности суставов и т. д. При этом в обоих случаях тренировки организма и 4-й подструктуры личности возможно и ее отрицательное действие — перетренировка.

Для формирования свойств личности 3-й подструктуры — психических процессов как форм отражения — тренировка, как повторение действий, необходима, но уже недостаточна. Она должна быть дополнена связью с пониманием результата каждого выполняемого действия и со стремлением при каждом повторении получать лучший его результат.

Для формирования свойств личности 2-й подструктуры — опыта как знаний, навыков и умений — упражнение, а следовательно, и тренировка необходимы, но также недостаточны. Они должны быть дополнены связями усваиваемого в процессе упражнения с уже ранее усвоенным, что является сущностью обучения как специфического вида формирования свойств личности 2-й подструктуры.

Для формирования свойств личности 1-й подструктуры — направленности — обучение, а следовательно, и упражнение, и повторение также необходимы, но, в свою очередь, недостаточны. Они должны быть дополнены связями усваиваемого в процессе обучения с имеющимися свойствами личности этой подструктуры и стремлением проявлять их в своих действиях, становящихся тем самым поступками, а свойства личности — мотивами их выполнения. А это является сущностью воспитания как специфического вида формирования свойств личности 1-й подструктуры — направленности личности. Но, поскольку направленность личности не только субординирует подструктуры более низких уровней, но и компенсирует имеющиеся в них недостатки, воспитание — это вид формирования и всей личности в целом через подструктуру ее направленности.

Надо отметить, что, поскольку 1-я подструктура доминирует над остальными и завершает их, воспитание также является видом формирования, не только доминирующим над обучением, упражнением и тренировкой и завершающим их, но и основным видом формирования личности в целом.

Излагаемая система частных понятий, входящих в понятие «формирование», требует еще анализа понятия «подготовка». Это тем более важно, что в него сейчас часто вкладывают произвольное содержание.

В наиболее широком и точном смысле подготовка — это доведение чего-то до состояния готовности, соответствия определенным требованиям. В пределах объема понятия «формирование личности» говорят о подготовке по той или иной специальности (что соответствует конкретным видам обучения), т. е. о формировании 2-й подструктуры личности, о волевой подготовке (что соответствует формированию качеств воли в 3-й подструктуре). Говорят о моральной подготовке как о формировании моральных качеств личности, входящих в 1-ю подструктуру.

Но в последнее время все чаще говорят о психологической подготовке либо к труду в целом в политехническом плане, либо к определенным видам труда или даже деятельности в строго определенных, в частности в экстремальных, условиях. В этом смысле психологическая подготовка — это стойкая или временная (тогда это психологическая мобилизация) активизация способностей личности к данному виду деятельности в определенных условиях. Вот почему она, как способности и мотивы, всегда и обязательно «к чему-либо».

В заключение надо определить понятие регулирования, связав его с разбираемым понятием формирования личности. Саморегулирование личности является частным, специфическим для личности видом ее регулирования. Регулирование в широком смысле — это приведение чего-либо в соответствие с чем-либо извне для него заданным. Но регулирование включает и исправление возникающих отклонений в режиме слежения за этими отклонениями от заданного.

Следовательно, регулирование личности — это упорядочивание ее свойств и приведение их в соответствие с требованиями к ней. Эти требования по их объему и содержанию и по их адресованию различным свойствам и сторонам личности могут быть весьма различны. Они конкретизируют общую задачу всестороннего, гармонического развития личности. А это, в свою очередь, сближает два понятия: регулирование и формирование, не отождествляя их.

Итак, формирование личности, как ее развитие под влиянием внешних для нее воздействий, может проходить по трем путям (стихийного и целенаправленного форми-

рования и самоформирования) и имеет 4 основных вида. Каждый из этих видов специфичен для соответствующей из 4-х основных подструктур динамической функциональной структуры личности, не только соответствуя иерархии последних, но и в значительной степени определяя их иерархию.

Тренировка специфична для подструктуры биопсихических свойств личности; упражнение — для психических процессов как форм отражения; обучение — для опыта как приобретения знаний, навыков и умений; воспитание — для направленности личности, а следовательно, и для личности в целом за счет субординации всех нижележащих подструктур личности ее направленности, а другие виды формирования — для воспитания.

Психологическая подготовка и кратковременная психологическая мобилизация — специфический вид формирования способностей.

Формирование характера осуществляется через единство воспитания убеждений, обучение единству целей и мотивов деятельности, подчиненной этой направленности, и упражнение волевого компонента как формы активного отражения этих целей и мотивов. Для формирования характера особо важна роль морального воспитания и самовоспитания.

4. Оценка моральной воспитанности

Воспитание имеет несколько видов, которые распадаются на ряд форм: коммунистическое воспитание, идеологическое, моральное, профессиональное, трудовое, физическое.

Коммунистическое воспитание интегрирует все другие виды и, будучи подчинено задачам строительства коммунизма, подчинено задаче формирования нового человека, о чем речь пойдет ниже.

Идеологическое воспитание формирует политическое сознание личности на основе марксистско-ленинского мировоззрения. Психологическая наука при этом может (а следовательно, и должна) выполнять то, что получило теперь общепризнанное наименование,— идеологическую функцию психологии, понимая при этом идеологию как высшее проявление опережающего отражения [21].

[21] Подробнее см.: *Платонов К. К.* Отражательная сущность идеологической функции психологии // Теоретические и практические исследования психологического воздействия. Иваново, 1982. С. 23–33; Система психологии и теория отражения. М., 1982. С. 296–303.

Моральное воспитание в этом иерархическом ряду занимает центральное место. Оно изучается всеми общественными и гуманитарными науками, но глубже всего этикой, педагогикой и психологией. С позиции последней и излагается этот параграф.

В процессуальном аспекте оно формирует моральные отношения сознания, моральную направленность личности и ее нравственное поведение. В содержательном аспекте оно подчинено приведению отношений, направленности и поведения воспитанного человека в соответствие с нравственными нормами, принятыми данным обществом. В силу сказанного нравственные нормы должны рассматриваться в качестве системообразующего фактора морального воспитания и основного критерия оценки уровня моральной воспитанности личности. Именно моральное воспитание побуждает человека расцепивать свои действия как поступки, являясь «клеточкой личности».

Нравственные нормы, как и любые другие (учебные, профессиональные, правовые и т. д.) социальные нормы, определяются наиболее частным суждением членов общества (а иногда только данной группы) о требованиях к их поведению (с учетом их социальных ролей), создающих оптимальные условия оптимального бытия. Они взаимодействуют с бытием данного общества (или группы), не только его отражая, но и формируя. В отличие от правовых норм, кодифицированных государством на уровне закона, нарушение которого оценивается как преступление, нравственные нормы кодифицируются не столь строго, и их нарушение оценивается как безнравственные или аморальные поступки.

Безнравственным поступок или поведение считается тогда, когда они объективно не соответствуют принятым нравственным нормам, которые личности, их нарушающей, вследствие ее моральной необученности просто неизвестны. Если же совершающий их знает, нарушение нормы оценивается как аморальный поступок. В основе тех и других могут лежать кратковременные процессы, состояния и свойства личности. Последние позволяют оценить уровень моральной воспитанности личности. Для оценки уровня моральной воспитанности личности необходимо найти ответы на три вопроса: какие особенности личности определяют этот уровень; по каким признакам можно их качественно выявлять; как эту качественную оценку перевести в количественную, чтобы оценить динамику воспитания.

Ответ на первый вопрос можно найти в народном языке, который чутко отразил эти особенности личности, четко обобщив их в 4 группы, главными из которых являются по отношению к окружающему миру и обществу идейность, патриотизм, интернационализм, принципиальность, бдительность, честность; по отношению к труду — ответственность, трудолюбие, дисциплинированность, старательность, целеустремленность, инициативность и т. д.; по отношению к другим членам коллектива — общительность, коллективизм, тактичность, правдивость, требовательность, заботливость и т. д.; по отношению к себе — требовательность, скромность, самостоятельность, самокритичность и т. д.

Есть все основания считать, что этот список может служить ответом на первый из поставленных выше вопросов.

Ответ на второй вопрос дает метод обобщения независимых характеристик. Здесь надо указать на значение более подробного раскрытия его названия — характеристик, получаемых при изучении личности в различных видах совместной деятельности. Это должна быть совместная деятельность изучаемой личности с другими членами различных групп, учебой различных видов, партийной или комсомольской, производственной, технической, спортивной; в различных кружках самодеятельности, в быту, даже в общественном транспорте, в кинотеатрах и в музеях, в столовой и ресторане и т. д. Очень желательно, чтобы составляющий характеристику не только наблюдал изучаемую личность в этой его совместной деятельности, но и сам был бы в нее включен.

Ответ на третий вопрос — о переводе качественной оценки в количественную 5-балльную — дает метод полярных баллов. Он позволяет оценивать и каждый из приведенных, и, конечно, дополнительных параметров и получать обобщенный средний балл в расчете на четыре отношения: к обществу, работе, другим членам коллектива и к себе. Обобщение этих четырех баллов позволяет одним (дважды обобщенным) баллом оценить уровень моральной воспитанности личности.

Однако индуктивный метод не единственный для этой цели, есть и дедуктивный метод (см. схему). Их параллельное применение и анализ расхождений не только обогащают опыт использующих эти методы, но и позволяют лучше понять динамику моральной воспитанности как отдельных личностей, так и коллектива в целом.

Схема уровней моральной воспитанности личности

Название	Техническая структура	Проявление в поведении	Задачи формирования
Отличная (внутренняя) воспитанность	Наличие нравственных привычек и моральных чувств как потребностей выполнения нравственных норм и противодействия их нарушению	Не только совершение нравственных поступков, но и активное противодействие действиям, противоречащим нравственным нормам	Укрепление имеющихся нравственных привычек
Хорошая (внешняя) воспитанность	Наличие высокоавтоматизированных нравственных навыков применения хорошо усвоенных знаний нравственных норм	Непроизвольные действия, соответствующие нравственным	Воспитание нравственных привычек
Ситуационная воспитанность	Хорошее знание нравственных норм, но выполнение их в ситуациях, грозящих неприятностями	Произвольное выполнение действий, соответствующих нравственным нормам и возможность выполнения аморальных действий	Упражнение нравственных навыков
Плохая воспитанность	Знание нравственных норм, но отсутствие навыков их выполнения	Проявление невоспитанности и аморальных действий	Обучение нравственным навыкам
Невоспитанность	Смутное представление о нравственных нормах и навыках	Очень частое проявление невоспитанности и действий, противоречащих нравственным нормам	Обучение знаниям нравственных норм

Вместе с тем эта схема подчеркивает различие внешней и внутренней воспитанности, которые, как известно, далеко не всегда совпадают. При этом внешняя моральная воспитанность может иметь три формы. Она может, совпадая с внутренней, ее объективировать. Она может быть этапом еще не доросшей, но имеющей тенденцию дорастать до внутренней моральной воспитанности. Но она может быть и маскировкой аморальных, но скрываемых установок личности.

В последнем случае расхождение внешней и внутренней воспитанности является показателем лицемерия личности. «Лицемерие — это тоже ложь, но не только на словах, но и делами, поступками»[22]. Эта точная формулировка дана замечательным педагогом Г. Г. Голубевым, который в своей книге дал глубокий анализ морального воспитания, показав «границы» лицемерия.

Итак, оценка методами обобщения независимых характеристик и полярных баллов уровня моральной воспитанности личности вполне практически возможна. Давая достаточно объективный срез, повторные оценки по той же методике в течение ряда лет в том же учебном заведении могут показать динамику этого аспекта развития личности и помочь осуществлению личностного подхода при целенаправленном коммунистическом воспитании не только подростков, но и взрослых.

5. О личности нового человека

В личностях всех исторических периодов, как и всех рас и народов, общим является их процессуальная сторона, схематически смоделированная как динамическая функциональная структура личности. Индивидуальные вариации этой процессуальной структуры после завершения антропогенеза между личностями разных эпох и рас не больше, чем внутри любого из народов любой эпохи.

Различным расам и народам присущи типологические процессуальные особенности личности. Так, итальянцы. бесспорно, более эмоциональны, чем норвежцы, и отличаются от них по сенсомоторным особенностям. Но преобладающие особенности не выходят за рамки их вариаций, существующих у тех и других. И главное, что наиболее существенно для этой главы, процессуальные особенности народов — это закрепленное влияние условий их общественного бытия[23]. Их анализ позволяет высказать ряд соображений о возможных тенденциях процессуальной стороны личности человека коммунистического общества.

Изменение потребностей личности происходит на наших глазах. Изменяются и возрастные влияния. Если в XIX в. личность русского крестьянина в ее онтогенезе к 20-летнему возрасту была полностью сформирована и

[22] *Голубев Г. Г.* Секреты воспитания. Грозный, 1973. С. 57.
[23] См.: *Гаджиев А. Х.* Проблемы марксистской этнической психологии. Ростов, 1982.

относительно мало изменялась уже до глубокой старости, то личность крестьянина, родившегося в начале XX в., продолжает изменяться и поныне. Также меняются и проявления, казалось бы, чисто биологические. В психиатрических клиниках на наших глазах исчезли «наполеоны» и «христосы». Понятно, что такое социальное влияние на биологически обусловленные особенности личности в основном будет не ослабевать, а усиливаться.

Возрастающее экономическое изобилие и определяемые им улучшения гигиенических условий труда и быта, равно как и правильное воспитание с первых дней жизни, не смогут не повлиять благотворно на физическое и нервно-психическое здоровье.

Можно ожидать и процессуальные изменения этой подструктуры личности, которая объединяет индивидуальные особенности отдельных психических процессов. Конечно, и на отдаленных этапах коммунизма у одних людей будет зрительный тип памяти, а у других — слуховой, и острота зрения будет различна.

Но нельзя забывать, что свойства личности взаимосвязаны и морально-воспитанная воля, дисциплинированность и морально-воспитанное внимание хотя и приобретены, но и процессуальны. Понятно, что эти качества у нового человека будут не только отчетливее и чаще выражены, но и в соответствии с нравственными нормами будут изменять свое содержание.

История человечества показывает исчезновение явления «психического заражения», основанного на подражании и потере волевого контроля. Сюда относятся явления эмереченья, кликушества, паники и т. д.

Гомер, глубоко реалистично описывая горе Приама и Гекубы по убитому Гектору и встречу Телемака с возвратившимся Одиссеем, надо думать, не преувеличивал. Старая графиня Ростова в «Войне и мире», получив известие о смерти Пети, впала в состояние аффекта, подобно Гекубе. Нашему современнику подобные проявления горя и радости несвойственны, и это отнюдь не значит, что горе и радость его меньше. У них просто иная процессуальная сторона их проявления. Тем более иначе, глубже, а не внешне, демонстративно они будут проявляться у человека коммунизма. Но из сказанного нельзя делать вывод о снижении при коммунизме эмоционального тонуса жизни.

Процессуальная сторона приобретения опыта почти не меняется в истории человечества, и ожидать ее заметного

изменения в зримом будущем оснований нет. Нет оснований ожидать изменений процессуальной стороны и в направленности личности.

Принципиально иная зависимость содержательной стороны опыта и направленности личности (а следовательно, и личности в целом) от общественно-исторических условий. Советского человека «с пеленок» жизнь учит тому, что он равноправный участник общей с другими работы, и тому, что его место в этой работе будет определяться только двумя условиями — его трудолюбием и его способностями, которые он сам в себе разовьет. Его учат тому, что «я — это последняя буква в алфавите» и советская действительность опирается не на «Я», а на «МЫ». В советском человеке, с детского сада включенном в коллектив, логично развивается чувство коллективизма и стремление не только брать от других, но и давать им, совершать нравственные поступки.

Наконец, нельзя не отметить еще два фактора, кардинально влияющих на содержательное в личности советского человека. Это, во-первых, абсолютная уверенность в своем праве на труд, определяемом не только Конституцией СССР, но и отсутствием безработицы. Во-вторых, это всеобщее среднее образование, не только опирающееся на диалектический и исторический материализм, но и пронизанное ими и определяющее основу единого научного мировоззрения, отклонения от которого хотя и существуют, но отчетливо видны.

Однако последнее и для каждого советского человека, и для человека будущего является возможностью, которая не обязательно становится действительностью. Сопоставляя взгляды марксистско-ленинского мировоззрения как научного общественного сознания с мировоззрением личности конкретного человека, нетрудно отчетливо увидеть взгляды, соответствующие уровню сегодняшнего дня, взгляды, являющиеся ростками нового человека, взгляды, являющиеся пережитками прошлого.

Такое сопоставление позволяет оценить степень прогрессивности, цельности и устойчивости индивидуального мировоззрения конкретного человека. Притом новым положительным качеством личности является не только прогрессивность мировоззрения, но и активность преодоления пережитков, нетерпимость к ним у себя и других.

Ядром этой новой в истории человечества социальной общности, называемой советским народом, является рабочий, и в зримом будущем он не изменит этой своей роли.

Поэтому особенности современного передового рабочего в значительной мере должны рассматриваться как модель нового человека, получающая все более массовое проявление.

К деловым психологическим чертам личности квалифицированного советского рабочего относятся следующие его качества: стремление к созданию материальных ценностей, удовлетворяющих потребности людей, в том числе и свои личные потребности, а также к повышению производительности труда и качества его результатов; заинтересованность в успешной работе коллектива, предприятия и отрасли народного хозяйства, в которых он работает; понимание своей роли в этом и своей ответственности за выполнение ее; способность быстро и правильно решать технологические задачи, легко, без излишнего напряжения и срывов переносить умственные и физические производственные нагрузки; склонность к постоянному совершенствованию своих профессиональных знаний, навыков, умений и производственного мастерства в целях достижения все больших успехов в создании полезных обществу материальных ценностей.

Эти содержательные свойства передового советского рабочего все быстрее становятся свойствами любого советского человека.

Итак, в отличие от процессуального содержательное в личности, как отражение не только индивидуального, но и общественного бытия и общественного сознания, чутко реагирует и быстро и глубоко изменяется при изменении общественных формаций. Так было в прошлом, но сейчас этот процесс и укоренился, и углубился.

В основе психологической теории «нового человека» лежат слова В. И. Ленина, написанные им в 1920 г.: «Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень „трудно", слов нет, но всякий иной подход к задаче так несерьезен, что о нем не стоит и говорить» [24–25].

Модель процессуальной стороны динамической функциональной структуры личности за обозримую историю культуры человечества в целом осталась неизменной, хотя отдельные компоненты ее уровней изменились. Этот ретроспективный вывод позволяет считать, что и в даль-

---

[24–25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 33.

нейшем процессуальное в личности будет скорее варьировать, чем изменяться. Но личность нового человека будет все более отличаться от современных и прошлых за счет различия содержательного, как отраженного и закрепленного в их сознании. Это различие той стороны сознаний, а следовательно, и личностей, о которой К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что оно «никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием» [26].

* * *

Развитие личности, как и любого другого феномена, имеет не только общее, но и особенное, специфичное только для нее. Специфичным для ее развития являются две его формы: созревание (адресуемое только части процессуального в ней), и формирование, имеющее три пути: стихийное, целенаправленное и самоформирование, а также четыре основных вида: тренировка, упражнение, обучение и воспитание. Последние иерархично связаны друг с другом и специфичны для каждой соответствующей из 4-х основных подструктур личности. Роль содержательного от тренировки, для которой она минимальна, до воспитания, для которого она максимальна, закономерно повышается, определяя столь же закономерное выхождение личности в процессе ее развития за рамки своего процессуального. Содержательное в личности, как отраженное ее бытие, в процессе ее развития может быть беспредельным.

Нельзя не согласиться с Б. Г. Ананьевым, что «эффекты воспитания (лучше бы сказать — формирования.— *К. П.*), вносимые в структуру развития, характеризуются перестройкой психофизиологических функций (т. е. 4-й подструктуры.— *К. П.*), процессов (3-й подструктуры.— *К. П.*), операций поведения (2-й подструктуры.— *К. П.*). Однако для построения научной теории управления этими процессами развития в ходе воспитания необходимо с большой точностью проектировать возможные изменения в развитии и в самой личности воспитанников, а потому рассчитывать отношения между частями воспитания и компонентами структуры развития» [27]. Именно в силу этого для построения научной теории управления процес-

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 25.
[27] *Ананьев Б. Г.* Структура индивидуального развития как проблема современной педагогической антропологии // Сов. педагогика, 1968, № 1, С. 24.

сом развития личности надо опираться на понимание динамической функциональной структуры личности.

Современная методика оценки динамики моральной воспитанности личности, подтверждая возможность оценки эффективности воспитания, подчеркивает необходимость и возможность изучения специфических для каждой личности особенностей ее оптимального развития. А это основная задача, которой должна быть подчинена теория личности, поскольку именно она призвана научно обосновать пути формирования нового человека — строителя коммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, книга подошла к концу. Начавшись односторонними, взаимопротиворечивыми теориями о сущности личности, опершись на ленинскую теорию отражения и рассмотрев в ее свете взаимодействие личности с рядом смежных явлений, отражаемых категориями сознания и деятельности, изложив теорию практического изучения и формирования личности, она закончилась соображениями о личности нового человека как о цели, подчиняющей себе все предыдущие частные теории.

Суть этой концепции личности, изложенной в книге, в том, что она

— рассматривает личность в свете ленинской теории отражения и понимает ее как отражающую систему, лежащую между отражаемым им миром и содержательным в психике как отраженным;

— включает личность в единую систему психических явлений, также рассматриваемых в свете теории отражения, и следовательно, в систему психологических понятий, иерархически подчиненных основной категории психологии — психике как психической форме отражения, принявшей у человека форму сознания;

— считает, что личность — это человек как носитель сознания, и видит в ней как в целом 4 иерархически рядоположенные пересекающиеся подструктуры: биопсихические особенности, особенности процессов как форм психического отражения, опыт и направленность, и 2 наложенные на них подструктуры: характер и способности;

— раскрывает совпадающие с иерархией основных подструктур личности иерархии соотношения биологического и социального, форм выражения активности, способов изучения и видов формирования;

— различая в личности, как и в любом психическом явлении, ее процессуальное и ее содержательное, видит в этом решении затянувшегося спора о биологическом и

социальном в ней (как и в любом психическом явлении у человека);

— определяя личность через сознание и считая, что сознание, говоря словами Маркса, «с самого начала есть общественный продукт», видит в этом определении личности утверждение ее (как и сознания) общественно-исторической обусловленности;

— раскрывает взаимодействие структур сознания, личности и деятельности, считая, что сознание личностно, личность деятельна, а деятельность сознательна, обобщает эти три явления (и категории) в эту формулировку принципа единства личности, сознания и деятельности, отмечая, что последовательность перечисления этих трех категорий определяется контекстом применения этого принципа;

— не выдавая желательное, но только возможное за действительное в понимании личности современного советского человека, а также желаемое за возможное при формировании нового человека, эта концепция обосновывает пути решения последней задачи.

В какой мере удалось раскрыть все эти положения убедительно для теоретиков и понятно для практиков и, следовательно, в какой мере эта книга будет интересна первым и полезна вторым, покажет время.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Константин Константинович Платонов — один из старейших советских психологов, стоявших у истоков советской психологической науки и посвятивших ей всю свою многогранную деятельность. Его перу принадлежит целый ряд фундаментальных исследований в области общей, социальной, медицинской, педагогической психологии, психологии труда и психологии религии. К. К. Платонов был крупным организатором научных исследований, талантливым наставником и воспитателем научной молодежи, великолепным популяризатором психологических знаний.

К. К. Платонов родился 7 июня 1906 г. в г. Харькове в семье потомственных медиков. Его дед — Иван Яковлевич Платонов — известный русский психиатр, а отец — Константин Иванович — крупный врач-невропатолог. Поэтому, может быть, закономерен ранний устойчивый и глубокий интерес К. К. Платонова к проблеме изучения человека.

В 1921 г. после окончания школы К. К. Платонов поступает на работу в Харьковский институт распространения естествознания, где начинается его самостоятельная научная деятельность и формируются черты ученого-исследователя. Еще будучи студентом Харьковского медицинского института, Платонов пишет свою первую книгу «Краткий определитель амфибий и рептилий Украины», которая издается в г. Харькове в 1926 г. А в 1926—1928 гг. он проводит первое психологическое исследование.

Уже в молодые годы четко проявляется гражданская позиция К. К. Платонова, высокое чувство общественного долга, присущее ему стремление участвовать в решении наиболее общественно важных, актуальных научных проблем. Так, в конце 20-х годов К. К. Платонов включается в разработку психологических проблем трудовой деятельности в рамках психотехнической лаборатории Южной железной дороги. В 1930 г. после окончания Медицинского института он принимает активное участие в изучении проблем медицины, работая врачом в Забай-

калье. С 1932 по 1935 год К. К. Платонов возглавляет исследовательский сектор Нижегородского (Горьковского) автозавода, а затем — Челябинского тракторного завода. Исследования, проведенные сотрудниками руководимых им лабораторий, внесли значительный вклад в разработку подходов к изучению проблем психологического отбора, психологических факторов оптимизации и рационализации труда.

В предвоенные годы, когда особенно остро встали вопросы подготовки военных кадров, К. К. Платонов начинает серию исследований, посвященных формированию профессиональных способностей, навыков и умений летчика. Являясь одним из основателей советской авиационной психологии, К. К. Платонов во многом определил разработку таких ключевых проблем психологии летного труда, как проблема эмоциональной устойчивости пилота, психологической подготовки к полету, психологической рационализации летного обучения и переучивания, формирования летных качеств и летного мастерства, авиационной психогигиены, психологической врачебно-летной экспертизы и т. д. Результаты работы в указанном направлении нашли отражение в таких широко известных трудах автора, как «Очерки психологии для летчиков» (совместно со Л. М. Шварцем. М., 1948 г.); «Человек в полете» (М., 1947); «Психология летного труда» (М., 1960) и др. Труды К. К. Платонова в области авиационной психологии и до настоящего времени являются важными теоретико-методическими руководствами, используемыми при организации психологической подготовки летного состава.

Теория для К. К. Платонова всегда являлась руководством к действию. Так, в трудные годы Великой Отечественной войны он становится практическим психологом, возглавляет военно-врачебную летную комиссию 1-го Белорусского фронта, с которым он проходит боевой путь от Сталинграда до Берлина. За боевые заслуги полковник медицинской службы К. К. Платонов награжден тремя боевыми орденами и медалями.

В последующие годы К. К. Платонов внес значительный вклад в становление и развитие советской социально-психологической науки, являясь одним из ведущих сотрудников в этой области сначала в Институте философии, а с 1972 г.— в Институте психологии АН СССР, с которым он был связан до последних лет жизни.

Поистине многогранной была научная биография доктора медицинских и доктора психологических наук, заслу-

женного деятеля науки РСФСР, профессора Платонова. Начав с изучения вопросов психологических особенностей правонарушителей, в дальнейшем он переключается на изучение психологических основ профотбора, исследование особенностей разных видов трудовой, в том числе летной, деятельности, проблемы личности, коллектива и т. д. Результаты этой необычайно интенсивной деятельности отражены более чем в 300 публикациях, переведенных на 21 язык как в нашей стране, так и за рубежом.

Категории сознания и личности занимают центральное место в научном творчестве К. К. Платонова. Им разработана оригинальная теория динамической функциональной структуры личности, базирующаяся на признании динамизма и единства личности, взаимосвязи ее черт, относящихся ко всем ее четырем подструктурам: направленности, опыту, индивидуальным особенностям психических процессов и биологически обусловленной подструктуре. К. К. Платонову принадлежит широко используемый в настоящее время в социально-психологическом изучении личности метод обобщения независимых характеристик.

В развитии теории личности важную роль сыграло обоснование подхода к изучению способностей личности, рассматриваемых автором как совокупность относительно стойких, хотя и изменяющихся под влиянием воспитания, черт личности, образующих такую ее динамическую структуру, которая на основе компенсации одних качеств личности другими определяет успешность обучения человека определенной трудовой деятельности, выполнения ее и совершенствования в ней. Исследование психологической структуры и формирования творческих, организаторских, коммуникативных способностей проводилось автором и возглавляемым им творческим научным коллективом на основе изучения как общих, так и конкретных профессиональных способностей.

Личность понимается Платоновым как структурная единица коллектива и поэтому логично большое внимание, уделяемое автором исследованию особенностей формирования личности в коллективе, специфики социалистических трудовых коллективов, путей их развития. Коллектив, согласно взглядам К. К. Платонова,— это группа людей, объединенная общими целями деятельности, подчиненными целям данного общества. Коллективистские отношения — это не просто взаимопомощь внутри группы, а обязательно совместное служение цели, вынесенной за рамки данной группы. Данный подход к пониманию соци-

альной природы коллектива позволил выделить психологическую классификацию различных социальных объединений, специфику коллективов как особого вида общностей, явился важным основанием разработки проблем коллективной деятельности и коллективистских взаимоотношений в советской социальной психологии.

Большое место в трудах К. К. Платонова отводилось общеметодологическим проблемам психологии и в этом плане особенно следует выделить проведенное автором изучение системы психологической науки, взаимосвязи понятий и категорий психологии с позиции ленинской теории отражения, что нашло отражение в ряде трудов, и в том числе в книге «Система психологии и теория отражения» (1982 г.), которую К. К. Платонов считал итогом своей работы в области психологической науки. В качестве основной, базовой категории психологии выделяется категория взаимодействия, рассматриваемая как исходная и для понятия отражения и для понятий системы и структуры: через категорию взаимодействия в системе К. К. Платонова объединяются в единое целое теория отражения и системный подход.

В рамках построения системы психологической науки большая работа проведена К. К. Платоновым по подготовке психологических словарей. Являясь глубоким ученым-теоретиком, К. К. Платонов в то же время обладал замечательной способностью популярного, доступного широкому кругу читателей изложения самых сложных научных положений. Примером этому являются книги К. К. Платонова «Занимательная психология», «Человек и религия» и многие другие.

К. К. Платонов оставил яркий след в истории развития советской психологической науки. Его жизнь и научная деятельность всегда будут являться примером самоотверженного, беззаветного служения идеалам науки, а его труды, несомненно, войдут в золотой фонд советской психологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая
ОБ ИЗУЧЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ

Константин Константинович Платонов

**СТРУКТУРА
И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ**

Утверждено к печати
Институтом психологии АН СССР

Редактор Л. А. Радзиховский
Редактор издательства О. И. Цатурян
Художник Г. П. Валлас
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Т. А. Калинина
Корректоры Ф. А. Дебабов, Р. В. Молоканова

ИБ № 29711

Сдано в набор 31.03.86. Подписано к печати 27.05.86
Т-00157. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр. отт. 13,65. Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 12 200 экз. Тип. зак. 2430. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6